

С.Г. КАРА-МУРЗА

ЛЕНИН

АЛГОРИТМ РЕВОЛЮЦИИ
И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Annotation

Эта книга не описывает революцию как борьбу классов, групп политиков и власти. В основе революции — взрыв понятий, идей, образов и пророчеств, любви и жестокости. Это новый образ мира и человека, новое пространство и время, мессианские миражи. Но из этого хаоса должен родиться порядок и жизнеустройство народов. Горе, если не появится человек, понявший этот реактор войны и братства, и не найдет путь к преображению пожара в строительство. Такой человек в России родился и вырос — это Ленин. Героев было много, а он смог соединить холодный разум ученого с воображением, страстью и волей. За ним пошли, произошел синтез силы поднявшегося народа и его чаяний с зарождавшимся образом будущего. Редкий сплав — тысячелетний опыт, религия, традиции, всплеск культуры с новой наукой, обновленной кризисом, — создал в ходе революции советскую картину мира. Так мы поднялись и устояли почти век.

Теперь надо изучить скрытые слоями слов достижения разума и совести наших старших поколений вместе с Лениным. Идут новые поколения, в новом мире и в новом обществе нужно не повторять старое, а осваивать фундаментальные принципы и подходы прошлого. Этому посвящена настоящая книга.

-
- [Сергей Георгиевич Кара-Мурза](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава 1. Предыстория труда Ленина](#)
 - [Глава 2. «Развитие капитализма в России» и марксизм](#)
 - [Глава 3. Первый довод \(«от Маркса»\)](#)
 - [Глава 4. Второй довод: расслоение на сельскую буржуазию и пролетариат](#)
 - [Глава 5. Природные факторы развития капитализма в России](#)
 - [Глава 6. Судьба русской крестьянской общины](#)
 - [Глава 7. О характере русской революции](#)

- [Глава 8. Становление новой теоретической системы революции](#)
- [Глава 9. Здравый смысл](#)
- [Глава 10. Образ будущего в марксизме и у Ленина](#)
- [Глава 11. Ленин: образ народного хозяйства](#)
- [Глава 12. Бедность](#)
- [Глава 13. Мировоззрение: отношения экономики и природы](#)
- [Глава 14. Становление советского предприятия: трудовой коллектив](#)
- [Глава 15. СССР: сборка исторической России](#)
- [Глава 16. Доводы и противоречия относительно Брестского мира](#)
- [Глава 17. НЭП](#)
- [Глава 18. Ленин: становление России как цивилизации в советских формах](#)
- [Послесловие автора](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
-

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

**Ленин. Алгоритм революции и образ
будущего**

Предисловие

Казалось, юбилей революции — формальное мероприятие. Но, внимательно приглядевшись, обнаруживаешь под золой и руинами разгорающееся пламя. Все размышления и обсуждения в России сегодня сконцентрированы на процессах в нашем обществе и государстве. Но все сильнее ощущение, что наша нынешняя драма связана с русской революцией, которая не закончена. Понять эту связь жизненно необходимо.

Подойдя к этой теме, я был поражен тем, как мало мы знаем о главном в революции. Схематизация эпизодов и результатов упустила важные срезы этой системы — типы знаний и мышления главных общностей, которые произвели революцию. После 1950-х гг. поколение советских стариков сошло со сцены, и следующее поколение было индоктринировано «идеологами». XX съезд произвел «убийство харизмы» революции. Старшие поколения «переварили» эту травму, но замолчали, а новое городское поколение отличалось вольнодумством. Требовалось обновление языка и логики системы легитимации СССР, но этого не произошло, обществоведение было не на высоте.

При этом ни интеллигенция, ни другие социальные группы и не думали разрушать СССР. Хотели только, как лучше! Наслаждались морализаторством, а меру и расчеты отбросили. Не ожидали, что перестройка совершит «убийство образа» уже и советского строя. Идеологи имели сильные средства. Их пиррова победа всех загнала в *экзистенциальную* ловушку — и нас, и их.

Большинство приняло ликвидацию СССР как тяжелую утрату, 75% определили приватизацию промышленности как *грабительскую*, то есть осознали приватизацию как *зло*. Члены КПСС после запрета этой партии в массе своей не стали антикоммунистами. Да и почти все население было оскорблено — издевательствами с референдумами и провокациями, воровством и безумным гламуром меньшинства, непрерывным враньем телевидения и пр.

Работа над материалом этой книги серьезно изменила для меня образ движения сознания, решений и действий нашего общества. И с

этим образом глубинно связаны процессы, которые погрузили нас в трясину. В этом мы обязаны разобраться. Я начну с короткого субъективного суждения.

Конечно, личные воспоминания неубедительны, но все-таки это сообщения. Я стал осознавать себя осенью 1941 г., когда детей повезли в эвакуацию, в Казахстан. Нас и еще семью поселили в избе, где жил старик с внучкой.

Мне было три года, я бегал по деревне с мальчишками. Не раз в деревне женщины и старики выбегали из изб, чтобы меня спасти — то гуси или бараны, то бык оторвался. Меня хватали, уносили и учили. Эти люди меня, по сути, наставили на путь жизни (так я потом понял). Для меня деревня стала большой семьей, и я был уверен, что и вся наша страна такова: куда бы я ни пошел, люди будут для меня как семья. Со временем были трудности, но это чувство не пропало, хотя сейчас мы переживаем болезненный кризис.

Мой дед был семиреченский казак, у него было семеро детей. В поле работали и сыновья, и моя мать, с пяти лет. Его сыновей и мою мать приняли в гимназию, но в 1917 г. ее забрали в школу станицы — учительницей (в 15 лет). Старший брат учился на учителя, вернулся большевиком, в 1918 г. он организовал ячейку комсомола из своих братьев, сестер и друзей. После Гражданской войны все семеро разъехались и прошли вузы — гражданские и военные, все вступили в партию. Старший, Павел, стал ученым, разрабатывал водные реформы в Средней Азии и Монголии. Перед войной сыновья купили отцу дом под Москвой, где мы с ним и пережили конец войны.

Он с моей матерью стали для меня главными воспитателями. Он был человеком добрым и умным, носителем советского мировоззрения. Он мне, пятилетнему, очень просто передал эти смыслы, хотя не сказал ни слова из политики. И при этом он уважал монархию и очень многое мне объяснил. Его сыновья тоже мне очень многое прояснили (отец погиб в 1945 г.).

Старший дядя мне рассказывал, что такое противоречия — на примере воды в Азии, как понять потребности и права, как прекратить войны из-за воды и что такое культура и религия. И когда в 1977 г. уже я работал в Монголии (мы готовили группу сотрудников в АН и к нам в аспирантуру), президент АН Монголии и несколько старых академиков узнали, что я его племянник, приходили ко мне и

рассказывали, как много он им помог в 1930 и 1940-е гг. Этими рассказами они много разъяснили — мой дядя умер в 1956 г., а они говорили о нем как о живом, как будто он все еще с ними работает.

Другой дядя, Николай, приехал на крыше вагона в Москву учиться математике — его мечта. Но через год был призыв в авиацию, и он пошел в училище, стал классным военным летчиком. Школьником я ездил к нему на каникулы на базу стратегической морской авиации. И он, и молодые летчики много объяснили — как человек должен управлять своим организмом, разумом и воображением, а также техникой. А еще он как командир (значит, психолог и социолог) объяснил мне, что каждое поколение летчиков и персонала — разное. Их когорты очень динамичны — культура, взгляды, вкусы, потребности. И чтобы они, новые, действовали в жестких рамках их миссии, надо непрерывно изучать молодежь и подтягивать структуры и все общество, обновлять форму, и это очень сложная работа командиров. Он мне это объяснял на аэродроме и на ученьях в 1953 г., и это мне врезалось в память.

Два других тоже были сначала в армии. Один, Иван, стал историком, преподавал сначала в военных академиях, позже в университете. А Петр пошел в Красную армию и долго воевал с басмачами. Потом тоже окончил исторический факультет, но началась разработка нефти у Небит-дага, его послали в нефтяной институт, а потом секретарем горкома Небит-дага. Когда он бывал в Москве, он мне много объяснял, что такое этническая культура — как воюют общности разных племен в Туркмении или на границе Ирана, как самоотверженно работали пастухи-туркмены на стройке нефтяных приисков — зимой, по пояс в воде. Он мне объяснял, что воевать и строить можно, только если понял и уважаешь культуру людей и достойно представляешь свою культуру. Он, конечно, излагал не такими терминами, а образами.

Зачем это я говорю? Я наблюдал явление, на мой взгляд, важное. Мои друзья, студенты 1-го курса МГУ, знали моих родных и любили с ними поговорить. Мои дядья лично знали Гражданскую войну, форсированные экономические программы, ВОВ и восстановление. Большой диапазон. И стали мои друзья после XX съезда ко мне приходить и заводить с ними споры, ставя под сомнение ту или иную установку советского проекта. Моя мать и другие мои родные

говорили очень скованно. Как будто были вещи, которые мы и сами должны были понимать, но не понимали, а они почему-то о них говорить не могли. Им тяжело было объяснять. Например, как плачут крестьянские дети от усталости. Мы это уже не могли прочувствовать, а они об этом говорить не могли.

И оказалось, что даже от родных, которые строили СССР и воевали, в 1960-1970-е гг. нам было трудно получить внятное объяснение логики решений, которые нам казались ошибочными. У стариков в прошлом было «неявное знание», и они быстро устраняли поломки и ошибки, находили лучшие решения. Учебников и пособий старики не оставили и ушли, а мы остались без системного знания.

Попробуем его найти, осознать и применить сегодня.

Введение

Русская революция — главное событие XX в. Она — стартер мировой революции «крестьянских» стран, изменившей все мироустройство. Революции Китая, Индии, Латинской Америки — ее родственники. Она — конец модерна, за этим порогом все пошло не так, как предписано в проекте Просвещения. На мировую арену вышла *доиндустриальная* цивилизация, идущая в обход западного капитализма. Это — цивилизация крестьян и этносов, отвергнувшая господство гражданского общества и гражданских наций.

Мы, Россия, и сейчас живем в этой революции. Крах советского строя в его первой версии — ее эпизод, сегодня — лишь начало этого эпизода. Если мы хотим выжить как народ и как культура, надо *знать* и *понимать* эту революцию. Ленин — ее продукт и ее творец, ее теоретик и конструктор. Он — ключ к знанию и пониманию.

Наша беда, что Ленин и его соратники не имели времени, чтобы ясно описать свое дело и тем более *понять* его, они следовали *неявному* знанию. Эйнштейн сказал, что в физике он «сначала находил, потом искал». Ленин и его соратники находили, а искать академические формы найденного не было времени. Нам надо *реконструировать* ход их мысли и дела. Эту возможность мы получили только сейчас, когда сникла и советская идеология, превратившая Ленина в икону, и когда выдохся черный миф Ленина. Молодым нужно холодное и достоверное знание.

Вот условия для разумных суждений:

— Отделять свои нравственные оценки от фактов. Допустим, вы считаете нравственной ценностью собственность помещиков на землю, но надо признать факт, что практически все крестьяне (85 % населения) считали ее незаконной. Такова реальность.

— Политика надо оценивать в реальных координатах, сравнивать не со святыми, а с теми, кто *в тот период* воплощал альтернативные проекты. Для Ленина мы имеем такой ряд сравнения: Керенский (*либерально-буржуазное Временное правительство*), Деникин («белые»), Савинков (*террористы-эсеры*), Махно (*анархисты*) и Троцкий (*коммунисты-космополиты*). Монархисты к концу 1917 г. уже

сошли с арены, даже Столыпин стал историей. Мечтать о «добром царе» — иллюзия. Все актуальные фигуры «предъявили» свои проекты, люди попробовали их на зуб, а не изучали в кабинетах. Отрицаете Ленина? Скажите, с кем бы вы были и почему в тот момент.

— Не надо копаться в мелочах. Надо сравнить два главных проекта, два вектора, задававших России разные (и расходящиеся!) цивилизационные пути. Один проект предполагал построение в России государства западного типа с капитализмом. Его воплощали сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Это — Февральская революция, «белые». Другой проект — советский, его воплощал Ленин. Это — Октябрьская революция, «красные».

Эти проекты Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте. С февраля по октябрь 1917 г. — в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Керенский понес поражение. Под давлением и при участии Запада блок кадетов и эсеров попытался вернуть власть военным путем, сравнение проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и в военном столкновении белые также понесли поражение.

Надо прислушаться к мнению предков, для которых, как народу, этот выбор был вопросом жизни и смерти. Совершенно неважно, какой из проектов нам сегодня нравится больше. Важно не сегодня и не наши предпочтения, а *тогда* и *то поколение*. О ценностях мы в ближайшее время не договоримся, сытый голодного не разумеет. Даже если сейчас захотелось жить по-рыночному, плевать в прошлое неразумно, если мы хотим ужиться на одной земле.

— О *личности* Ленина говорить не стоит. За ним не было замечено пороков или странностей, которые объясняли бы его мысли и дела. Он не был ни стяжателем, ни тираном. Это был умный и образованный человек, жесткий руководитель — труженик, преданный своему делу, которое он считал справедливым. Многие сегодня считают его дело несправедливым. Пусть так. Но Ленин сделал дело своей совести *мастерски*, с большим успехом — так давайте брать с него пример именно в этом.

Ленин входил в мировую элиту социал-демократов, в «политбюро» второй партии в двухпартийной системе будущего Мирового правительства. Он блестяще выполнил последний завет Маркса — интеллектуально разгромил народников с их доктриной

революции «не по Марксу» и развития «по некапиталистическому пути». Но, осознав смысл революции 1905 г., Ленин совершил радикальный сдвиг в обеих плоскостях раскола России — он встал в ряды *простонародья* против *сословной элиты* и в стан *почвенников* против *западников*. За это одни его возненавидели, а другие — полюбили.

Значит, будем говорить о *делах*, а не о личности.

— Надо прислушаться к носителям художественного чувства, оно часто приоткрывает знание. Были те, кто ненавидел Ленина, как Бунин. Были те, кто его принял как избавление — Блок, Есенин, Шолохов. Надо вникнуть в мотивы и тех, и других. А кто считает себя западником, пусть почитает современников Ленина, которые наблюдали его проект лично, — Б. Рассела и Г. Уэллса, А. Грамши и Дж. Кейнса. Все это — урок истории, его надо освоить независимо от нынешней позиции каждого.

Но это — первое приближение. Надо понять, что же такого ценного сделал Ленин, за что его уважали многие достойные и умные люди во всем мире и любила большая часть народа России. Вспомним ситуацию. С конца XIX в. России приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от него. Она слишком раскрылась Западу, а он не желал и уже *не мог* «принять» ее. Это было «исторической ловушкой»: возникли порочные круги, которые не удавалось разорвать. Замаячила революция как выход через *катастрофу*.

Было несколько проектов, все их перепробовала Россия. Каждый проект отражался в другом, каждая неудача обогащала знанием всех. Успешным был проект Ленина. Этот выбор вынашивали все, в том числе оппоненты и противники. В этом рывке было сделано много открытий мирового значения.

В основе советского проекта был *крестьянский общинный коммунизм*. Маркс считал его реакционным, он исходил из того, что крестьянство должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию и пролетариат. В это верил поначалу и Ленин. Его подвиг в том, что он преодолел давление марксизма, при этом нашел такие доводы, что стал не пророком-изгоем, каких немало, а вождем масс.

Назад из кризиса не выходят, и ленинизм соединил общинный коммунизм с идеалами Просвещения, что позволило России не закрыться в общине, а создать промышленность и науку, минуя котел

капитализма. Это был новаторский проект, и он сбылся — на целый исторический период. И Победа, и Космос, и тот запас культурной прочности, на котором мы переживаем нынешний кризис, — результаты того проекта.

Ленин — мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог. Он создавал прочные мыслительные конструкции и потому был свободен от доктринерства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гирями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Так было и с Брестским миром, и с военным коммунизмом, и с НЭПом, и с устройством СССР. Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина были нетривиальными и поначалу вызвали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Предвидения Ленина сбылись с высокой точностью (в отличие от Маркса). Читая его рабочие материалы, приходишь к выводу, что дело тут не в интуиции, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего, он «проектировал» будущее, а в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век.

Ленин выдвинул и частью разработал с десяток фундаментальных концепций, которые и задали стратегию советской революции и первого этапа строительства, а также мирового национально-освободительного и левого движения.

Здесь отметим лишь те, которые советская история оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма и от мирового сообщества марксистов. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии. Он преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединив «западников и славянофилов» в советском проекте. На полвека была нейтрализована русофобия Запада.

2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий обществоведения этих двух цивилизаций. Эта проблема осталась неразработанной, но как нам не хватало в постсоветские годы хотя бы основных ее положений! Да и сейчас не хватает.

3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции* (ее *обуздания*). Это гораздо сложнее, чем начать революцию. Гражданская война была остановлена резко, ее переход в «молекулярную» форму погубил бы Россию. Системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов придали силу политическим технологиям Ленина.

4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после катастрофы, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что он снискал уважение современных этнологов, так как опыт XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Что не удалось сделать Ленину — это уже задачи для нас. Эти задачи легли на плечи нынешних поколений.

Глава 1. Предыстория труда Ленина

Революционная интеллигенция России, которая вырабатывала идеологию, стратегию и тактику русской революции, получила европейское образование и в конце XIX — начале XX в. находилась под влиянием марксизма. Русские мыслители прошлого, сделавшие вклад в развитие нашей общественной мысли (независимо от их политических взглядов), разумно и уважительно относились к влиянию на них марксизма. Благотворное влияние, о котором писали русские философы, — дисциплинирующее воздействие методологии Маркса. Подчеркивая общекультурное значение марксизма для России, Н. Бердяев отмечал в «Вехах», что марксизм требовал непривычной для российской интеллигенции интеллектуальной дисциплины, последовательности, системности и строгости логического мышления.

Важнейшим духовным продуктом марксизма был *антропологический оптимизм* — уверенность в том, что лучшее и справедливое будущее человечества *возможно* и для его достижения имеются эффективные средства. С.Н. Булгаков, уже совершенно отойдя от марксизма, писал, что после «удушья» 80-х гг. XIX в. именно марксизм явился в России источником «бодрости и деятельного оптимизма». Переломить общее настроение упадка было тогда важнее, чем дать верные частные рецепты. Содержащийся в марксизме пафос прогресса помог справиться с состоянием социального пессимизма. По словам Булгакова, марксизм «усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению» [1].

Второе фундаментальное изменение, которое внес марксизм в общественную мысль, заключалось в *рационализации* той части духовных исканий человека, которые ранее выражались лишь на языке идеалов и нравственности. Маркс, развивая проект Просвещения, задал рациональную «повестку дня». Г. Флоровский, объясняя, почему марксизм был воспринят в России конца XIX в. как мировоззрение,

писал, что была важна «не догма марксизма, а его проблематика». Это была первая мировоззренческая система, в которой на современном уровне ставились основные проблемы бытия, свободы и необходимости. Как ни покажется это непривычным нашим православным патриотам, надо вспомнить важную мысль Г. Флоровского: именно марксизм пробудил в России начала XX в. тягу к религиозной философии. Флоровский пишет: «Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах» (см. [2]).

Огромную роль сыграл марксизм в консолидации российского общества вокруг проблемы «образа будущего». Как целостное связанное учение, соединившее в себе рациональную концепцию с нравственными идеалистическими императивами, марксизм был эффективно применен большевиками для создания идеологии, на время овладевшей массами. В этой идеологии стихийные народные представления о благой жизни были скреплены логикой и идеалами марксизма, которые в тот момент оказывали почти магическое воздействие на сознание. Это не дало народу в момент катастрофы 1905-1920 гг. рассыпаться на мелкие группы, ведущие «молекулярную» войну всех против всех. Известно, что в периоды таких катастроф общества, не связанные размышлением о будущем и о путях к желаемому жизнеустройству, порождают массу бандитских шайек и милитаристских групп — кризис порождает *общности извергов*.

Учитывая все это, необходимо рассмотреть те установки Маркса и Энгельса, которые внесли раздор в демократическое и революционное движение России и нанесли ущерб и самосознанию интеллигенции, и развитию русской революции, и здоровью уже советского общества и государства. Хотя наши революционеры сами виноваты — слишком они были очарованы марксизмом и воспринимали все его положения как откровение свыше. Тогда у нашей интеллигенции были романтические представления о народе и обществе, а рациональности научного типа было недостаточно.

Маркс предупреждал, что предмет его учения — *западный* капитализм и *западный* пролетариат. Он прямо указывает: «В том строе общества, которое мы сейчас изучаем, отношения людей в

общественном процессе производства чисто атомистические». А это значит, что результаты такого изучения не адекватны тем обществам, где не произошла атомизация человека и где производственные отношения содержат общинный компонент. Эти предупреждения прогрессивная русская интеллигенция игнорировала и смотрела на общественные процессы в России через призму марксизма.

Согласно видению истории как смены социально-экономических формаций на той стадии развития, на которой находилась Россия, революционным классом должна была быть буржуазия и помогающий ей пролетариат. Именно они рассматривались как носители прогресса и модернизации. Главной задачей революции в России, которая должна была быть только буржуазной, являлось свержение монархии, устранение сословий, ликвидация барьеров, дать простор капитализму в деревне и городе. В такой революции крестьянство как консервативная монархическая сила, опора традиционного общества виделось противником главных устремлений революции.

Но и попытку пролетариата бороться против капитализма, который еще не исчерпал свой импульс, Маркс и Энгельс считали *реакционной* — даже в форме *интеллектуальной* (литературной) борьбы. Они пишут в «Манифесте Коммунистической партии»: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность» [3, с. 455].

Эта уравнительность, особенно свойственная «крестьянскому коммунизму», рассматривалась Марксом едва ли не как главное препятствие на пути исторического прогресса.

Вторая установка классического марксизма, которая довлела над мировоззрением русской революционной интеллигенции, состояла в концепции разделения народов на *революционные* и *реакционные*. Народ, представляющий Запад, является по определению

прогрессивным, даже если он выступает как *угнетатель*. Народ-«варвар», который пытается бороться против угнетения со стороны Запада, является для классиков марксизма *врагом* и подлежит усмирению вплоть до уничтожения.

Энгельс так трактует революционные события 1848 г. в Австро-Венгрии: «Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это — *немцы, поляки и мадьяры*. Поэтому они теперь революционны.

Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны» [4].

Русские считались реакционным народом, угрожающим Европе. С XVI в. в элите Запада к образу России как «варвара на пороге» добавлялся «географический» мотив представления русских как азиатского народа. Утверждали даже, что для Европы «русские хуже турок». Маркс писал: «Турция была плотиной Австрии против России и ее славянской свиты» [5].

Почти целый век эксплуатировался и миф об угрозе для Европы *панславизма*, за которым якобы стояла Россия. Энгельс развивал эту тему в связи с революцией 1848 г.: «Европа [стоит] перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России».

В большой статье «Демократический панславизм» Энгельс пишет, обращаясь к русским демократам: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [6].

Русофобия Маркса и Энгельса, их представление о русских как реакционном народе были неразрывно связаны с ненавистью к *России* как государству и стране. Это бросается в глаза и удивляет человека, который начинает читать подряд, без определенной цели, сочинения Маркса и Энгельса — из популярного советского марксизма этот болезненный колорит был вычищен.

Российское государство опиралось на все те силы, отношения и институты, которые в глазах Маркса были главными генераторами реакционного духа — религию, государственное чувство, общинное крестьянство, нерыночную уравнительную психологию. Таким образом, Россия представала как активный источник реакции, бросающий вызов прогрессивным силам мировой цивилизации.

Изложенные Марксом и Энгельсом представления о прогрессивных и реакционных народах, о реакционной буржуазной сущности крестьянства и столь же реакционной сущности славян (особенно русских) резко осложнили развитие движения революционных демократов в России. Они вызвали в русском марксизме того времени раскол, который затем перерос в конфликт марксистов с русскими народниками, а затем и в конфликт меньшевиков и эсеров с большевиками.

Принципиальное неприятие положений Маркса и Энгельса в указанных выше вопросах выразил М.А. Бакунин (по свидетельству самого Энгельса, самый умелый и мужественный командир революционных войск в 1848 г. в Праге и в 1849 г. в Дрездене). Так возник его конфликт с основоположниками марксизма, привел к вражде и изгнанию Бакунина из общности марксистов, а в общественном мнении СССР — к замалчиванию тех важных идей и прогнозов, которые высказал Бакунин относительно назревающей русской революции. Как сказал о Бакунине Н.А. Бердяев, «в его русском революционном мессианизме он является предшественником коммунистов».

В книге Бакунина «Кнуто-германская империя и социальная революция» [7], которая послужила ответом на серию статей Энгельса о революционных народах, славянах и крестьянах, Бакунин выдвинул тезис о том, что *национальный* шовинизм (ненависть к «реакционным народам») и *социальный* шовинизм (ненависть к «реакционному крестьянству») имеют одну и ту же природу. Оба они отражают расизм

западного капитализма, который оправдывает присущую ему эксплуататорскую сущность своей якобы цивилизаторской миссией. Бакунин считает, что буржуазная идеология «заразила» этим шовинизмом и рабочий класс Запада, включая рабочих-социалистов.

Бакунин категорически отвергает представления Маркса и Энгельса о крестьянстве, об «идиотизме деревенской жизни». Он предупреждает рабочих, что этот социальный расизм в отношении крестьян не имеет под собой никаких разумных оснований. Более того, Бакунин выдвигает пророческий тезис о том, что социалистическая революция может произойти только как действие *братского союза* рабочего класса и крестьянства. Эта мысль была принята народниками. Позже этот тезис Ленин развил в целостную политическую доктрину (которая и стала основанием *ленинизма*). Но к этим установкам русские большевики пришли только осознав опыт революции 1905-1907 гг., а марксисты-меньшевики не пришли вовсе.

Следующим поколением реакционных русских революционеров, которое Маркс и Энгельс считали своим долгом разгромить, были *народники*. В 1875 г. народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс просил Энгельса ответить на нее. Ответ («О социальном вопросе в России» [8]) был полон грубых личных выпадов против Ткачева, но слабых доводов.

Через полвека Н.А. Бердяев писал: «Замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы был П.Н. Ткачев... Он первый противоположил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым... Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова» [9].

Энгельс издевается над прогнозами народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они

и “собственники”, стоят “ближе к социализму”, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» [8, с. 546].¹

Энгельс предупреждает, что антибуржуазная революция в России, согласно марксизму, имела бы *реакционный* характер: «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии» [8, с. 537].

Вывод был таков: «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» [10].

К чему же свелся этот европейский контроль? Прежде всего, к атаке на российское народничество и к побуждению русских марксистов вести такие атаки и внутри России. В работе группы Плеханова очень важны были их непосредственные контакты с Марксом и его соратниками. Ф. Энгельс высоко оценивал деятельность группы «Освобождение труда». Он писал в 1885 г. В.И. Засулич: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» [141].

Энгельс снова пишет Вере Засулич в 1890 г.: «Совершенно согласен с Вами, что необходимо везде и всюду бороться против народничества — немецкого, французского, английского или русского. Но это не меняет моего мнения, что было бы лучше, если бы те вещи, которые пришлось сказать мне, были сказаны кем-либо из русских» [11].

Приняв эти установки, российские марксисты много сделали для разгрома народников. На первом этапе своей политической деятельности в разгроме народников принял участие и молодой Ленин. Как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, ответ Ткачеву «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В.И. Лениным в 90-х гг. XIX в. и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества» [12].

Современные исторические исследования массового сознания крестьян, проведенные путем изучения большого массива документов 1905-1907 гг. (наказов, приговоров и петиций), подводят нас к важному выводу о причинах того разрыва внутри революционного социалистического движения, который привел и к трагедии Гражданской войны. Сейчас эти причины видятся таким образом.

Ленин первый перешел к принципиально иной модели, объясняющей природу русской революции и места в ней крестьянства. Но и он «приходил к ленинизму» трудно, с отступлениями и противоречиями, традиционное сословное российское общество считалось архаичным и противопоставлялось гражданскому обществу.

Такое видение сохранилось у многих и сегодня.

Глава 2. «Развитие капитализма в России» и марксизм

Огромную роль для укрепления учения марксизма сыграл молодой В.И. Ленин и его фундаментальный, во многих отношениях замечательный труд «Развитие капитализма в России» (1899). Исполнилось уже 120 лет с момента его издания, но вспомнить его надо, чтобы понять развитие представлений Ленина. Он поразительно актуален сегодня, и вся история его переосмысления самим Лениным дает нам нить.

По сути, этот труд завершил построение философско-политической доктрины, в рамки которой была введена общественная мысль России первой трети XX в. Главной задачей труда «Развитие капитализма в России» (1896-1899) сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России — он слишком «затвердил» установки марксизма, не вскрыв рациональное зерно взглядов народников.

В начале века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. С.Н. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм» [13]. Тем более марксисты России смотрели на социальную реальность через призму трудов Маркса. Структура мышления, созданная в конце XIX в. для определенного понимания России, опиралась на связный набор понятий и терминов, она была логична и поддерживалась авторитетом Запада. Это язык евроцентризма, который отвергал существование иных жизнеспособных цивилизаций, кроме Запада. Россия должна была пройти тот же путь, что и Запад! В конце XIX в. это означало, что и в России должен быть капитализм. Россия сильно отстала, в ней много еще крепостничества и «азиатчины», но сейчас она наверстывает упущенное.

В момент написания этой книги и даже в первый период после революции 1905-1907 гг. Ленин следовал тезису о неизбежности прохождения России через этап господства капитализма. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой

виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна была быть революцией *буржуазной*.

Из этого широкого течения выбивались наследники славянофилов — народники. Против них встали и либералы, и марксисты. Их идейный разгром молодой Ленин считал в то время одной из главных своих задач. В работе 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся» он так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.».

В предисловии к 1-му изданию книги Ленин специально подчеркнул свою солидарность с главными выводами работы К. Каутского «Аграрный вопрос»: «Каутский категорически признает, что о переходе деревенской общины к общинному ведению крупного современного земледелия нечего и думать... Мы считаем необходимым подчеркнуть полную солидарность воззрений западноевропейских и русских марксистов ввиду новейших попыток представителей народничества провести резкое различие между теми и другими» [14, с. 8, 9].

В 80-е гг. экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории. Народники прекрасно знали марксизм, многие из них были лично знакомы с Марксом или находились с ним и Энгельсом в оживленной переписке.

Важнейшим понятием в концепции «неподражательного» пути развития было народное производство, представленное прежде всего крестьянским трудовым хозяйством. В конце 70-х гг. в крестьянско-общинное производство на наделных и арендованных у помещиков землях было вовлечено почти 90% земли России и лишь 10% использовалось в рамках капиталистического производства.

Критики народников сходились между собой в отрицании самобытности цивилизационного пути России и соответствующих особенностей ее хозяйственного строя. Легальный марксист П. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма

развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру — значит его разрушить».

Распространенным было и убеждение, что разрушение (разложение) этого строя капитализмом западного типа уже быстро идет в России. Плеханов считал, что оно уже состоялось. М.И. Туган-Барановский (легальный марксист, а затем кадет) в своей известной книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе» (см. [15, с. 303].

Исходя из марксистской политэкономии, Ленин был уверен, что освобождение крестьян от оков общины — благо для них, и так определял позицию социал-демократов: «Мы стоим за отмену всех стеснений права крестьян на свободное распоряжение землей, на отказ от надела, на выход из общины. Судьей того, выгоднее ли быть батраком с наделом или батраком без надела, может быть только сам крестьянин. Поэтому подобные стеснения ни в каком случае и ничем не могут быть оправданы» [14, с. 162].²

Это сводится к простой мысли: быть свободным индивидом лучше, чем входить в солидарный человеческий коллектив. Общинное право запрещало продавать и даже закладывать землю — это, конечно, стеснение. Крестьяне его поддерживали потому, что знали: в их тяжелой жизни чуть ли не каждый попадет в положение, когда отдать землю за долги или пропить ее будет казаться наилучшим выходом. И потерянное не вернешь. Не вполне распоряжаться своим урожаем, а сдавать в общину часть его для создания неприкосновенного запаса на случай недорода — стеснение. Но в каждой крестьянской семье была жива память о голодном годе, когда этот запас спасал жизнь. И это общинное правило, гарантирующее выживание, ценилось крестьянами выше глотка свободы. Как говорили сами крестьяне: «Если нарушить общину, нам и милостыню не у кого попросить будет».

Вообще спор о земледельческой общине можно считать законченным после двух исторических экспериментов: реформы

Столыпина и Октябрьской революции 1917 г. Получив землю, крестьяне повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. В 1927 г. в РСФСР 91% крестьянских земель находился в общинном землепользовании. Как только история дала русским крестьянам короткую передышку, они определенно выбрали общинный тип жизнеустройства. И если бы не грядущая война и жестокая необходимость в форсированной индустриализации, возможно, более полно сбылся бы проект государственно-общинного социализма народников.

Общая ошибка марксистов, слишком жестко применявших формационный подход, заключалась в том, что они часто ставили знак равенства между докапиталистическими формами и *некапиталистическими*. Если не видеть в общине ее цивилизационное, а не формационное содержание, то она, естественно, будучи «докапиталистической» формой, в конце XIX в. выглядит как пережиток, дикость и отсталость. Если же рассматривать общину как продукт культуры, жестко не связанный с формацией, то в ней виден особый гибкий и насыщенный содержанием уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базисами.

В предисловии к книге «Развитие капитализма в России» Ленин выражает особую солидарность с Каутским в «признании прогрессивности капиталистических отношений в земледелии сравнительно с докапиталистическими». Для нас этот тезис важен и актуален сегодня, поскольку он стал повторяться в несколько расширенной форме: «капитализм в земледелии прогрессивнее *некапитализма*».

Каковы же методологические приемы обоснования этого тезиса у Ленина? Главных приема два: первый — отсылка к авторитету Маркса, который представлен в работе как абсолютно непререкаемый. Второй довод — статистика концентрации средств и уровень производства зажиточных крестьян по сравнению с бедными. Рассмотрим эти доводы.

Глава 3. Первый довод («от Маркса»)

Этот довод несостоятелен потому, что даже если бы Маркс в принципе был прав, то говорил он исключительно о Западе, и никаких оснований переносить его выводы на иные почвенно-климатические и культурные системы не было. Условием для использования этого довода Лениным был предварительный постулат, что Россия ничем существенно не отличается от Запада. Это ошибка, потому что этот постулат — идеологическое утверждение, предмет веры, а не знания.

Мы знаем из трудов школы Ф. Броделя, что возникновение капитализма в Европе привело к резкому ухудшению питания — вплоть до момента, когда хлынул поток денег из колоний, мяса и пшеницы из Америки. В Германии в конце Средневековья потребление мяса составляло 100 кг на душу населения, а в начале XIX в. — менее 20 кг. Индия до англичан не ведала голода. Ацтеки в XV в. питались лучше, чем средний мексиканец сегодня. В чем же прогресс?

Сам Маркс признавал, что внедрение капитализма в земледелие других цивилизаций приводило к самым плачевным результатам. В I томе «Капитала» мы читаем: «Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец» [16, с.152]. Нельзя высказаться определеннее: некапиталистическое сельское хозяйство Японии признано образцовой культурой, а внедрение в нее капитализма, по мнению Маркса, ее угробит. Эти предупреждения Маркса Ленин в своей книге не приводит.

Еще раньше, до современных экологов, то же самое утверждали антропологи, изучавшие «докапиталистические» формы культуры. К. Лоренц писал: «Способность человека интегрироваться в экосистему доказывает опыт крестьянина, который не ограничивается тем, что “живет, прилепившись к клочку земли”, а его *любит*. Местный крестьянин обладает запасом здоровых экологических знаний. Крестьянин старой закалки не допускает избыточной эксплуатации, а возмещает земле то, что земля ему дала...

Неспособность испытывать уважение — опасная болезнь нашей цивилизации. Научное мышление, не основанное на достаточно широких познаниях, своего рода половинчатая научная подготовка, ведет к потере уважения к наследуемым традициям. Всезнающему педанту кажется невероятным, что в перспективе возделывание земли так, как это делал крестьянин с незапамятных времен, лучше и рациональнее американских агрономических систем, технически совершенных и предназначенных для интенсивной эксплуатации, которые во многих случаях вызвали опустынивание земель в течение всего двух-трех поколений» [17, с. 300, 302].

А.В. Чаянов пишет: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе рядом с крупным капиталистическим хозяйством существовало крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации» [18, с. 143].

Таким образом, в конкуренции с крестьянским общинным хозяйством крупное капиталистическое хозяйство в *России* проиграло. И это не постулат, а эмпирический факт. К этому Чаянов дает такой комментарий: «Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее» [18, с. 409].

В начале XX в. уже было известно, что совершенно необходимым условием для возникновения и развития западного капитализма было длительное изъятие огромных ресурсов из колоний. Ф. Бродель, изучавший «структуры повседневности» — детальное описание потоков и использования всех средств жизни, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда» [19, с. 98].

По данным Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн ф. ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн ф. ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т. д.

Никким образом не мог в России «господствовать тот же хозяйственный строй, что и на Западе». Модель марксистов — как большевиков, так и «легальных», была неадекватна в принципе, не в мелочах, а в самой своей сути. Из этой модели были изъяты непреодолимые объективные факторы, которые не учитывали ни Маркс, ни Ленин — структурные и природные. Но эта модель становилась главенствующей в России.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин, следуя за устаревшей политэкономией Маркса, ошибался относительно прогрессивной роли капитализма в целом, в глобальном масштабе. В реальности капитализм был системой «центр — периферия». Создавая на периферии анклав современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» остальной части производственной системы, даже уничтожая структуры местного капитализма.

Глава 4. Второй довод: расслоение на сельскую буржуазию и пролетариат

В труде «Развитие капитализма в России» Ленин делает радикальный вывод: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев» [14, с. 321].

В реальности капитализм продавал и сдавал землю крестьянам в аренду по цене в три раза выше капиталистической ренты, а общинная деревня укреплялась. Вот факт — переток земли. В целом после реформы 1861 г. на рынке земли стали господствовать трудовые крестьянские хозяйства, а не фермеры. Если принять площади, полученные частными землевладельцами в 1861 г. за 100%, то к 1877 г. у них осталось 87%, к 1887 г. 76%, к 1897 г. 65 %, к 1905 г. 52% и к 1916 г. — 41 %. При этом из этих земель 2/3 использовалось крестьянами через аренду. То есть за время «развития капитализма» к крестьянам перетекло 86 % частных земель.

Изменение классового строя деревни, конечно, было бы важнейшим доводом в пользу вывода об исчезновении общины. Ленин пишет: «Старое крестьянство не только “дифференцируется”, оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих» [14, с. 166]. В другом месте сказано: «крестьянство с громадной быстротой раскалывается...». Далее Ленин дает оценку: «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов, т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян» [14, с. 170].

Довод в пользу того, что «крестьянство перестает существовать», — высокая, по мнению Ленина, *товарность* хозяйства, вовлеченность его в рынок, «полная зависимость от рынка». Но из семейных

бюджетов следует, что личное потребление крестьян, включая пищу, покрывалось за счет покупных продуктов и вещей не более чем на треть — такую зависимость никак не назовешь полной. Эта «рыночность» во многом была мнимой: чтобы осенью заплатить подати, крестьяне были вынуждены дешево продавать хлеб, а весной покупать его уже дороже. Это дает видимое завышение «товарности», и экономисты-народники его вычитают, считая товарным только тот продукт, который не возвращается к производителю. Ленин такой поправки не делает.

Это явление «вынужденной товарности» натурального хозяйства довольно хорошо изучено в последние десятилетия на периферии капиталистической системы, в крестьянских странах «третьего мира». В очень важной книге «Теория формаций» (М., 1997) В.В. Крылов пишет о натуральном хозяйстве: «Чисто статистическими методами было рассчитано, что докапиталистические способы труда и натуральная замкнутость хозяйства прочно удерживаются в условиях, когда производство на душу населения не превышает 200-250 долл. Только внеэкономические, рентальные, налоговые и тому подобные меры позволяют в этих условиях увеличивать товарный выход продукции, часто за счет личного потребления самих производителей» [20, с. 153].

Именно это и наблюдалось в России, где подати и платежи у крестьян превышали возможный доход от хозяйства. Более того, даже работа крестьянина на капиталистический рынок еще не говорит о том, что и само его хозяйство является капиталистическим. Это на материале русской деревни доказывал А.В. Чаянов, а за последние десятилетия установлено исследованием крестьянства в развивающихся странах.

В свете того, что сейчас известно о взаимодействии капитализма метрополий с периферией, становится более понятным, почему Ленин в 1890-е гг. считал, что в сельском хозяйстве России растет товарность и укрепляются капиталистические отношения, а через десять лет он во многом изменил это представление. Вторжение западного финансового капитала и развитие капитализма в городе (как «метрополии» российского капитализма) после 1900 г. привело к сужению свободного рынка для крестьянства.

Подробно фактическая сторона дела изложена в книге видного экономиста-аграрника П. Лященко «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства» (М., 1927). Он объясняет, что до конца 90-х годов XIX века основная масса зерна отправлялась на внутренний рынок, тесно связанный с мукомольной промышленностью. Это был в большой мере капиталистический рынок — децентрализованный, подвижный, с большим числом мелких агентов. Зерно у крестьян скупали кулаки, базарные скупщики и приказчики мукомолов. В начале XX века произошла быстрая переориентация зернового рынка на экспорт.

П. Лященко пишет: «Иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь промышленных предприятий, но тот же иностранный банковский капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами... Он начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредственно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы и специальные экспортные общества, или субсидируя и кредитуя те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала...

Но вследствие особых условий банковских покупок — прежде всего полной зависимости всей нашей банковской системы от иностранного капитала — положительных для народного хозяйства сторон в этом приливе крупного капитала к хлебной торговле было мало... Таким образом “частный” банковский капитал не менее как на три четверти обслуживал финансирование нашей хлебной торговли» [21].

Таким образом, само по себе увеличение объема продаж продукции крестьянами на рынке еще не говорит о том, что их хозяйство становится капиталистическим. Крестьянское хозяйство может быть вполне рыночным — и в то же время не капиталистическим. Этого не мог знать Маркс, потому что в Англии уже не было крестьян. Производство продукта на рынок — признак необходимый, но недостаточный.

Это подробно объясняет А.В. Чаянов: «Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная

рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению...

Такая же катастрофа ожидает обычную теоретическую систему, если из нее выпадает какая-либо иная категория, к примеру, категория заработной платы. И даже если из всех возможных народнохозяйственных систем, которым эта категория чужда, мы сделаем объектом анализа ту, в которой во всей полноте представлены меновые отношения и кредит, а следовательно, категории цены и капитала, например, систему крестьянских и ремесленных семейных хозяйств, связанных меновыми и денежными отношениями, то даже и в этом случае мы легко сможем убедиться в том, что структура такого хозяйства лежит вне рамок привычной системы политэкономических понятий, характерных для капиталистического общества» [18, с. 118].

А.В. Чаянов поднимал вопрос универсальной значимости: «Одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, безнаемных основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно иные мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности... Мы вынуждены ориентировать наши теоретические интересы на проблемы некапиталистических экономических систем» [18, с. 114-115].

Да, крестьянин выходит на рынок, но если внутри его производственной ячейки нет категории зарплаты, то и смысл рынка совсем иной, нежели при капитализме.

Как довод Ленин приводит данные о том, что безлошадные и однолошадные крестьяне наряду с ведением своего хозяйства батрачат, а наем батраков — это «превращение в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством». Но не всякий наем есть превращение рабочей силы в товар. Сам Маркс неоднократно останавливался на том факте, что далеко не всякий наемный труд

отвечает капиталистическим производственным отношениям. В очень многих случаях наем, по его выражению, есть «отношение простого обращения» — обмен одной потребительной стоимости на другую. Живой труд как услуга обменивается на жизненные средства в их денежной или натуральной форме. Именно так и нанимались батраки в России.

Маркс писал: «Обмен овеществленного труда на живой труд еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда — на другой. Весь класс так называемых слуг, начиная с чистильщика сапог и кончая королем, относится к этой категории. Сюда же относится и свободный поденщик, которого мы спорадически встречаем повсюду, где либо азиатская община, либо западная община, состоящая из свободных собственников земли, распадается на отдельные элементы» [143].

Кроме того, противореча своему выводу, Ленин показывает, что значительная доля наемного труда оплачивалась через «натуральный обмен» — отработками. Бедняк или середняк отрабатывал долг, ссуду семян и инвентаря, аренду земли у помещика или кулака — работал на его земле со своей лошадей. Это — не капитализм, что и признает Ленин. Но отработки вместо денежного расчета преобладали в русских губерниях! Значит, далеко еще было до «полной зависимости от денег» и полного «превращения рабочей силы в товар».

«Буржуазия», по классификации Ленина, — это крестьяне, которые ведут большое хозяйство и имеют большие дворы (в среднем 16 душ, из них 3,2 работника). Если же разделить имущество на душу, разрыв не так велик — даже в числе лошадей. У однолошадных — 0,2 лошади на члена семьи, у самых богатых — 0,3. В личном потреблении разрыв еще меньше. Посудите сами: у беднейших крестьян (безлошадных) расходы на личное потребление (без пищи) составляли 4,3 рубля в год на душу; у самых богатых (пять лошадей и больше) — 5,2 рубля.

У безлошадных расходы на пищу 15 руб. на члена семьи, у «пятилошадных» — 28 руб. Кажется, разрыв велик, но дальнейшие данные объясняют этот разрыв. Практически все безлошадные семьи, по данным Ленина, в среднем выделяют для работы по найму 1 батрака (то муж, то поденно жена, то дети). Батрак *питается* у *хозяина*. По данным для Орловской губ., пропитание батрака

обходилось хозяину в среднем в 40,5 руб. в год (у Ленина приведен подробный рацион батрака). Очевидно, что эти деньги надо присовокупить к бюджету безлошадной семьи, членом которой является батрак. Если так, то выходит, что у «пролетария» на члена семьи расходуется на еду 25,4 руб., а у «буржуя» 28 руб. Строго говоря, следовало бы расходы на батрака вычесть из бюджета семьи хозяина, если он при переписи записал батрака членом своей семьи, тогда разрыв еще больше снизится.

Из данных, приведенных Лениным (если брать не «двор», а расходы на душу), расслоения крестьян на классы по этому признаку не наблюдается. Лев Толстой отметил: «В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях... а хлеб с лебедой ела вся семья в 12 душ... “Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!”».

В целом можно сказать, что в конце века, когда писалась книга Ленина, расслоение крестьянства по имущественному уровню и по образу жизни не привело к его разделению на два класса — *пролетариат* и *буржуазию*. Сами крестьяне делили себя на «сознательных» — работающих, непьющих, политически активных, — и «хулиганов». Разницу между ними они объясняли как отличие крестьян в заплатанной одежде от крестьян в дырявой одежде.

И, неожиданно, в революции 1905-1907 гг. рухнула вся концепция «сельской буржуазии и сельского пролетариата». Активность в революции проявили середняки и богатые крестьяне, батраки («пролетариат») были наиболее пассивны. Т. Шанин пишет: «Средняки, в соответствии с точным определением этого слова, были решающей силой в российском селе и большинства в его общинах. Безземельные и “бобыли” не имели достаточного веса в деревнях и не могли оказать в одиночку длительного сопротивления в сельской борьбе. Восстание совершалось не маргиналами, а теми, кто отказывался превращаться в таковых. Сила общинного схода была такой, что наиболее богатые обычно не могли удержать контроль над этими общинами. Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были необязательно самыми богатыми хозяевами или работодателями, но “не совсем крестьянами”, стоящими в стороне от общин или против

них. Наиболее близким крестьянским синонимом термину “кулак” был в действительности “мирод” — “тот, кто пожирает общину”» [22, с. 277].

А.С. Пушкину принадлежат показательные слова о крестьянах: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступки и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел собственного жилища. Нищий, отправляясь скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях... Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню, умывается по три раза в день» [144].

Но и накануне революции, вопреки нашим поверхностным представлениям, крестьяне в России использовали землю гораздо бережнее и рачительнее, нежели частный собственник. Это для крестьянина было императивом: земля означала *жизнь*, а для собственника лишь *прибыль*. А по своей важности это разные вещи. А.В. Чаянов пишет: «Очевидно, что для капиталистического хозяйства являются совершенно неосуществимыми мелиорации, дающие прирост ренты ниже обычного капиталистического дохода на требуемый для мелиорации капитал, и столь же очевидно, что все эти соображения неприменимы в отношении мелиораций трудового крестьянского хозяйства уже по одному тому, что оно не знает категории капиталистической ренты... В условиях относительного малоземелья семья, нуждающаяся в расширении объема своей хозяйственной деятельности, будет производить многие мелиорации, невыгодные и недоступные капиталистическому хозяйству, точно так же, как она уплачивает за землю и ее аренду цены, значительно превышающие *капиталистическую ренту* этих земель» [18, с. 409].

Центром организации революционных выступлений была община — деревенский или волостной сход. Уровень организации, высокая дисциплина и, можно сказать, «культура» революции поразили всех политиков и напугали правительство гораздо больше, чем эксцессы. Мы, к нашему горю, очень мало знаем об этой революции, потому что она пошла совершенно «неправильно». Мы, например, слышали о Совете в Иваново-Вознесенске, который пассивно просуществовал два

месяца, но ничего не знаем о сотне крестьянских советских республик, которые по полгода обладали полнотой власти в обширных зонах. История Советской России началась в деревне в 1905 г.

В ходе революции практически не было конфликтов между бедняками и богатыми крестьянами. Те, кого Ленин называл «сельской буржуазией», были организаторами большой «петиционной кампании» — в Крестьянский Союз и в Государственную Думу. Изучено около 4000 таких петиций, и в 100% из них — требование отмены частной собственности на землю. После этого вопрос о том, являются ли богатые крестьяне буржуазией и стало ли общинное крестьянство оплотом капитализма, можно было считать закрытым.

Отметим важную проблему, которая встала при изучении трудового хозяйства, действующего в рамках господствующего капиталистического способа производства. Именно эта проблема в 1899 г. затруднила Ленину анализ крестьянского хозяйства в России. Ее теоретическое понимание пришло намного позднее. Во многих местах А.В. Чаянов подчеркивает тот факт, что семейное трудовое хозяйство, обладая особым и устойчивым внутренним укладом, во внешней среде приспосабливается к господствующим экономическим отношениям, так что его внутренний («субъективный») уклад вообще *не виден* при поверхностном взгляде. Он пишет: «Всякого рода субъективные оценки и равновесия, проанализированные нами *как таковые*, из недр семейного хозяйства на поверхность не покажутся, и вовне оно будет представлено такими же объективными величинами, как и всякое иное» [18, с. 392].

Здесь — источник столкновения А.В. Чаянова не только с марксистами, но и с современными ему буржуазными западными экономистами, которые склонялись к рассмотрению трудового хозяйства как разновидности капиталистического. Огромное отличие от России состояло в том, что на Западе крестьянское хозяйство было замаскировано очень глубоко, поскольку капитализм там господствовал почти полностью, а на селе в очень большой степени (крестьянин был вытеснен фермером). В России же крестьянство составляло 85 % населения, а на селе определяло хозяйственную жизнь почти абсолютно. Поэтому А.В. Чаянову и другим экономистам его направления было гораздо легче разглядеть сущность крестьянского двора как «субъекта» хозяйства, нежели на Западе.

Глава 5. Природные факторы развития капитализма в России

Эти факторы не были включены в парадигму Маркса и не были учтены в книге «Развитие капитализма в России» Ленина.

Само *пространство* заставляло в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного. В России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли в конце XIX в. 50 %, а транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. На внутреннем рынке России торговля всегда была торговлей на «*дальние расстояния*». В 1896 г. средние пробеги важнейших массовых грузов по внутренним водным путям превышали 1000 км. Средний пробег по железной дороге в тот год составил: по зерну 638 км, по углю — 360 и по керосину — 945 км [15, с. 317].

Условия пространства, расстояний, транспортной сети и плотности населения на Западе, подробно описанные Ф. Броделем [23], отличаются от условий России просто разительно (первая глава второго тома его книги называется «Пространство, враг номер один»).

Второй неустрашимый фактор — почвенно-климатические условия. Возьмем сравнительно хорошо описанное в истории время с X по XIX в. Сравним условия земледелия и главный показатель этого хозяйства — урожайность зерновых на Западе и в России.

В XIV в. в Англии и Франции поле вспахивали три-четыре раза, в XVII в. четыре-пять раз, в XVIII в. рекомендовалось производить до семи вспашек. Это улучшало структуру почвы и избавляло ее от сорняков. Главными условиями для такого возделывания почвы был мягкий климат и стальной плуг, введенный в оборот в XIV в. Возможность пасти скот практически круглый год и высокая биологическая продуктивность лугов позволяли держать большое количество скота и обильно удобрять пашню (во многих местах имела даже официальная должность инспектора за качеством навоза).

А вот что пишет об условиях России академик А.В. Милов: «Следствием нашего климата является короткий рабочий сезон

земледельческого производства. Так называемый беспашенный период, когда в поле нельзя вести никакие работы, длится в средней полосе России семь месяцев. В таких европейских странах, как Англия и Франция, “беспашенный” период охватывал всего два месяца (декабрь и январь).

Столетиями русский крестьянин для выполнения земледельческих работ (с учетом запрета на труд по воскресеньям) располагал примерно 130 сутками в год. Из них около 30 суток уходило на сенокос. В итоге одנותягловый хозяин с семьей из четырех человек имел для всех видов работ на пашне (исключая обмолот снопов) лишь около 100 суток. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского надела это составляло 22-23 рабочих дня (а если он выполнял полевую барщину, то почти вдвое меньше).

Налицо колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Это и 4-6-кратная пахота, и многократное боронование, и длительные “перепарки”, что позволяло обеспечить чистоту всходов от сорняков, достигать почти идеальной рыхлости почвы и т. д.

В Парижском регионе затраты труда на десятину поля под пшеницу составляли около 70 человеко-дней. В условиях российского Нечерноземья земледелец мог затратить на обработку земли в расчете на десятину всего 22-23 дня (а барщинный крестьянин — вдвое меньше). Значит, если он стремился получить урожай на уровне господского, то должен был выполнить за 22-23 дня объем работ, равный 40 человеко-дням, что было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения сил всей семьи, включая стариков и детей...

По нормам XIX в. для ежегодного удобрения парового клина нужно было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара. Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России было необычайно долгим (198-212 суток), то, по данным XVIII-XIX вв., запас сена должен был составлять на лошадь — 160 пудов, на корову — около 108 пудов, на овцу — около 54 пудов... Однако заготовить за 20-30 суток сенокоса 1244 пуда сена для одנותяглого крестьянина пустая фантазия... Факты свидетельствуют, что крестьянская лошадь в сезон стойлового

содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, — 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг — 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили соломой. При такой кормежке удобрений получалось мало, да и скот часто болел и издыхал» [24].

Какова же была урожайность на Западе и в России? Ф. Бродель приводит множество документальных сведений. В имениях Тевтонского ордена в Пруссии урожайность пшеницы с 1550 по 1695 г. доходила до 8,7 ц/га, в Брауншвейге была 8,5 ц/га, в хороших хозяйствах во Франции с 1319 по 1327 г. пшеница давала урожаи от 12 до 17 ц/га (средний урожай сам-восемь). В 1605 г. французский обозреватель сельского хозяйства писал о средних урожаях: «Хозяин может быть доволен, когда его владение приносит ему в целом, с учетом плохих и хороших лет, сам-пять — сам-шесть»» [25, с. 135].

В целом по Англии дается такая сводка урожайности зерновых: 1250-1499 гг. 4,7:1; 1500-1700 гг. 7:1; 1750-1820 гг. 10,6:1. Такие же урожаи были в Ирландии и Нидерландах, чуть ниже во Франции, Германии и Скандинавских странах. Итак, с XIII по XIX век они выросли от *сам-пять* до *сам-десять*.

Какие же урожаи были в России? Читаем у Л.В. Милова: «В конце XVII в. на основной территории России преобладали очень низкие урожаи. В Ярославском уезде рожь давала от сам-1,0 до сам-2,2. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1,0 до сам-2,5. Более надежные сведения об урожайности имеются по отдельным годам конца XVIII в.: это сводные погубернские показатели. В Московской губернии в 1788, 1789, 1793 гг. средняя по всем культурам урожайность составляла сам-2,4; в Костромской (1788, 1796) — сам-2,2; в Тверской (1788-1792) средняя по ржи сам-2,1; в Новгородской — сам-2,8».

Мы видим, что разница колоссальная — в России на пороге XIX века урожай сам-2,4! В четыре раза ниже, чем в Западной Европе. А ведь и крестьянин, и лошадь в России работали впроголодь. Как пишет Л.В. Милов, в Древнем Риме, по свидетельству Катона Старшего, рабу давали в пищу на день 1,6 кг хлеба (т. е. 1 кг зерна). V русского крестьянина суточная норма *собранного* зерна составляла 762 г. Но из этого количества он должен был выделить зерно «на прикорм скота, на

продажу части зерна с целью получения денег на уплату налогов и податей, покупку одежды, покрытие хозяйственных нужд».

Как известно, Запад делал инвестиции для строительства дорог и мостов, заводов и университетов главным образом за счет колоний. У России колоний не было, источником инвестиций было то, что удавалось выжать из крестьян. Насколько прибыльным было их хозяйство?

Л.В. Милов пишет: «На этот счет есть весьма выразительные и уникальные данные о себестоимости зерновой продукции производства, ведущегося в середине XVIII века в порядке исключения с помощью вольнонаемного (а не крепостного) труда. Средневзвешенная оценка всех работ на десятине (га) в двух полях и рассчитанная на массиве пашни более тысячи десятин (данные по Вологодской, Ярославской и Московской губерниям) на середину века составляла 7 руб. 60 коп. Между тем в Вологодской губернии в это время доход достигал в среднем 5 руб. с десятины при условии очень высокой урожайности. Следовательно, затраты труда в полтора раза превышали доходность земли... Взяв же обычную для этих мест скудную урожайность (рожь сам-2,5, овес сам-2), мы столкнемся с уровнем затрат труда, почти в 6 раз превышающим доход» [26].

Понятно, что в этих условиях ни о каком капитализме речи и быть не могло. Организация хозяйства могла быть только крепостной, общинной, а затем колхозно-совхозной. Только когда в условиях планового хозяйства и крупных сельскохозяйственных предприятий, как общее дело всего народного хозяйства, смогли перейти от трехпольного земледелия к интенсивным многопольным севооборотам, некоторые отрасли сельского хозяйства стали в России прибыльными.

Л.В. Милов делает вывод: «Общий итог данного обзора можно сформулировать так: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Поэтому если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда не состоялась бы как великая держава».

Глава 6. Судьба русской крестьянской общины

В декабре 1907 г. Ленин заканчивал книгу «Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов», а зимой 1908 г. готовил ее к печати (книга была конфискована и уничтожена еще в типографии; сохранился один экземпляр, вышла книга в 1917 г.). В ней еще излагаются старые представления ортодоксального марксизма: то же самое обличение «средневековья» и те же мечты о «фермере», что и в «Развитии капитализма в России».

Вот главные для нас мысли этой книги: «Крестьянское надельное землевладение... загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглогового характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины. И экономическое развитие России *фактически* вырывает крестьянство из этой средневековой обстановки, — с одной стороны, порождая сдачу наделов и забрасывание их, с другой стороны, созидая хозяйство будущих свободных фермеров (или будущих гроссбауэров юнкерской России) из кусочков самого различного землевладения...

Для того, чтобы построить *действительно* свободное фермерское хозяйство в России, необходимо “разгородить” *все* земли, и помещичьи, и надельные. Необходимо разбить *все* средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимальной возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на место заржавевшей тягловой общины. Необходимо «очистить» всю землю от всего средневекового хлама...

Мелкие собственники-земледельцы в массе своей высказались за национализацию [земли] и на съездах Крестьянского союза в 1905 г., и в первой Думе в 1906 г., и во второй Думе в 1907 г... не потому, что “община” заложила в них особые “зачатки”, особые, не буржуазные “трудовые начала”. Они высказались так потому, наоборот, что жизнь требовала от них *освобождения* от средневековой общины и средневекового надельного землевладения. Они высказались так не

потому, что они хотели или могли строить социалистическое земледелие, а потому, что они хотели и хотят, могли и могут построить действительно буржуазное, т. е. в максимальной степени свободное от всех крепостнических традиций мелкое земледелие» [27, с. 406-407].

Это — чисто марксистское видение проблемы, но оно было ошибочным. Общая ошибка марксистов до революции 1905 г. заключалась в том, что они ставили знак равенства между *докапиталистическими* формами и *некапиталистическими*. Если видеть в общине только ее формационное содержание, то она, будучи «докапиталистической» формой, в конце XIX в. выглядела как пережиток и отсталость. Если же рассматривать общину как продукт культуры, то в ней виден гибкий и содержательный уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базисами.

Полемика Маркса и Энгельса с народниками относительно русской крестьянской общины продолжалась 20 лет. В 1882 г. в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» за подписью: *Карл Маркс. Фридрих Энгельс* сказано: «Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [28].

Но русская община конца XIX века не была и просто не могла быть «формой *первобытного* общего владения землей». После реформы 1861 г. община не разрушалась, а именно *укреплялась*. Наконец, ни народникам, ни большевикам и в голову не приходило ожидать, чтобы община «*непосредственно* перешла в высшую, коммунистическую форму». Говорилось о *пути развития* с использованием общины как социокультурной системы, как большого

общественного института. После революции 1905-1907 гг. Ленину было ясно, что крестьянская община стала политической силой.

Взгляды о русской крестьянской общине в марксизме были настолько противоречивы, что и сам Маркс не решился их обнародовать — они остались в трех (!) вариантах его письма В. Засулич, и ни один из этих вариантов он так ей и не послал.

В 1892 г. Энгельс написал народнику Н.Ф. Даниельсону (переводчику первого тома «Капитала») письмо, в котором устраняет всякие допущения: «Теперь обработка земли в крупном масштабе с применением машин является правилом и все более становится единственно возможным способом сельскохозяйственного производства. Так что крестьянин в наши дни, по-видимому, обречен на гибель.

Вы помните, что говорил наш автор в письме по поводу Жуковского [К. Маркс. Письмо в редакцию «Отечественных записок»]: если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то крестьянская община обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться. По-видимому, приближается момент, когда — по крайней мере в некоторых местностях — все старые социальные устои в жизни русского крестьянства не только потеряют свою ценность для отдельного крестьянина, но и станут для него путями точно так же, как это происходило ранее в Западной Европе. Боюсь, что нам придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь» [29].

Позже, в 1893 г., Энгельс в письме Даниельсону пошел на попятный, сделав оговорку, что «инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада».

Выше было сказано о резком ответе Энгельса (написанного по просьбе Маркса) на брошюру народника П. Ткачева «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» (1875). В 1894 г. Энгельс добавил к ответу на письмо Ткачеву «Послесловие» на 15 страницах. На русском языке «Послесловие» было опубликовано вместе с переводом статьи «О

социальном вопросе в России» в Женеве. Перевод сделала Засулич, предисловие написал Плеханов.

В этой брошюре Энгельс поставил точку над *i* в вопросе о революции в России и о крестьянской общине:

«Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития... Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийской родовой общине или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общим владением средствами производства...

Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, “как это делается”, как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития...

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом... Оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности» [30].

Когда Ленин начал свой труд «Развитие капитализма в России», этот документ, скрепленный подписями Энгельса и Плеханова, воспринимался как директива. Но реальные процессы в России с 1902 г. пошли в ином направлении, чем указывала эта директива.

Начнем с экономической эффективности. Что крупное предприятие в земледелии несравненно эффективнее («прогрессивнее») мелкого крестьянского, было для марксистов непререкаемой догмой. Но в действительности община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом

развиваться в сторону крупных хозяйств. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн человек. Смогла община, хотя и с травмами, восстановиться и в облике колхозов — крупных кооперативных производств.

Но в начале XX в. кооперацию в России экономисты считали чисто буржуазным укладом и в ее развитии видели как раз признак разложения общины. С.Ю. Витте писал в 1904 г.: «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности... Община и кооперативный союз резко отличаются друг от друга по своей экономической и правовой структуре» (см. [15, с. 342]).

После опыта реформы Столыпина и трудов А. Чаянова, показавшего тесную и органичную связь крестьянского двора и кооперации, мы видим дело иначе. В.Т. Рязанов в своей книге «Экономическое развитие России. XIX-XX вв.» дает такую трактовку: «Как представляется, чрезвычайно быстрое распространение кооперативных форм было защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма. Так община приспособлялась к новым рыночным условиям хозяйствования» [15, с. 342].

О кооперативном движении в России надо сказать особо (см. [31]). Оно возникло сразу после реформы 1861 г. и вызвало большие симпатии в обществе. В отличие от Англии, оно действовало в основном в деревне. Одновременно с артельной кампанией началось создание потребительских обществ и ссудосберегательных товариществ (к началу 1880-х годов их было около тысячи). Эти товарищества имели неограниченную ответственность, отвечали за долги личным имуществом и потому им доверяли и вкладчики, и кредиторы. Особенно выгодными кредитные товарищества оказались средним крестьянам. Они могли получить в год до 50 рублей (это цена двух лошадей или четырех коров) под 5-7% годовых, в то время как сельские ростовщики брали от 50 до 200%. Попытка завладеть этими кооперативами со стороны частных провалилась — они были выгодны именно обществу. С 1895 г. они перешли на «беспасовое начало», получая деньги для создания капитала из Госбанка. В ходе революции 1905 г. Государственный банк открыл таким кооперативам кредит в 20 млн рублей. Вообще роль государства в кредитных

кооперативах, в отличие от Запада, в России была очень велика (это даже называлось «русской системой»).

В 1908 г. на I Всероссийском съезде работников кооперации было решено создать большой банк. В 1911 г. был учрежден Московский народный банк, 90% акций которого приобрели кооперативы. Он координировал деятельность кооперативов, давал им кредиты и гарантировал их займы. Его оборот вырос к 1916 г. до 1,2 млрд руб. Это, видимо, был крупнейший кооперативный банк в мире.

Вокруг кредитной кооперации стала развиваться и сельскохозяйственная — закупка машин, обработка льна, строительство зернохранилищ и зерноочистительных станций, маслодельных заводов. Кооперация в России стала огромной системой самоорганизации, которая вовлекла в себя десятки миллионов человек. И Ленин признал незадолго до смерти: «Социализм — это строй цивилизованных кооператоров».

И вот символическое событие: еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте. Они приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов — по типу Петербургского совета 1905 г. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму — всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

В России, в отличие от Западной Европы, капитализм в сельском хозяйстве и в целом в стране не мог вытеснить общину. И не только не мог вытеснить и заменить ее, но даже *нуждался* в ее укреплении. Иными словами, чтобы в какой-то части России мог возникнуть сектор современного капиталистического производства, другая часть должна была «отступить» к общине, претерпеть «архаизацию», стать более традиционной, нежели раньше. Образно говоря, капитализм не может существовать без более или менее крупной буферной «архаической» части, соками которой он питается.

Россия, не будучи колониальной империей, могла вести развитие капитализма только посредством архаизации части *собственного* общества. И прежде всего объектом этой архаизации стало

крестьянство. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляет крестьянскую общину. И это вовсе не стратегическая ошибка, иначе и быть не могло.

В.В. Крылов пишет о модернизации хозяйства на периферии («зеленой революции»): «Уже здесь начинает обнаруживаться тот поразительный факт, что так называемые пережитки докапиталистических способов труда и натурального хозяйства далеко не во всем и не всегда являются просто не успевшими исчезнуть остатками доколониальных времен, а представляют собой нечто генерируемое и воспроизводимое в отсталом мире законами его современного развития. Разве не об этом свидетельствует превращение многих развивающихся стран в послевоенные годы из экспортеров продовольственных ресурсов в их чистых импортеров и усиление в них натурально-хозяйственных тенденций?» [20, с. 153-154]. Далее он пишет уже о влиянии современной глобализации на страны Латинской Америки: «Такого удивительного переплетения процессов, когда экономический прогресс сопровождается не сокращением сферы традиционного труда, но ее разбуханием, история еще не знала... Этот традиционный сектор, видимо, имеет тенденцию становиться таким унифицированным сектором бедности и допромышленных форм труда, с которым мы встречаемся во многих странах Латинской Америки» [20, с. 156, 157].

Даже столь архаический уклад, как рабство, в случае США является вовсе не пережитком, а именно продуктом капиталистического развития. Всесторонне рассмотрев этот вопрос, В.В. Крылов заключает: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его нереволюционизирующих общественный процесс консервативных тенденций» [20, с. 139].

Россия в конце XIX и начале XX в. была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые

можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

В.В. Крылов констатирует важную вещь, которая объясняет закономерный характер сохранения и укрепления крестьянской общины в России: «Одно дело, когда частная капиталистическая собственность приходит на смену тоже частной, но мелкокрестьянской собственности, как это было в европейских странах; иное дело, когда частная капиталистическая собственность идет на смену общинным порядкам, как это было в пореформенной России и как это еще более ярко выражено ныне в странах Африки» [20, с. 170].

В своем труде 1899 г. Ленин дал в основном одномерную, сведенную к производственно-экономическим отношениям модель общины (всю «лирику» народников он просто высмеивал). Но такая модель не может адекватно представить общественные процессы и противоречия. Структуры, подобные общинам, выполняют несколько функций, в основании которых заложены разные, даже несоизмеримые, интересы и ценности.

Община была *защитным механизмом*, позволявшим пережить бедствия, которыми была полна история России — вызванные и природными, и социальными катастрофами (неурожаями, войнами, революциями и реформами). В общинных («традиционных») обществах не допускалась глубокая бедность как социальное явление — кусок хлеба полагался всем. Такая бедность возникла лишь в «современном» обществе Запада (обществе *модерна*).

Французский историк Ж. Дюби так описывал болезненный переход от традиционного уклада к городской жизни Нового времени: «В городе добивались успеха не все. Городское богатство было приключением, везеньем, то есть нестабильностью. В игре одни выигрывали, другие теряли. На новом социальном пространстве возникало небывалое, сотрясающее душу явление — нищета в неравенстве. Уже не та нищета, что обрушивалась поровну на всю общину, как при голоде в тысячном году. А нищета одного, отдельного человека. Она была возмутительна, потому что соседствовала с неслыханным богатством» (см. [32]).

Новое, буржуазное, общество приняло бедность части населения как норму — и на уровне обыденных житейских обычаев и установок, и на уровне социальной философии. Как писал Ф. Бродель об изменении отношения к бедным, «эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы» [25, с. 92].

Говоря о русской культуре, Н.А. Бердяев отмечает важную особенность: «Русские суждения о собственности и воровстве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку... С этим связана и русская борьба против буржуазности, русское неприятие буржуазного мира... Для России характерно и очень отличает ее от Запада, что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии» [33].

В крестьянской поземельной общине сложилась стройная система нравственных норм и своя система права, которые к началу XX века соединили всю сеть общин на территории Российской империи в дееспособное гражданское общество, собранное на иных основаниях, нежели на Западе. Отрицание индивидуализма было одним из важнейших культурных устоев России как цивилизации, что и предопределило общий духовный кризис, возникший при вторжении западного капитализма в конце XIX — начале XX в. Н.А. Бердяев в книге «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией (Белинский, Достоевский). Но коллективизм есть в русском народничестве — левом и правом, в русских религиозных и социальных течениях, в типе русского христианства. Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения XX в., Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский — все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, “соборной”, хотя и по-разному понимаемой» (см. [35]).

Как писал Чаянов, у русских крестьян при переписях записывали батраков как членов семьи, что внесло немало путаницы. Потому что, по мнению крестьян, все, кто питается из одного котла — члены семьи. А во Франции вводили в понятие семьи группу лиц, запирающихся на ночь за одним замком.

Развитие капитализма в России побудило крестьянство и значительную часть всех других сословий искать альтернативный проект будущего — не только из-за угрозы социальных бедствий, но и по духовным (даже религиозным) причинам.

Так миллионы людей стали обдумывать тот образ будущего, который в 1917 г. получил имя *советский*.

Глава 7. О характере русской революции

В момент написания «Развития капитализма в России» и даже в первый период после революции 1905-1907 гг. Ленин следовал тезису о неизбежности прохождения России через господство капитализма. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной. Ленин открыто отошел от этого тезиса после февраля 1917 г., в Апрельских тезисах. С этого момента его главные фундаментальные стратегические установки шли вразрез с «всеобщими законами» исторического материализма.³

В статье «Аграрный вопрос и силы революции» (1907) Ленин еще писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства» [36].⁴

В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы русской революции, обе буржуазной: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, “юнкерское” хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества» [14, с. 15].

Таким образом, Ленин исходил из того постулата, который мы находим уже в предисловии к «Капиталу» Маркса — капиталистический способ производства должен охватить все

пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»). То есть вся сельская Россия, в принципе, станет капиталистической, и к этому направлена русская революция. Народники еще 30 лет назад старались показать, что это невозможно именно *в принципе*, а не из-за умственной косности крестьянства. Для людей, воспитанных под влиянием евроцентризма, объяснения народников с их акцентом на «самобытность» России были неубедительны. Сегодня, на основании большого массива исследований «третьего мира», вовлеченного в мировую систему капитализма, мы видим, что капитализм по сути своей есть *система-кентавр*.

Возникновение капиталистического уклада с высоким уровнем производства неминуемо сопровождается усилением окружающей его «оболочки» из массы хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство. Россия в начале XX в. могла обеспечить средствами для интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20% товарного хлеба), но не более. Остальное — горбом крестьян. В 1910 г. в России в работе было 8 млн деревянных сох, более 3 млн деревянных плугов и 5,5 млн железных плугов. Сравнивать эффективность разных элементов одной системы нельзя — соха дополняла плуг, а не воевала с ним. Можно даже предположить, что к концу XIX в. те формы феодальной эксплуатации (отработки), которым посвящена значительная часть книги Ленина, были уже не столько пережитками крепостничества, сколько продуктом симбиоза с капитализмом.

Сам Маркс писал, что в зависимых от капитализма обществах капитал регрессирует так, что «имеет место эксплуатация со стороны капитала без капиталистического способа производства». Почему это важное утверждение Маркса, которое многое объясняло, игнорировали российские марксисты?

В целом весь исходный тезис о том, что буржуазная революция в России привела бы к превращению всех крестьянских хозяйств в фермерские, был принципиально ошибочен.

В.В. Крылов пишет: «Исторический тип традиционных укладов, с самого начала противостоявших капитализму в его периферийных обществах, существеннейшим образом отличается от тех традиционных укладов, которые противостояли ему когда-то в Европе.

Подгонять все имеющее место в развивающихся странах традиционные отношения под “феодалную мерку”, как это до сих пор делают некоторые западные и советские исследователи, значит игнорировать не только исторические различия в судьбах африканских и европейских народов в доколониальный период, но и существенное несходство зависимого капиталистического развития бывших колоний и капиталистического саморазвития метрополий» [20, с. 168].

Смысл представления процессов изменений традиционных укладов в метрополии и на периферии в том, что развитие капитализма в аграрной сфере и столкновение его с некапиталистическими укладами на Западе в XVII-XVIII вв. и два века спустя в России — принципиально разные процессы. Поэтому первое главное положение книги Ленина «Развитие капитализма в России», в котором постулируется именно схожесть этих процессов, является ошибочным. Если так, то неверен или необоснован был и прогноз исхода русской революции, которая якобы предопределяла выбор между двумя *западными путями разбития* — «прусским» или «американским».

Марксисты в то время считали главным противоречием, породившим русскую революцию, *сопротивление прогрессивному капитализму* со стороны традиционных укладов (под которыми понимались община, крепостничество — в общем, «азиатчина»). Для них целью революции было разрушение структур «азиатчины» и создание, в любом варианте, «чисто капиталистического» хозяйства. Социал-демократы были уверены, что трудящиеся заинтересованы в том, чтобы это произошло быстрее, и желательно, чтобы революция пошла по радикальному пути, с превращением крестьян в фермеров и рабочих («американский путь»).

Сегодня мы имеем большой запас знания о взаимодействии капитализма с общиной, полученного на материале множества конкретных ситуаций, структурно схожих. Из этого вытекает вывод, что представление о революции в России начала XX в., исходящее из идеи схожести процесса в России и на Западе, было внутренне противоречивым. «Азиатчина» уже была не только противником, но и продуктом капитализма. Капитализм был возможен в России только в симбиозе с этой «азиатчиной». Любая попытка уничтожить ее посредством буржуазной революции или реформы вела не к капитализму, а к уничтожению капитализма.

В той трактовке русской революции, которая давалась марксистами в начале века, была дилемма: или прусский — или американский путь. Сбылись ли эти предвидения и оправданны ли были пожелания? Нет, предвидения не сбылись. Революция свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился практикой.

Община действительно была «стеснением». Но в то же время и капиталистическая модернизация, подобная той, что предложил Столыпин, была разрушительной и вела к пауперизации большой части крестьянства. Это была историческая ловушка, осознание которой оказывало на крестьян революционизирующее действие — такое противоречие, принимающее характер порочного круга, чревато катастрофой. Они и приводят к революциям. Так и получилось в России. Сама община превратилась в организатора сопротивления и борьбы. «Земля и воля!» — этот лозунг неожиданно стал знаменем русской крестьянской общины. Это оказалось полной неожиданностью и для помещиков, и для царского правительства, и даже для марксистов.

Если так, то данный Лениным в «Развитии капитализма в России» диагноз и главного противоречия, и движущей силы, и альтернативных исходов революции был ошибочным. Он делает в книге важнейший вывод: «Строй экономических отношений в “общинной” деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада, а обыкновенный мелкобуржуазный уклад... Русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его» [14, с. 165].

В рамках марксизма *в то время* дать иной диагноз было трудно. Взгляды же народников еще были в большой мере интуитивными и не могли конкурировать с марксизмом, который опирался на огромный опыт Запада.

В дальнейшем даже последователи Маркса, проникнутые евроцентризмом, признавали своеобразие революции 1905-1907 гг., ее несводимость к формуле «буржуазной революции». Даже К. Каутский пишет (в русском издании 1926 г.): «Русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно

особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации» (см. [22, с. 486]).⁵

Но еще мало кто увидел, что условием для победоносной революции в России было то уникальное сочетание подъема сознания общинного крестьянства и молодого рабочего класса, которое начал понимать Ленин, развивая идею о союзе рабочих и крестьян. Позже это было подтверждено на опыте других революций, которые на деле означали огромную *мировую антикапиталистическую революцию*.

Уже в ходе революции 1905-1907 гг. (после крестьянских волнений 1902 г.) начинает меняться представление Ленина о крестьянстве и его отношении к капитализму. Он рвет с установкой западной социал-демократии — избегать уступок крестьянам даже в виде включения аграрного вопроса в партийные программы. На IV (объединительном) съезде РСДРП он предлагает принять крестьянский лозунг революции 1905 г. — требование о «национализации всей земли». Это было настолько несовместимо с принятыми догмами, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Сам Плеханов на IV съезде верно понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию — так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения» [37].

Ленин даже записал его слова: «Мы ни в коем случае не можем стоять за национализацию». Ленин ответил Плеханову очень определенно и внятно, установка на национализацию земли означала принципиальное изменение представлений о русской революции. Из уважения к Плеханову Ленин сказал: «Я берусь утверждать, что если у нас осуществится на самом деле крестьянская революция... то тов. Плеханов сочтет возможным стоять за национализацию» [38].

После 1908 г. Ленин уже совершенно по-иному представляет сущность спора марксистов с народниками (кстати, спора, который он сам активно вел в последние годы XIX в.). Он пишет в письме И.И. Скворцову-Степанову: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели,

прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития». «Противоречит всему ходу хозяйственного развития» — это ли не реакционность?!» [39].

Из этого ясно видно, что трактовка, которую давал проблеме сам Ленин десять лет назад, ушла в прошлое. Т. Шанин пишет: «Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905-1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему к концу 1905 г. Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.» [22, с. 279].⁶

Поддержка Лениным крестьянского взгляда на земельный вопрос означала серьезный разрыв с западным марксизмом. Т. Шанин пишет: «В европейском марксистском движении укоренился страх перед уступкой крестьянским собственническим тенденциям и вера в то, что уравнительное распределение земли экономически регрессивно и поэтому политически неприемлемо. В 1918 г. Роза Люксембург назвала уравнительное распределение земель в 1917 г. как создающее “новый мощный слой врагов народа в деревне”» [22, с. 512].

В 1907 г. Ленин в проекте речи по аграрному вопросу во II Государственной думе прямо заявил о поддержке «крестьянской массы» в ее борьбе за землю и о союзе рабочего класса и крестьянства. Союза не с сельским пролетариатом, а именно с крестьянством. В этой речи уже и намек нет на прогрессивность больших землевладений и бескультурье «одичалого земледельца». Здесь сказано нечто противоположное: «Вопиющую неправду говорят про крестьян, клеветают на крестьян те, кто хочет заставить Россию и Европу думать, будто наши крестьяне борются против культуры. Неправда!» [41].

В 1908 г. Ленин пишет статью, само название которой наполнено большим скрытым смыслом: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Уже здесь — совершенно новая трактовка русской революции, пересмотр одного из главных положений книги «Развитие

капитализма в России». Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом буржуазной революции.

В этой статье Ленин очень осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно предотвращение этого господства — стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Это — новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как «зеркало русской революции»? Теперь, согласно взгляду Ленина 1908 г., «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Не буржуазная революция, а протест против капитализма!

При этом Ленин не говорит здесь об униженных и оскорбленных, о раздавленных колесницей капитализма, об «одичалом земледельце» — он говорит о крестьянстве в целом: «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции» [42].

Чтобы не вступать в конфликт с системой взглядов русского марксизма, которую сам же он укреплял в своем труде 1899 г., Ленин говорит лишь об «особенности» нашей революции, но выделяет слово *крестьянская*. На деле речь шла не об особенностях, а о совмещении двух разных, а в главных вопросах и противоположно направленных революциях — буржуазной и крестьянской, глубоко *антибуржуазной*. Можно даже сказать, что крестьянская революция более антибуржуазна, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария — лишь конкуренты на рынке.⁷

Ленин, после урока революции 1905-1907 гг., теперь по-иному видит чаяния крестьянства: не освободиться от постылого надела, не превратиться в рабочего, а «расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и

равноправных мелких крестьян — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции». По сути, уже в 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили конечный идеал 85 % населения России, а значит, и грядущей русской революции.

Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции. Столь же осторожно, но существенно развивает Ленин мысль об антибуржуазном характере крестьянской революции. В 1910 г. он пишет в связи со смертью Л.Н. Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все “устои” деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...» [43].

Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение. Нет здесь и следа старой догмы о свершившемся разделении крестьян на буржуазию и пролетариат. Это — полное отрицание старого тезиса, что общинное крестьянство — опора капитализма. Капитализм — враг крестьянства в целом. И в ходе революции (как в 1905-1907 гг., так и летом 1917 г.) не бедные крестьяне («пролетарии») громили «крестьянскую буржуазию», а крестьянская община приговаривала к сожжению избы, а то и целые деревни соседей, изменивших общему решению схода.⁸

И именно по вопросу о крестьянстве стала все более и более проходить линия, разделяющая большевиков и меньшевиков, которые все сильнее тяготели к блоку с западниками-кадетами. Мы в советское время не замечали того, что четко зафиксировали современники и оппоненты Ленина: выводы его труда «Развитие капитализма в России» им самим де-факто признаны ошибочными, и он принципиально изменил всю теоретическую концепцию. В 1912 г. М.И. Туган-Барановский подчеркнул: «Аграрные программы марксистов стали все ближе приближаться к аграрным программам народников, пока наконец между ними не исчезли какие бы то ни было

принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства... При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь своей властной рукой вынула из-под них почву» [44].

После 1905 г. Ленин стал отвергать догмы Маркса одну за другой, не вступая в полемику с ним. Это был переломный момент в представлениях Ленина о России как цивилизации, культуры и системы главных противоречиях Российского государства и общества — он начал свой путь независимого мыслителя, конструктора и политика.

Завершением большого пути Ленина — от ортодоксального марксиста, написавшего «Развитие капитализма в России», до творца советского строя и вождя цивилизационного масштаба — можно считать Апрельские тезисы 1917 г.

В них содержался исторический выбор, прикрытый срочной политической задачей. Не буржуазная республика, а идущие от крестьянской общины Советы, не ускоренное развитие капитализма с последующей пролетарской революцией, а продолжение некапиталистического пути развития в форме социализма.

Представить новые выводы Ленина относительно крестьянства в среде марксистов и либералов было сложной задачей потому, что Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

В тот момент было очень трудно отказаться от картины истории человечества, которая была внедрена в сознание российской интеллигенции системой образования. А в среде левой интеллигенции эта картина была еще усилена философией Гегеля и марксизмом, понятийный аппарат которых сформировался в иной

мировоззренческой системе, так, что смыслы многих понятий и выводов в среде русских искажались или не могли быть поняты.²

Этот темный и многослойный смысл рассуждений Гегеля и Маркса очаровывал русскую интеллигенцию, хотя прилагать эти рассуждения к социальной и политической реальности надо было очень осторожно. Признать, что Россия — самобытная цивилизация, было для европейски образованного марксиста очень трудным шагом. Это значило внутренне признать правоту славянофилов, которые в среде социал-демократов выглядели архаическими реакционерами. При этом надо было не стать диссидентом, изгоем в среде социал-демократов.

Глава 8. Становление новой теоретической системы революции

Один из ведущих современных социологов П. Бурдьё так сказал: «Собственно политическое действие возможно, поскольку у агентов, включенных в социальный мир, есть знание (более или менее адекватное) об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире. Это действие призвано произвести и навязать представления (ментальные, словесные, графические или театральные) о социальном мире, которые были бы способны воздействовать на этот мир, воздействуя на представление о нем у агентов» [46].

Таким образом, политическое действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании людей — и элиты, и массы. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Как подчеркивал Бурдьё, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира». Когнитивный бунт — это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Недовольство без изменения в видении мира может лишь *бунт толпы*, ярость которой хозяева дискурса могут направить в любые стороны.

В другом месте Бурдьё уточнил: «Познание социального мира, точнее, категории, которые делают его возможным, суть главная задача политической борьбы за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира» [47].

В ситуации революции «познание социального мира» формирует массовое сознание и, далее, действия. Фундаментом представления образа социального мира является целостная *картина мира*, а познание этой картины с момента появления разума было упорядочено и следовало правилам и нормам. Системы этих правил и приемов непрерывно развивались (или деградировали). Системы этих правил часто называют *парадигмами*.

Этнологи Н.Н. Чебоксаров и С.А. Арутюнов так излагают процесс освоения «картины мира»: «Человек воспринимает мир не как хаотический поток образов, символов и понятий. Вся информация из внешнего мира проходит через картину мира, представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко зафиксированную в нашем сознании. Эта схема-картина пропускает только ту информацию, которая предусмотрена ею. Ту информацию, о которой у нас нет представления, для которой нет соответствующего термина (названия), мы просто не замечаем. Весь остальной поток информации структурируется картиной мира: отбрасывается незначительное с ее точки зрения, фиксируется внимание на важном. Основу картины мира составляют этнические ценности» (см. [32, с. 60]).

Для нас, прежде всего, важно то, что в кризисных ситуациях участвует фактор различия в картине мира России и Запада. Это фон наших цивилизационных конфликтов. В последние два века в обществоведении разделялись две идеальные («чистые») модели обществ и государств: *традиционные* и *современные*. Раньше иногда различали «варварские» и «цивилизованные» общества и государства, а теперь мода на толерантность, и термины мягче. Современным называли государство *модерна* — конструкцию, которая сложилась в процессе череды революций, породившей Запад как особую цивилизацию Нового времени. «Незападные» общества и государства стали называть традиционными. Деление это условно, т. к. некоторые западные государства уже в XIX в. смогли перенести и освоить западные культурные достижения, важные технологии и институты модернизировались. Но эти инновации «прививались» на ствол своей культуры, и по ряду фундаментальных признаков (мировоззренческих и социальных) эти государства относили к классу традиционных. Примеры: Япония, Россия (затем СССР), Индия.

В Российской империи, с традиционным обществом (85 % населения были крестьяне, люди *аграрной цивилизации*). Это общество два века переживало кризис модернизации, а к концу XIX века вызрел и произошел открытый ценностный раскол. Противоречия в символической сфере усиливались, но после реформы 1861 г. недовольство и осознание кризиса отношений стали развиваться в *нелинейном* режиме.

Главное было в том, что менялись представления о *справедливости*. В прошлом крестьянские бунты и восстания были следствием нарушения помещиками и чиновниками межсословных «договоров», невыполнением их традиционных обязанностей. Крестьяне бунтовали против «злых помещиков» и «злых бояр», но не против самого устройства сословного общества и тем более не против монархии. В 70-80-е гг. XIX в. крестьяне зачастую сами вязали и сдавали в полицию агитаторов, которые «шли в народ» и пытались объяснить несправедливость всего общественного строя. А в начале XX в. крестьяне стали считать несправедливым и нетерпимым само социальное *неравенство*.

Проблема *осознания* массами объективной реальности и определения привычной несправедливости как *зла* исключительно важна для объяснения процессов созревания революции. Реформа 1861 г., как она была проведена, «включила» этот процесс осознания, но система «познания социального мира» у монархии и элиты устарела, и диалога с массой не получилось.

Социолог и культуролог А. Г. Ионин пишет: «Обратимся к *традиционному* обществу... Зарождается сословная структура: возникают различия между крестьянами и ремесленниками, между последними и знатью. Но и здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть *божественного порядка*. Принцип вертикальной классификации интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка — божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст...

В *современном* обществе по сравнению с простым и традиционным ситуация существенно образом меняется... Многообразные объективные неравенства не только осознаются как таковые, но и интерпретируются с точки зрения идеала равенства. Поэтому они воспринимаются как факты социального неравенства и становятся как предметом общественного дискурса, так и причиной многих классовых и прочих конфликтов. Возникают — в противоположность теориям божественной иерархии или природного порядка — многочисленные теории социальной структуры... К задачам исследователя прибавляется анализ социального неравенства

(то, что для ученых прошлых времен — магов, шаманов, монахов — попросту не было темой) и путей его преодоления...

Фактическому неравенству был противопоставлен идеал равенства, и с этого времени — с века Просвещения — борьба за равенство стала одним из основных мотивов современной культуры. Впоследствии, во второй половине XIX века, открытие социального неравенства и требование равенства было осмыслено как часть грандиозного духовного переворота того времени» [48].

Так Россия стала ареной цепного процесса когнитивных конфликтов. Вторжение западного капитализма с его инновациями обострило этот кризис. Монархическая власть и элита привилегированных сословий, включая значительную часть интеллигенции, были не готовы к такому резкому мировоззренческому сдвигу. Между сословиями и группами возникло взаимное непонимание по важным вопросам при глубокой дезинтеграции коммуникаций. Социальные, политические и культурные системы стали быстро изменяться, но интеллектуальных инструментов для анализа не было. Привычная парадигма знания об обществе, народе, об интересах и ценностях, понятиях о добре и зле *отказала*. Была неизбежна *революция в сознании*, а значит, и *революция в познании*. В действительности, они — это срезы большой политической и социальной революции.

Аналогично этой проблеме можно считать разработанное в методологии науки Т. Куном представление *научной революции*, которая начинает становление новой *парадигмы*. Это — когнитивная инновация, но, как любая инновация, порождает конфликт и сопротивление большинства приверженцев прежней, привычной парадигме.

Казалось бы, смена парадигмы в науке касается сообщества конкретной области науки, но это не так. Картина мира — фундамент и религии, и, позже, идеологии. Когда легитимируют какой-то институт или закон, обычный довод: так устроен мир. В XVII в. произошла Научная революция и возникла *научная картина мира*. После сопротивления церкви жанры картины мира были разделены, и практически все культуры разделили функции религии и науки — периодически научные революции стали потрясать более или менее крупные части общества.

О. Шпенглер писал: «Кому известно, что существует глубокая взаимосвязь форм между дифференциальным исчислением и династическим типом государства эпохи Людовика XIV, между античной государственной формой полиса и евклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства посредством железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий, между контрапунктической инструментальной музыкой и хозяйственной системой кредита?» [49].

Возьмем пример более наглядный — революцию Коперника. Н.А. Бердяев так определил потрясение от изменения картины мироздания и места Солнца и Земли: «Замкнутое небо мира средневекового и мира античного разомкнулось, и открылась бесконечность миров, в которой потерялся человек с его притязаниями быть центром вселенной» [50].

А вот как излагал мироощущение русского человека начала XX в. А.Ф. Лосев: «Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево... Все это как-то неуютно, все это какое-то неродное, злое, жестокое. То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, “яже не подвижется”... А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни “яже не подвижется”. Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. “Вот-де твоя родина — наплевать и размазать!” Читая учебник астрономии, чувствую, что кто-то палкой выгоняет меня из собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию» [51].

Такие же потрясения переживает общество, когда вдруг ему представляется его иной образ. Расстрел 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») сломал хрупкое равновесие: масса трудящихся отшатнулась от монархии, а царь согласился на выборы первого сословного парламента (Государственной думы). В то же время экспансия капитализма и столкновение сословного общества с жесткой капиталистической модернизацией породили противоречия, которые разрешились в России революцией.

Один из самых авторитетных социологов Макс Вебер, изучая и сравнивая процессы развития в обществах модерна и в традиционных обществах, определил изменения форм и структур (*инновации*) как зародыши появления новых общественных институтов. Он ввел в

социологию важное понятие: *общество в состоянии становления*. Это аналогия понятия натурфилософии, обозначающего состояние вещества в момент его рождения — *in statu nascendi*. В начале XX в., во время кризиса классической физики и изменения научной картины мира, возникла новая парадигма, «постклассическая». В науке стали различать два взгляда на природу: *науку бытия* — видение мира как стабильных процессов, и *науку становления*, когда преобладают нестабильность, переходы *порядок — хаос*, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового. Парадигму науки становления часто называют *нелинейной*.

Сразу заметим: марксизм, в общем, исходил из принципов «науки бытия» (исторический процесс как этапы состояния равновесия), а Ленин освоил и ввел в партийную мысль принципы «науки становления» (исторические изменения как неравновесные кризисные состояния).

Вебер также выдвинул сильный тезис: идея и проектирование инновации, порождающей новую структуру, *in statu nascendi*, требует взаимодействия *рационального* усилия и *нерационального* импульса. Другими словами, он напомнил, что нельзя описать «население» и общество (человеческие общности) только посредством социальными и экономическими индикаторами — социальное и психическое неразрывно связаны (сейчас скажем, их *синергизм*).

Этот эффект взаимодействия элементов знали уже в античности: «целое больше суммы частей». А Маркс сказал: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Но что значит, что «идея овладевает массами»? Значит, что идея воздействует не только на разум с его логикой и расчетом, но и на всю духовную сферу людей — чувства, воображение, память, подсознание и др. Это и есть взаимодействие рационального мышления с психикой. Если речь идет об идее, которая овладевает массами, значит, эта идея потрясла множество разных людей, глубоко затронула их разум, совесть и чаяния.

В большой работе «Социальная теория и социальная структура» Р. Мертон разработал концепцию важного класса инноваций — тех, которые создаются в сфере отклоняющего или преступного поведения. Среди них есть особый тип инноваций, присущий меньшинству, — *мятеж*, который Мертон противопоставляет аномии среднего класса.

Он пишет: «Этот тип приспособления выводит людей за пределы окружающей социальной структуры и побуждает их создавать новую, то есть сильно видоизмененную социальную структуру. Это предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов. Мятеж стремится изменить существующие культурную и социальную структуры, а не приспособиться к ним... Для участия в организованной политической деятельности необходимо не только отказаться от приверженности господствующей социальной структуре, но и перевести ее в новые социальные слои, обладающие новым мифом» [52].

История подтверждает, что мятеж — это инновация, которая изменяет картину мира и мышление части общества. А значит, что мятеж развивается быстро и неожиданно, как пожар. Фрэнсис Бэкон даже написал трактат «Очерк о мятежах и волнениях».

Новая парадигма усложняла структуру познания мира — и природного, и социального. Вебер в своих трудах прилагал большие усилия, чтобы не допустить *отождествления* мышления и бытия. Он подчеркивал, что логическая упорядоченность теории может привнести в познание «утопический» элемент и что историческая действительность в каждой «точке» и в каждый «момент» выступает как нечто уникальное и неповторимое, следовательно, не подчиняющееся никакому «объективному закону». Вера в то, что теория полностью адекватна действительности, затрудняет увидеть важный *момент*, в который или на миг сложились благоприятные условия для шага вперед, или возникла слишком рискованная ситуация и надо перейти к обороне. Мышление в *линейной* парадигме не позволяет сразу увидеть такие быстрые изменения, и сама функция следить за признаками изменения подавлена.

Здесь сделаем отступление с кратким изложением различия двух парадигм, которые действовали в период кризиса механистического детерминизма (картина мира Ньютона). До последнего времени доминантной парадигмой западного мира являлась ньютоновская или *линейная* парадигма. В своей основе она придерживается механистического видения мира — подход, глубоко укорененный в сознании и мышлении западного человека и модернизированной интеллигенции. «Линейность предлагает структурную стабильность и делает акцент на равновесии. Она легитимирует простые

экстраполяции известного развития, масштабирование и разделение на части. Она обещает предсказуемость и, следовательно, контроль — действительно, очень мощная притягательность» (см. [54]).

Приведем краткую выжимку из описания этого сдвига к новой парадигме в популярной книге, полезной для нашей темы:

Свойства линейности включают пропорциональность, аддитивность, масштабируемость, редуционизм. Пропорциональность приводит к тому, что для линейных систем малое входное воздействие приводит к малому выходному отклику, большое воздействие — к большому. Аддитивность обеспечивает легитимность линейного редуционизма — практики разделения большой и сложной проблемы на ряд относительно небольших и менее сложных задач, через решение которых находится решение исходной проблемы. Если система является линейной, то обладание лишь частичной информацией о ее структуре и функциях чаще всего позволяет «вычислить» свойства и функции системы в целом.

Линейность пронизывает все стороны жизни западного общества. Метафорой линейной парадигмы могут служить механические часы — тонко настроенный механизм, работающий ровно и точно, тикающий предсказуемо, измеримо и надежно. Когда дела идут хорошо, то все «идет как часы», если организация хорошо работает, то о ней говорят, как о «хорошо смазанной машине». Ньютоновская парадигма линейности оказалась такой ясной и простой, что была просто неотразима. Она навязывала регулярность и масштабируемость там, где ее не было. Для объяснения явлений она упрощала и линеризовала процессы, идеализируя социальную и объективную реальность. Получающееся видение социальной реальности оказывалось мощным, технологичным и... узким.

За такой результат приходится платить соответствующую цену, заключающуюся в ограничении ведения рассматриваемых процессов, так как воображение и мышление оказывались фундаментально линейными: «Мы оказались в состоянии получить аналитические уравнения, которые обеспечивают предсказание, но только при непременном требовании, что системе не позволено слишком быстро меняться во времени. Мы искусственно требуем, чтобы наши системы были стабильными в максвелловском смысле, и затем удивляемся

проявлениям нестабильности, с которой сталкиваемся в реальном мире».

Главная неадекватность линейной парадигмы оказалась связана с неспособностью учитывать взаимодействия, так как она концентрируется на рассмотрении элементов, агентов рассматриваемых процессов, пренебрегая или абстрагируясь от *взаимодействий*. В большинстве случаев именно взаимодействия между агентами системы приводят к появлению нелинейности и необходимости разработки новой, нелинейной парадигмы. Ограниченность линейной парадигмы и необходимость поиска новых подходов была осознана достаточно недавно. Неявное допущение линейности, которая выступает в качестве нормы, пронизывает весь западный мир.

Под постньютоновской или *нелинейной* парадигмой подразумевается систематизация природных, общественных явлений и процессов в качестве нелинейного феномена. Нелинейные системы демонстрируют отсутствие пропорциональности и аддитивности, когда малые воздействия на входе системы могут приводить к большим откликам на выходах, а невозможность абстрагирования от взаимодействий не позволяет применить методы линейного редукционизма, позволяющие осуществить декомпозицию системы на ряд подсистем меньшего масштаба. При исследовании нелинейной системы недостаточно думать о ней только в терминах частей или аспектов, вычленяемых заранее, через анализ и комбинирование которых получают характеристики системы в целом, то есть «целое оказывается больше, нежели сумма составляющих его частей». Результаты не должны предполагаться в качестве повторяемых, то есть попытки повторить один и тот же эксперимент наталкиваются на невозможность обеспечить его повторение.

Нелинейная динамика, приводящая к произвольной чувствительности к малейшим изменениям в начальных условиях, делает невозможным какое-либо повторение или предсказание результатов эксперимента — краеугольный принцип классических естественных наук. «Коннотация нелинейности включает в себе смесь угрозы и возможности. Нелинейность может генерировать нестабильность, разрывы, синергизмы и непредсказуемость. Но она

также отдает должное гибкости, адаптивности, динамическим изменениям, инновации и оперативности» (см. [54]).

Видение истории, которое воспринимается человеком через призму того или другого методологического подхода, сильно влияет на его отношение к происходящим событиям и на его поведение. Так, первая особенность представлений коалиции Февральской революции, которая бросалась в глаза, — уверенность в том, что «объективные законы исторического развития пробьют себе дорогу через случайности». Из этого вытекало равнодушие к *моменту*, к его уникальности и необратимости, мышление в понятиях исторической формации, *длительных* процессов.

Основанием для такого отношения к «событиям быстротекущей жизни» является механистический детерминизм, который господствовал в мировоззрении в период марксизма XIX в. Он был важной частью сознания российской интеллигенции в начале XX в. Из этого вытекало ощущение стабильности и равновесности общественных систем. Считалось, чтобы вывести их из равновесия, нужны крупные силы, «предпосылки» (классовые интересы, назревание противоречий и т. п.). Но для осмысления периодов в состоянии общества, как революции, механистичное мышление не годится. В эти периоды возникает много цепных процессов и неустойчивых равновесий — это перекрестки, «расщепление путей» (точки бифуркации). В этот момент решают не объективные законы, а малые, но вовремя совершенные воздействия. Великими революционерами становились те, кто верно определял точки бифуркации и направлял события по нужному коридору и в нужный момент («сегодня рано, послезавтра поздно»).

В этом пункте в проектах и парадигмах двух революций видно не различие, а драматический разрыв. После революции 1905-1907 гг. можно было видеть становление системы мышления, объяснения и проектирования решений Ленина. Его методология быстро развивалась, и практически все крупные проблемы и альтернативы их разрешений Ленин представлял как совершенно новые *инновации*. Поразительно, что новизна его проектов сочеталась со здравым смыслом так, что это было понятным массе трудящихся, но с трудом понималось политизированной интеллигенцией (включая элиту большевиков).

Как пример приведем крупный фрагмент одной из последних статей Ленина 1923 года — «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)»:

«Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала... Бросается в глаза их рабская подражательность прошлому... Даже и чисто теоретически у всех них бросается в глаза полная неспособность понять следующие соображения марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом *mutatis mutandis*,¹⁰ не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные в зависимости именно от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало...

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития...

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные “ученые” господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма... “Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм”. С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции...

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из

западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?..

Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками» [145, с. 378-379, 381-382].¹¹

Такие его объяснения представляли образы проблем как неравновесные системы в динамике. Такие фрагменты нельзя заменить короткой цитатой, они создают новую картину мира и задают вектор движения в будущее.

Во время Октябрьской революции необходимые срочные действия производились быстро.

Вот красноречивый эпизод. II Всероссийский Съезд Советов был синхронизирован с арестом правительства в Зимнем дворце. Съезд был открыт 25 октября в 22 час 45 мин., после перерыва было сообщено об аресте Временного правительства, и меньшевики, правые эсеры, делегаты Бунда покинули Съезд. Утром 26 октября Съезд утвердил обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам» и объявил, что берет власть в свои руки, а вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вечером прошли чтения декретов о мире и земле, затем Съезд их утвердил. Далее II Съезд Советов сформировал правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным и утвердил его декретом. 27 октября II Съезд Советов рабочих завершил работу, и все арестованные министры-социалисты Временного правительства были отпущены под честное слово.

Съезд фактически решил задачи, стоящие перед Учредительным собранием в вопросе о выборе формы власти в стране.

Суханов в «Записках о революции» писал: «Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав всё будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожиизненцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина» [176].

Удивление Суханова можно понять: зачем социалистам надо было рвать все отношения с Советами, с фракцией большевиков, с которыми меньшевики почти 20 лет были в одной партии РСДРП? Они прекрасно знали, что Временное правительство утратило остатки легитимности, почему же не продолжать излагать свои идеи и программы из оппозиции, пусть свои бывшие товарищи в данный момент были в большинстве? А если с ними согласно большинство российского общества, то как могли революционеры-социалисты выбрать войну с этим большинством? Ради кого они страдали на каторге или в ссылке — ведь ради трудящихся. Как это можно было понять? Логика борьбы загоняла умных и бескорыстных людей в тупик.

Сравним установки Ленина с решениями меньшевиков и эсеров. В докладе об Апрельских тезисах на собрании большевиков 4 апреля Ленин предупредил, что в Советах надо работать даже когда их руководство враждебно, вне зависимости от того, кто будет стоять во главе Советов и какие партии будут там в большинстве: «Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов... Признанный факт, что в С.Р.Д.¹² наша партия — в меньшинстве. Надо разъяснять массам, что Совет рабочих депутатов — единственно возможное правительство, правительство, еще невиданное в мире...» [146, с. 107, 108].

Это значит, что Советы — огромная ценность, которую надо укреплять и оберегать, даже если ею пока что владеют недружественные силы. Ленин убедительно объяснил: поворот в сознании масс неизбежен, он станет следствием не только, даже не столько, большевистской пропаганды: «Мы не хотим, чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок» [146, с. 109].

Различными у Февраля и Октября были и подходы к воссозданию после революции государственности России. Оба движения были *революционными*. Но коалиция Февраля практически отказалась принять на себя бремя власти — распознавать угрозы, принимать решение и стабилизировать положение. Правительство только вело вялую борьбу с большевиками, не разрешая критические проблемы. Это лишило его поддержки даже со стороны буржуазных слоев — хаос был страшнее большевиков.

Интеллектуалы Февраля и западные социал-демократы пытались следовать канону западных буржуазно-демократических революций, разработанному в учении Маркса, и новизна их инновации была лишь в том, что она происходила в иных месте, культуре и моменте. Но мыслили они в рамках модерна XIX в., в парадигме науки *бытия* (механистический детерминизм). А Ленин, проникнувший в смысл кризиса модели мироздания Ньютона, мыслил в логике науки *становления*. И главная идея его инновации — синтез *общинного крестьянского коммунизма* (выражение Вебера) с мироощущением *Просвещения*. На политическом языке это он назвал «союз рабочих и крестьян» — ересь для марксизма.

Но если детализировать движение процесса революций, можно разглядеть борьбу и взаимодействие *нескольких* харизматических инноваций разного калибра и в разных направлениях. Какой-то вектор по главным признакам представляется господствующим, вокруг его социального ядра складывается коалиция. Такова была Февральская революция 1917 г. в России: ее харизматические вожди — либералы, цвет русской интеллигенции, их с 1905 г. консультировал лично М. Вебер. Более того, либералов поддерживали марксисты-социалисты (меньшевики и эсеры), философы и ученые, иерархи церкви и верхушка Запада (Антанты).

Интеллектуалы Февраля и западные социал-демократы пытались следовать канону западных буржуазно-демократических революций, разработанному в учении Маркса, и новизна их инновации была лишь в том, что она происходила в иных месте и культуре. Они мыслили в рамках модерна XIX в., в парадигме *науки бытия*. А Ленин и большевики, его последователи, мыслили в логике *науки становления*. Разные парадигмы — значит, разные общности двух разных революций видят *разные картины мира* (включая человека, общество, государства и т. д.). Они видят, изучают и оценивают разные факты, разные процессы и явления. Они по-разному понимают пространство и время, следуют разным способам и нормам мышления и объяснения, при разрешении на первый взгляд одной и той же проблемы они принимают разные решения.

В те времена было очевидно — и меньшевики-марксисты, и легальные марксисты кадеты, и эсеры, и западные социал-демократы — мыслили и проектировали будущее кардинально иначе, чем Ленин и его соратники. Поэтому проект Октябрьской революции был совершенно иной, чем у Февральской революции.

Это грубо выразил Антонио Грамши в статье об Октябрьской революции (5 января 1918 г.) под названием «Революция против “Капитала”»: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [55].

В июне 1917 г. стало очевидно, что институционализация Февральской революции быстро вышла из-под контроля Временного правительства и превратилась в форму харизматической инновации большевиков. В результате большевики въехали в состояние *in statu nascendi* на спине либеральной революции, используя ее энергию и

выступив против ее «грязной работы» по разрушению государственности.

Заметим, что накануне Февраля в партии большевиков было около 10 тыс. человек, на порядок меньше, чем меньшевиков и эсеров. А в момент Февральской революции, выйдя из подполья, 125 организаций большевиков насчитывали 24 тыс. членов (в Петрограде 2 тыс., в Москве 600 человек). В июле в партии были уже 240 тыс., к октябрю 350 тыс. А ведь не было ни прессы, ни телевидения. Апрельские тезисы — вот, действительно, харизматическая инновация. Надо к тому же учесть, что за 3-4 месяца в партию вступили 90% членов, которые не могли заняться политучебой и читать Ленина и тем более Маркса. Они только могли приложить профиль своих самых главных чаяний и зол к главным же элементам образа будущего всех политических партий — и определились.

Структура инновации Октябрьской (советской) революции содержала синтез модерна (индустриализма) с общинной традицией аграрной цивилизации. Другой синтез почти на целый век закрыл раскол в интеллигенции, которая разошлась в выборе цивилизационных путей России. Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у Колчака), объяснял в эмиграции (1921), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества». Это необычная инновация, идея которой «подсказана» чаянием мира: синтез в течение ста лет конфликтующих структур сознания больших общностей был именно харизматической идеей, преодолением важных догм марксизма.

Представляя эти идеи обществу России, Ленин почти буквально сказал формулой, которой Вебер означал харизму: «Вы слышали, что вам было сказано... а Я говорю вам...». Это было *откровение*, недаром Апрельские тезисы отвергли с ужасом книжники-марксисты (например, Плеханов) и поначалу даже верхушка большевиков, зато поддержали первичные организации.

Во время революции каждая политическая сила, имеющая конструктивный проект и претендующая на то, чтобы стать во главе строительства нового жизнеустройства всего народа, вынуждена в

какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, *обуздание* того самого социального движения, что ее подняло. Возможно, это самый болезненный этап в любой революции, здесь — главная проба сил. Только то политическое движение, что отражает самые фундаментальные интересы (чаяния) своей социальной базы, способно выступить против ее «расхожих мнений», чтобы ввести ее разрушительную энергию в русло строительства. Поэтому государственное строительство, ведущееся революционерами, сопряжено с острыми фундаментальными противоречиями, расколами и конфликтами.

Овладеть главным потоком революции — со всеми ее великими и страшными сторонами — оказалось для большевиков самой важной и самой трудной задачей. Постановка задачи «*обуздания революции*» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Решение этой противоречивой задачи было в том, чтобы договориться о главном, поддержать выбранную огромным большинством траекторию.¹³

Ленин сформулировал очень важное качество революционера (да и вообще политика): «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать “революцию” с большой буквы, возводить “революцию” в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому.

Откуда следует, что “великая, победоносная, мировая” революция может и должна применять только революционные приемы? Ниоткуда это не следует. И это прямо и безусловно неверно. Неверность этого ясна сама собой на основании чисто теоретических положений, если не сходить с почвы марксизма. Неверность этого подтверждается и опытом нашей революции...

До победы пролетариата реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они (будучи в международном масштабе тем же самым “побочным продуктом”) являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа дает такой “запас сил”, что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном, и в моральном смысле. Продержаться в материальном смысле — это значит сохранить достаточный перевес сил, чтобы неприятель не мог разбить нас до конца. Продержаться в моральном смысле — это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа, отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы вовремя приостановить отступление и перейти опять в наступление» [166, с. 222, 228-229].

Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа. А это понимание встречается у политиков чрезвычайно редко. И в этом, безусловно, главную роль сыграл Ленин как мыслитель, методолог и редкостная ответственность в объяснениях самых сложных проблем. Он часто показывал на конкретных решениях и задачах, какие ущербы наносит инерция стереотипов. Политику и особенно революционеру противопоказана прямолинейная роль, потому что в реальности процессы, с которыми они имеют дело, неравновестны, турбулентны, часто или распадаются, или развиваются скачкообразно. Политик должен быстро изменять тактику с изменением системы, например, быстро «погасить» революционизм и перейти к реформе, с мягким преобразованием структур и норм.

Ленин объяснял на примере о раннем проекте экономики: «Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до

весны 1921 г. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом...

Совершенно иной подход к задаче [НЭПа]. По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше)» [147, с. 222].

И очень важно, что Ленин представлял российское общество как большую систему, и главные общности — тоже как системы, а не как монолиты. Он так выразил позицию мелкобуржуазной части крестьянства: «Россия так исключительно велика и что различные части ее могли в одно и то же время переживать различные стадии развития.

В Сибири и на Украине контрреволюция могла временно побеждать, потому что буржуазия имела там за собой крестьянство, потому что крестьяне были против нас. Крестьяне нередко заявляли: “Мы большевики, но не коммунисты. Мы — за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства”. И некоторое время контрреволюция могла побеждать в Сибири и на Украине, потому что буржуазия имела успех в борьбе за влияние среди крестьян; но достаточно было очень непродолжительного периода, чтобы открыть крестьянам глаза. В короткое время они накопили практический опыт и вскоре сказали: “Да, большевики довольно неприятные люди; мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание”. Учредилка у них ругательное слово» [181].

Вывод таков: несмотря на сильную оппозицию внутри партии, большевики приняли новую теорию русской революции, которую разрабатывал Ленин после 1907 г. Насколько непростым был этот выбор, говорит тот факт, что большинство тех, кто были членами ЦК РСДРП (большевиков) в 1903-1912 гг., в дальнейшем вышли из партии или были исключены из нее.

Когда в 1924 г. умер Ленин, философ Бертран Рассел написал: «Можно полагать, что наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза, одному — в области мысли, другому — в действии. Ленин казался

мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли бы хоть еще один человек, который смог бы построить так хорошо заново. У него был стройный творческий ум. Он был философом, творцом системы в области практики... Он соединял в себе узкую ортодоксальность мысли с умением приспосабливаться к действительности, хотя он никогда не делал таких уступок, которые имели бы другую цель, кроме окончательного торжества коммунизма... Это делало его спокойным среди трудностей, мужественным среди опасностей, оценивающим всю русскую революцию, как эпизод в мировой борьбе...

Государственные деятели масштаба Ленина появляются в мире не больше чем раз в столетие, и вряд ли многие из нас доживут до того, чтобы видеть равного ему» [213].

Глава 9. Здравый смысл

Структуры познания и массивы знания организованы как большие системы, которые можно назвать *парадигмами*. Но фоном сети парадигм является и присутствует во всех парадигмах много способов познания «россыпью». Кант в своем подходе к проблеме *решений* выделил три уровня познания и осмысления: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления».

Но в реальной жизни, тем более в условиях кризиса, мы не имеем времени и сил для того, чтобы делать сложные умозаключения по большинству вопросов. Мы справляемся с помощью *интуиции* и *здорового смысла*. И то, и другое — инструменты рациональности. Главное подспорье логическим рассуждениям — *здравый смысл*. В среде высокообразованных людей здравый смысл ценится невысоко, они ставят его куда ниже теоретического знания. Возможно, в благополучные времена это может быть оправдано, но в условиях той неопределенности, которую порождает кризис, роль здравого смысла резко возрастает. Здравый смысл не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но он надежно предохраняет против *наихудших* решений.

Здравый смысл, при отсутствии плодотворной теории или при массовом кризисе сознания интеллигенции является единственной интеллектуальной основой для того, чтобы массы простонародья могли выработать свою позицию в быстро меняющейся обстановке. Такую ситуацию мы видели в конце XX в.: бывшие «марксисты», опираясь на идеологические иррациональные стереотипы, отвергали рациональные доводы, исходящие из повседневного опыта.

В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон, авторы официального учебника «Исторический материализм», пишут в 1990 г.: «Поверхностные, основанные на здравом смысле высказывания обладают немалой притягательной силой, ибо создают видимость соответствия непосредственной действительности, реальным интересам сегодняшней практики. Научные же истины всегда парадоксальны,

если к ним подходить с меркой повседневного опыта. Особенно опасны так называемые “рациональные доводы”, исходящие из такого опыта, скажем, попытки обосновать хозяйственное использование Байкала, поворот на юг северных рек, строительство огромных ирригационных систем и т. п.» [56]. В тот раз им удалось блокировать «рациональные доводы с меркой повседневного опыта», но ненадолго.

Когда в конце XX в. мышление модерна стало теснить и принижать здравый смысл, на его защиту выступили философы разных направлений (например, А. Бергсон и А. Грамши). А. Бергсон говорил перед студентами (победителями университетского конкурса 1895 г.):

«Повседневная жизнь требует от каждого из нас решений столь же ясных, сколь быстрых. Всякий значимый поступок завершает собою длинную цепочку доводов и условий, а затем раскрывается в своих следствиях... Однако обычно он не признает ни колебаний, ни промедлений; нужно принять решение, поняв целое и не учитывая всех деталей. Тогда-то мы и взываем к здравому смыслу, чтобы устранить сомнения и преодолеть преграду. Итак, возможно, что здравый смысл в практической жизни — то же, что гений в науках и искусстве...

Сближаясь с инстинктом быстротой решений и непосредственностью природы, здравый смысл противостоит ему разнообразием методов, гибкостью формы и тем ревнивым надзором, который он над нами устанавливает, оберегая нас от интеллектуального автоматизма. Он сходен с наукой своими поисками реального и упорством в стремлении не отступать от фактов, но отличен от нее родом истины, которой добивается, ибо он направлен не к универсальной истине, как наука, но к истине сегодняшнего дня...

Я вижу в здоровом смысле внутреннюю энергию интеллекта, который постоянно одолевает себя, устраняя уже готовые идеи и освобождая место новым, и с неослабевающим вниманием следует реальности. Я вижу в нем также интеллектуальный свет от морального горения, верность идей, сформированных чувством справедливости, наконец, выпрямленный характером дух... Посмотрите, как решает он великие философские проблемы, и вы увидите, что его решение социально полезно, оно проясняет формулировку сути вопроса и

благоприятствует действию. Кажется, что в спекулятивной области здравый смысл взывает к воле, а в практической — к разуму» [57].

Мы мало интересовались общественными процессами между Февральской и Октябрьской революциями, особенно в сфере познания.

В нашей историографии этот период представлялся как объективная и гармоническая эволюция «перерастания» буржуазно-демократической революции в социалистическую. К этой картине привыкли, но опыт конца XX в. заставил нас наконец разобраться в отношениях двух ветвей Великой русской революции. Исторический материал нам показал, что эти две парадигмы и два проекта были две расходящиеся ветви нашей культуры, две родственные, но разные картины мира. Но за их парадигмами постоянно были столкновения здравого смысла с парадоксами.

Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». И ему пришлось следовать требованиям реальной жизни, преодолевая свои вчерашние догмы, но делая это не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников. Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к *здоровому смыслу*. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, легальные марксисты, меньшевики, троцкисты.

Приведем несколько примеров.

В Февральской революции вожди исходили из доктрины: подтолкнуть «дикую стихийную анархию», чтобы она свергла царя. Как говорил А.И. Гучков, деятели Февраля считали, что «после того, как дикая анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти. Очевидно, в воспоминание того, что... был 1848 г.: рабочие свалили, а потом какие-то разумные люди устроили власть».

Гучков потом признал, что эта идея была «ошибкой». Но и сам он не понял, что произошло. Да, «дикая анархия свалила царя», и вроде бы она «призвала к власти» кадетов и октябристов — а в

действительности солдаты, рабочие и крестьяне за полгода определились и создали власть и государственность совсем другого типа, а не Временное буржуазно-либеральное правительство. У этих вождей отказал *здоровый смысл* — они забыли уроки революции 1905-1907 гг.

В Октябрьской революции не было манипуляций, уже в первом представлении ее доктрины (Апрельские тезисы), было внятно определено: «Вся власть Советам!», а не буржуазии, земля — Божья (т. е. всему народу). Архетип «Земля и Воля!» вовсе не рассматривался как ценности «дикой стихийной анархии», только было добавлено, что для народа требуется синтез с развитием и справедливостью. К августу к этому проекту примкнуло большинство.

Хотя понятия Вебера не использовали, но реально мировоззренческой основой большинства Октябрьской революции был *крестьянский общинный коммунизм*. Но при этом и философы, и поэты, и руководители Октября знали, что в системе крестьянского общинного коммунизма есть компонента *анархического коммунизма*. В условиях кризисов и бедствий анархический коммунизм трансформируется в *бунт*. Вариантов бунта может быть много. Был Разин, потом Пугачев, а в 1917 г. был Махно — коммунист-анархист.

Февральская революция активизировала бунт, с которым не могла и не смогла справиться. На первом этапе этого бунта, как писал Брусилов, солдат «совершенно не интересовал Интернационал, коммунизм и тому подобные вопросы, они только усвоили себе начала будущей свободной жизни». Но на втором этапе хаос был загнан в порядок революции Советов — бунтующие люди распознали притягательный для них *аттрактор*.

Блок писал о своей поэме (1918 г.): «Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь “Исуса Христа”». В 1920 г. он добавил: «Те, кто видят в “Двенадцати” политические стихи, — или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой».

Диалектика бунта и революции — явление грандиозное и многомерное. В этой диалектике и вызревало распутье между Лениным и оппозиции в РКП(б). Троцкий писал: «Для Блока революция есть возмущенная стихия: “ветер, ветер — на всем божьем свете!”... Для Клюева, для Есенина — пугачевский и разинский

бунты... Но революция вовсе не только вихрь... Революция же есть прежде всего борьба рабочего класса за власть, за утверждение власти, за преобразование общества» [58, с. 83].

Ленин, напротив, в разных формах объяснял, что общество состоит из разных общностей и что *правящая партия* не может действовать согласно интересам одного класса. Бунтующие общности трудящихся — не враги советской власти, даже если в данный момент они восстали против этой власти. Бунтующие трудящиеся были социальной базой революции, но все они были в поиске верного пути в условиях неопределенности, хаоса и кризиса картины мира. Партизаны Сибири разгромили Колчака, но потом значительная часть их подняла восстание против советской власти. Восстания приходилось подавлять, но не разрывая контакт с этими людьми, а искать новые формы жизнеустройства, приемлемые и повстанцам. Эта проблема вызвала острые дискуссии в 1921 г., когда начался переход от военного коммунизма к НЭПу.

Сразу после Октября большевики выступили против «бунта», против стихийной силы революции. Во время перестройки обвиняли Ленина в лозунге «грабь награбленное», а на деле это был лозунг «бунта», которым должны были овладеть большевики. «Попало здесь особенно лозунгу “грабь награбленное” — лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов?

И я думаю, что история нас полностью оправдает, а еще раньше истории становятся на нашу сторону трудящиеся массы; но если лозунг “грабь награбленное” проявил себя без всяких ограничений в деятельности Советов и если окажется, что в таком практическом и коренном вопросе, как голод и безработица, мы натыкаемся на величайшие трудности, то тут своевременно сказать, что после слов “грабь награбленное” начинается расхождение между пролетарской революцией, которая говорит: награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...

И вот когда против этого начинают вопить, крича, что — диктатура, начинают вопить о Наполеоне III, о Юлии Цезаре, говорят,

что это несерьезность рабочего класса, когда обвиняют Троцкого, тут есть та каша в головах, то политическое настроение, которое выявляется именно мелкобуржуазной стихией, которая протестовала не против лозунга «грабь награбленное», а против лозунга: считай и распределяй правильно...

Все это — словесные кунштюки, что, мол, диктатура, Наполеон III, Юлий Цезарь и т. д. Здесь можно на этот счет пускать песок в глаза, но на местах, на каждой фабрике, в каждой деревне превосходно знают, что мы в этом отстали, никто оспаривать этого лозунга не будет, каждый знает, что он означает. И что мы направим все наши силы на организацию подсчета, контроля и правильного распределения, в этом также не может быть сомнений... Пролетариат, масса крестьянства, разоренного и безнадёжного в смысле хозяйства индивидуального, будет на нашей стороне, потому что прекрасно понимает, что простым грабежом Россию удержать нельзя. Нам всем это хорошо известно, и каждый у себя на месте видит это и чувствует это» [59, с. 269, 271].

Это было понятно.

Троцкий в отдельном разделе «А. Блок» пишет: «Блок дает не революцию и уж, конечно, не работу ее руководящего авангарда, а сопутствующие ей явления, хотя и вызванные ею, но по сути направленные против нее» [58, с. 101]. С этим трудно согласиться: не бунт порождается революцией, а революция — бунтом. Поэтому Ленин и предупреждал: надо не готовить революцию, а готовиться к ней. А уж в процессе революции возникают вторичные волны разных бунтов.

Есенин написал, когда умер Ленин:

Еще закон не затвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

.....

Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе

Должны заковывать в бетон.

Другой пример: попытка советской власти примириться с социалистами — делегатами Учредительного собрания (эсерами и меньшевиками). Положение о выборах было утверждено в августе, выборы начались 12 ноября, проголосовали менее 50 % избирателей — многие не понимали, зачем это собрание, когда был Всероссийский съезд Советов и принял главные декреты, процесс уже ушел далеко вперед.

Партии с принципиально *буржуазной* программой получили около 15 % тех, кто принял участие в выборах, партии с разными *социалистическими* программами — 85 %. Всего было избрано 715 депутатов, из которых 370 мандатов получили правые эсеры и центристы, 175 — большевики, 40 — левые эсеры, 17 — кадеты, 15 — меньшевики, 86 — от национальных групп. В Петрограде большевики получили 45% голосов, кадеты 27%, эсеры 17%. В Москве большевики получили 48%, на Северном фронте 56%, а на Западном 67%; на Балтийском флоте 58,2%, в 20 округах Северо-Западных и Центральных промышленных районов — в общей сложности 53,1%.

Строго говоря, эту кампанию нельзя было считать выборами: за полгода изменились и политическая ситуация, и настроения социальных групп, и расстановка сил, и, главное, смыслы программ и даже образов активных политических сил. Крестьяне почитали эсеров как защитников сельской общины во время столыпинской реформы и как борцов за передел земли, и знали они об эсерах от вернувшихся солдат (и дезертиров). Но в октябре эсеры раскололись и разошлись на разные партии, а верхушка эсеров заморозила их старую программу. Разве можно было назвать Керенского социалистом? А и его, и Петлюру выбрали в Учредительное собрание как социалистов. Конфликт на выборах был *между социалистами*, между двумя революционными партиями, пути которых разошлись. Это осознали в больших городах и в армии, но в сознании крестьян еще сохранялись старые образы.

Попытка найти компромисс в Учредительном собрании была рискованная, но были и шансы заключить пакт перемирия, имея за собой авторитет II Съезда Советов (ВЦИК предупредил, что попытки

присвоить себе функции государственной власти неприемлемы). Чтобы минимизировать риск столкновения, комиссары ВЦИК провели совещания в главных полках гарнизона Петрограда. Р. Пайпс в своей книге о русской революции «Финский пехотный полк принял резолюцию, отвергавшую лозунг “Вся власть Учредительному собранию” и гарантировавшую Собранию поддержку только в том случае, если оно будет тесно сотрудничать с Советами. Сходные резолюции приняли Волынский и Литовский полки» [60].

Учредительное собрание начало свою работу 5 января 1918 г. в Таврическом дворце. Председателем собрания был избран эсер Чернов. Все встали и спели «Интернационал». Председатель ВЦИК Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил собранию принять ее, т. е. признать Советскую власть и ее важнейшие декреты.

Большинство Декларацию отвергло, большевики и левые эсеры покинули собрание. Собрание не имело кворума, в пятом часу утра начальник охраны анархист матрос Железняков предложил Чернову прекратить собрание, заявив: «Караул устал». Двери помещения заперли. На завтра ВЦИК принял декрет «О роспуске Учредительного собрания».

10 января 1918 г. собрался III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов как преемник Учредительного собрания. 13 января начал работу III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Эти съезды объединились, и таким образом возник единый высший орган власти. Съезд одобрил роспуск Учредительного собрания. Судя по воспоминаниям очевидцев, роспуск Учредительного собрания в тот момент не привлек большого внимания (он стал важной темой совсем недавно, во время перестройки).

Р. Пайпс в своей книге отдал очень большое место описанию разгону Учредительного собрания. В конце он выдал такую сентенцию: «Роспуск Учредительного собрания был встречен населением с поразительным безразличием... Массы почуяли, что после целого года хаоса они получили наконец “настоящую” власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но, парадоксальным образом, и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества — пресловутых

“гиен капитала” и “врагов народа”, презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков» [60].

Примирения не произошло, отказ правых эсеров от сотрудничества с Советской властью направил события в худший коридор. Признание эсерами Советской власти, по мнению В.И. Ленина, предотвратило бы гражданскую войну. Он писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая “война” не дошла бы даже ни до одного сражения» [61, с. 222].

Тот демарш, который устроили эсеры в Учредительном собрании, — это отказ от здравого смысла, типичная ошибка, о которых говорили Суханов, Пайпс и теперь Явлинский. После 25 октября подобные скандалы были неуместны, ситуация уже оставляла только одну дилемму — примирение или война. Петъ «Интернационал», а потом убегать к белочехам и Колчаку возмущало все стороны, которые готовились к смертному бою. Понятно, почему Колчак послал отряд «переловить эту керенщину» и расстрелять. Все эти странные социалисты со своими метаниями профанировали трагический порыв добровольцев Белой армии. Товарищи эсеры и меньшевики не понимали, что начинается...

Ленин в долгом споре с меньшевиками и эсерами о том, почему Временное правительство отвергло требование населения разрешить или хотя смягчить критические актуальные проблемы, сказал им: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием» [137]. Это — довод от здравого смысла, который определяет первый слой причин. Такая структура проблемы позволяет людям увидеть достаточную причину, чтобы выработать свою позицию, оставляя более глубокие причины в «черном ящике».

С.Н. Булгаков в своем трактате «На пиру богов», в котором он «моделировал» расстановку групп интеллигенции в революционной России, представил такой взгляд боевого Генерала: «Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной “конституционно-демократической” России. Нет, лучше уж большевики: style russe, сарынь на кичку! Да, из этого еще может толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться-б!» [62].

В действительности, как раз у господ кадетов не было такой хватки — потому что они шли наперекор здравому смыслу. Интенсивность «мертвой хватки» определяется не строгостью режима, а представлением о реальности и динамике главных систем. По сравнению с Царским правительством и Временным правительством советская власть отличалась быстрой адаптацией к *изменениям*. Можно предположить, что поколение советских руководителей выросло в кризисных условиях и получило большой опыт переходов «порядок — хаос — порядок». Этот опыт был получен в подполье, на каторге и в ссылке, в побегах и в эмиграции, а затем на Гражданской войне и в строительстве новых социальных форм и институтов.

Есть серия эпизодов, в которых представлены ситуации столкновения здравых смыслов разных групп. Вот пример такого конфликта и как он разрешался. Ленин принял доктрину развития промышленности в форме довольно длительного этапа *государственного капитализма*. Даже накануне Октября считали, что рабочий контроль на предприятиях будет действовать в форме совместного совещания предпринимателей и рабочих. Взяв власть при полном распаде и саботаже госаппарата, Советское правительство и помыслить не могло взвалить на себя функцию управления всей промышленностью. Основной капитал главных отраслей промышленности принадлежал иностранным банкам, и никто не мог предсказать последствий национализации такого капитала.

Ленин так объясняет свою доктрину на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.: «Что такое государственный капитализм при Советской власти? В настоящее время осуществлять государственный капитализм — значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который капиталистические классы проводили в жизнь... Всякий не сошедший

с ума человек и не забивший себе голову обрывками книжных истин должен был бы сказать, что государственный капитализм для нас спасение. Я сказал, что государственный капитализм был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое и обобществленное, а нам-то и не хватает как раз этого, нам грозит стихия мелкобуржуазного разгильдяйства, которая больше всего историей России и ее экономикой подготовлена и которая как раз этого шага, от которого зависит успех социализма, нам не дает сделать...

Левые коммунисты пишут: “Введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве, не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Оно грозит закрепощением рабочего класса...”. Это неправда; если бы это было так, наша русская революция в ее социалистических задачах, в ее социалистической сущности стояла бы у краха. Но это неправда. Это деклассированная мелкобуржуазная интеллигенция не понимает того, что для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда...

Когда нам говорят, что диктатура пролетариата признается на словах, а на деле пишутся фразы, это собственно показывает, что о диктатуре пролетариата не имеют понятия, ибо это вовсе не то только, чтобы свергнуть буржуазию или свергнуть помещиков, — это бывало во всех революциях, — наша диктатура пролетариата есть обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учета и контроля, пролетарской Советской власти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя... Я считаю, что это полезная задача, ибо она всех думающих, всех сознательных рабочих и крестьян заставит направить на это все свои главные силы. Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, мы расчистили дорогу, но не построили здания социализма...

Когда нам говорят, что введение трудовой дисциплины в связи с восстановлением руководителей-капиталистов есть будто бы угроза революции, я говорю: эти люди не поняли как раз социалистического характера нашей революции, они повторяют как раз то, что их легко

объединяет с мелкой буржуазией, которая боится дисциплины, организации, учета и контроля, как черт ладана.

Если они скажут: ведь вы тут предлагаете вводить к нам капиталистов, как руководителей, в число рабочих руководителей. — Да, они вводятся потому, что в деле практики организации у них есть знания, каких у нас нет. Сознательный рабочий никогда не побоится такого руководителя, потому что он знает, что Советская власть — его власть, что эта власть будет твердо стоять на его защите, потому что он знает, что хочет научиться практике организации» [59, с. 255-256, 260-262].

Но в промышленности события пошли не так, как задумывалось, начался процесс двух типов — *«стихийная»* и *«карательная»* национализация. Английский историк Э. Карр пишет о первых месяцах после Октября: «Большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку» [63, с. 449].

Чтобы в тот момент противостоять массовому требованию рабочих национализации предприятий, нужна была не только смелость, но и чувство меры — и близость к массам, совершающим ошибку. Ленин сдерживал порывы трудовых коллективов, но не доводя до конфликта, не обескураживая людей. Выступая в апреле 1918 г., Ленин сказал: «Всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских

книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано» [59 с. 258].

Государственный капитализм был отложен, стихийная национализация промышленности вошла в разумное русло, и политического конфликта не возникло, а позже Гражданская война заставила произвести общую национализацию. Более сложные конфликты возникли в переходе к НЭПу, но объяснения Ленина на основе здравого смысла позволили продержаться самый тяжелый 1921 год.

Во всех этапах революции, НЭПа и последующих изменений и программ можно увидеть конкретные примеры подхода к решениям на уровне здравого смысла.

Глава 10. Образ будущего в марксизме и у Ленина

Одна из функций политической власти и оппозиции — *предвидение будущего*. Эта функция многообразна — надо предвидеть *угрозы* и одновременно появление, часто неожиданное, новых возможностей укрепления и развития страны. Но едва ли не самой сложной задачей является создание *образа будущего*. Эта задача решается в политической борьбе с конкурентами, и легитимность существующей власти во многом определяется убедительностью и привлекательностью того образа, который власть предъявляет народу.

Образ будущего собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает *устойчивость* обществу в его развитии. Предвидение позволяет *проектировать будущее*, осуществляя *целеполагание*. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом. В то же время образ будущего создает саму возможность *движения* (изменения), задавая ему направление и цель.

Бурдые пишет: «Еретический бунт пользуется возможностью изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в [создание] его реальности. Вернее, он противопоставляет *парадоксальное предвидение*, утопию, проект, программу обыденному видению, которое воспринимает социальный мир как естественный мир. Будучи *перформативным* высказыванием, политическое предвидение есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. Оно практически вовлечено в [создание] реальности того, о чем оно возвещает, тем, что сообщает о нем, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести» [46].

Способность *предвидеть* будущее, то есть строить его образ в сознании, — свойство разумного человека. Прежде чем сделать шаг, человек представляет себе его последствия, строит в сознании образ будущего — в данном случае *ближайшего*. Если этот шаг порождает цепную реакцию последствий (как переход через Рубикон), временной диапазон предвидения увеличивается. Если человек мыслит о времени

в категориях смены формаций и вселенской пролетарской революции, то его диапазон предвидения отдалается до горизонта истории — той линии, где кончается *этот* мир (мир предыстории). Во всех случаях производится одна и та же мыслительная операция — создание образа будущего. Инструменты для нее вырабатываются, начиная с возникновения человека.

Немецкий социолог Р. Михельс писал: «Мы можем рассматривать в качестве установленного исторического закона, что расы, законодательные системы, институты и социальные классы с неизбежностью обречены на разрушение с того момента, когда они или те, кто их представляет, утратили веру в будущее». Т. Гарр добавляет суждение социологов: «Версия этого утверждения, предлагаемая Лассуэллом и Капланом, состоит в том, что политическая стабильность зависит от интенсивности убежденности как элиты, так и масс в правильности политических доктрин, которые поддерживают элиту» (см. [142]).

Для создания образа будущего необходим поток идей особого типа — *откровения* (т. е. *открытие будущего*). Иначе создание таких текстов называют *апокалиптикой*. Выработка таких текстов и их распространение оформились в древности. Так, сивиллы, которые действовали под коллективными псевдонимами прорицательницы, были важным институтом Малой Азии, Египта и античного мира в течение 12 веков. Они оставили целую литературу — *oracular sibillina* — 15 книг. Апокалиптика и поныне является столь важной частью общественной жизни, что, по выражению немецкого философа, «апокалиптическая схема висит над историей».

Эта работа ума и чувства оформилась в древности. В истории была эпоха *пророков*. Это выдающиеся деятели, сочетавшие в своих речах религиозное, художественное и рациональное сознание. Их деятельность закладывала основы мировых религий. Пророки, «слышащие глас Божий», отталкиваясь от реальности, объясняли судьбы народов и человечества. Они приобретали такой авторитет, что их прорицания задавали матрицу для строительства культуры, политических систем и нравственных норм. Эпохи пророков можно уподобить периодам научных революций, приводящих к смене парадигм.

Уже в древней апокалиптике возникают, помимо пророчества, формы абстрактного, обезличенного и не привязанного к конкретно-исторической обстановке знания. Их тексты были востребованы, поскольку служили людям средством ободрения, особенно в обстоятельствах кризиса. Прогнозы включали в себя множество сведений из самых разных областей, что придавало им энциклопедический характер. Литература такого рода — необходимый ресурс революций, войн, реформ.

С точки зрения научной рациональности, сама постановка задачи такого предвидения является ложной: из многообразия исторической реальности берется ничтожная часть сигналов, строится абстрактная модель, в которую закладываются эти предельно обедненные сведения — и на этом основании предсказывается образ будущей реальности. Источник истины здесь принимает форму *Призрака*, который не может отвечать на вопросы, но помогает их ставить. Так, для Маркса был важен образ Отца Гамлета — как методологический инструмент. Образом *Призрака Коммунизма*, бродящего по Европе, он начинает свой «Манифест». Но истину надо добывать, следя и за Призраком, и за людьми. *Пророчество* как способ построения образа будущего было и в Новое время. Такова была роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком.

Однако эти «откровения», стоящие на зыбком фундаменте, востребованы во все времена, потому что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом — люди прилагают усилия и даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути. Поэтому прогнозы и имеют *повышенный шанс сбыться*, хотя изменчивость условий и многообразие интересов множества людей, казалось бы, должны были разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. М. Вебер, вовсе не противопоставляя знанию веру, пишет, что, хотя «не идеи непосредственно определяют действия человека», они «очень часто, словно стрелки, определяют пути». Образ будущего задает народу «стрелу времени» и включает народ в *историю*. Он соединяет *прошрое, настоящее и будущее*, скрепляет *цепь времен*. Это показал опыт — от древности до наших дней.

Чтобы «откровение» стало движущей силой общественных процессов, оно должно включать в образ будущего *свет надежды*.

Светлое будущее возможно! Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ *хилиазм* — идея тысячелетнего *царства добра*. Он может быть религиозным, философским, национальным, социальным. Это идея прогресса, выраженная в символической форме.

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. Более ста лет умами владел хилиазм Маркса с его «прыжком из царства необходимости в царство свободы» — после победы мессии-пролетариата. По словам С.Н. Булгакова (1910), хилиазм «есть живой нерв истории — историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном» [56].

В создании образа будущего надежда на избавление сопровождается *эсхатологическими* мотивами. К Царству добра ведет трудный путь борьбы и лишений, гонения и поражения. Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее. Эсхатологическое восприятие времени, которое предполагает избавление в виде катастрофы, разрыва непрерывности, порождало и установку «чем хуже, тем лучше», и множество историй с ожиданиями «конца света» и желанием приблизить его. Но как норма — именно принятие страданий как оправданных будущим избавлением. В революционной лирике этот мотив всегда был очень силен. В. Брюсов, поэт-символист, любимец крупной русской буржуазии (вступивший в партию большевиков), писал:

Братья бездомные, пьяные братья,
В шуме, дыму кабака!
Ваши ругательства, ваши проклятья —
Крик, уходящий в века.

Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сияньи небес.
(1901)

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.
(1920)

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражения, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.
(1921)

Культура России пережила почти вековой подъем апокалиптики, замечательно выраженной в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Достоевского, Толстого и Горького, в поэтической форме песен и романсов, стихов великих поэтов: Блок, Есенин, Маяковский.

Русская революция была взлетом философской и художественной апокалиптики. Исследователь русского космизма С.Г. Семенова пишет: «Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями... Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов... воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катаклизм, начало “онтологического” переворота, призванного пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот — катастрофический перерыв старого мира, выход “в новое небо и новую землю”, было всеобщим» [140].

Корнями апокалиптика русской революции уходит в иное мировоззрение, нежели хорошо разработанная иудейская апокалиптика (и производные от нее пророчества Маркса). В образе будущего русской революции (в ее крестьянской ветви, соединившейся с

«пролетарской» в начале XX века) приглушен мотив разрушения «мира зла» для строительства *Царства добра на руинах*. Вспомним «Интернационал» на прекрасные стихи Эжена Потье (1871):

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...
Кто был ничем, тот станет всем.

Этот гимн был принят во всем мире, но невысказанная русская мечта была о *нахождении* утраченного на время града Китежа, об очищении добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина» (богатыми). Таковы были общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, социальные и евразийские «откровения» А. Блока, крестьянские образы будущего земного рая у Есенина и Клюева, поэтические образы Маяковского («через четыре года здесь будет город-сад»). Проективное знание власти в первую половину XX века развивалось в интенсивных дискуссиях. Стоит заметить, что этой русской апокалиптике с удивительной страстью противостоял прогрессизм классического марксизма.

Становление программы Ленина — поучительная война альтернативных «образов будущего». Ему пришлось спорить с пророком, которому внимало большинство интеллигенции Запада и России в предчувствии катастрофического преобразования жизнеустройства. Всякая новая государственность зарождается как политический (и «еретический») бунт. Образ советской власти вырабатывался в полемике с буржуазно-либеральным проектом и социал-демократами Интернационала.

Первое большое столкновение произошло по вопросу о том, может ли в России победить социалистическая революция без предварительной революции пролетариата западных промышленных стран. Речь шла об одной из центральных догм марксизма. Она была столь важна для всей конструкции учения Маркса, что он считал «преждевременную» революцию в России, выходящую за рамки буржуазно-демократической, явлением *реакционным*.

Уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность социалистической революции, совершенной угнетенными народами в «отставших» западных странах. Они писали:

«Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как “всемирно-историческое” существование» [66].

Отсюда вывод, что, согласно учению марксизма, коммунистическая революция в России была невозможна по таким причинам:

- русские не входили в число «господствующих народов»;
- Россия не включилась в «универсальное развитие производительной силы» (то есть в единую систему западного капитализма);
- русский пролетариат еще не существовал «во всемирно-историческом смысле», а продолжал быть частью общинного крестьянского космоса;
- господствующие народы еще не произвели пролетарской революции «сразу», одновременно.

Ни одно из условий, сформулированных Марксом и Энгельсом как необходимые, в России не выполнялось. Более того, развивая свою теорию пролетарской революции, Маркс много раз подчеркивал постулат глобализации капитализма, согласно которому капитализм должен реализовать свой потенциал во всемирном масштабе — так, чтобы весь мир стал бы подобием одной нации. Он пишет в «Капитале»: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [16, с. 594].

Но Ленин мыслил рационально — изучал историю и актуальную реальность, а из этого выводил наиболее вероятные тенденции. И так, еще в августе 1915 г. он высказал такой вывод: «Неравномерность

экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран» [67].

Этот вывод был, по выражению П. Бурдье, «еретическим бунтом» против марксизма и либерализма.

Тезис Ленина о возможности победы социализма в одной стране не был туманным пророчеством. Он вытекал из *знания* реального развития капитализма не как равномерного распространения во всемирном масштабе, а как неравновесной системы центр — периферия. Из него вытекало, что русским трудящимся нет смысла ждать революции «господствующих народов», поскольку они совместно со своей буржуазией эксплуатируют пролетариат периферии. И Ленин осознанно утверждал, что Россия станет социалистической без всемирной пролетарской революции.

Накануне 1917 года Ленин в Цюрихе написал важный труд «Империализм как высшая стадия капитализма». Он сделал стратегический вывод для всех политических сил России, которые в этот момент втягивались в революционное столкновение. Из этого прямо вытекало, что уже с начала XX века в рамках капиталистической системы «центр — периферия» возможность индустриализации и модернизации для тех стран, которые не попали в состав метрополии, была утрачена. Их уделом стала *слаборазвитость*. Единственной возможностью обеспечить условия для своего экономического и социального развития для таких стран в тот момент могла дать только большая (по сути дела именно *мировая*) антикапиталистическая революция. «Народный доход Англии приблизительно удвоился с 1865 по 1898 г., а доход “от заграницы” за это время вырос *в девять раз*» [68, с. 403]. То есть в цикл расширенного воспроизводства экономики Запада непрерывно *впрыскиваются* огромные средства извне.

Поток ресурсов с периферии делает рабочий класс промышленно развитых стран Запада *не революционным классом* (строго говоря, и не пролетариатом). Значит, догма марксизма, что лишь мировая

пролетарская революция может освободить народы от капиталистической эксплуатации, ошибочна. Ленин приводит письмо Энгельса Марксу (7 октября 1858 г.): «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» (см. [68, с. 405]). А 12 сентября 1882 г. Энгельс пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Из этого прямо следовало, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер. Английские рабочие эксплуатировали Индию, а русские рабочие и вся их деревенская родня были сами объектом эксплуатации со стороны западного капитала. И без революции вырваться из этого тупика оказалось невозможно — до революции были испробованы все щадящие проекты.

Поразительно то, что в массе крестьян этот образ мироустройства будущего периода сложился из обыденного опыта и обсуждений и обрывков идей революционеров (в основном ссыльных) и учителей. А оформилась картина будущего во время войны в армии, которая стала форумом 11 млн человек. То, что Ленин написал об империализме в 1916 г., в 1917 г. стало крестьянам установкой.

В России уже было много грамотных крестьян и рабочих, а также много студентов и интеллигентов, которые пересказывали представления западных интеллектуалов их образа современного капитализма. Этот образ для большинства населения России был неприемлем — по очень важным признакам. Так, крестьяне в общине не боялись иметь детей, ибо те, подрастая, получали доступ к земле, пусть в бедности. Чаянов заметил о крестьянской семье на Западе: «Немало демографических исследований европейских ученых отмечало факт зависимости рождаемости и смертности от материальных условий существования и ясно выраженный

пониженный прирост в малообеспеченных слоях населения. С другой стороны, известно также, что во Франции практическое мальтузианство наиболее развито в зажиточных крестьянских кругах» [18, с. 225].

Например, виднейший представитель европейского интеллектуального слоя конца XIX века, один из основоположников позитивизма Эрнест Ренан высказал такую установку: «Обширная колонизация есть абсолютная политическая необходимость первого порядка. Нация, которая не завладевает колониями, неотвратимо скатывается к социализму, к войне бедных и богатых. Поэтому нет ничего удивительного в том, что высшая раса завоевывает страну низшей расы и ею управляет» [158].

И вот эпизод в деревне. М.М. Пришвин, либерал и помещик, знаток деревни, 15 мая (!) 1917 г. пишет большое письмо своему другу, писателю П.С. Романову. Он излагает в письме свои первые наблюдения о главных установках крестьянства. Звучат поистине трагические ноты — налицо полное расхождение крестьян с либеральной программой Февральской революции. Приведу здесь выдержку из дневника:

«Расскажу вам, как это вышло. Однажды приходит ко мне депутат от сельского схода и спрашивает моего совета, как быть с нашим священником: второй раз в обходе помянул “Николая Кровавого”.

Священника этого я знаю... — тридцать лет на одном и том же месте поминал благоверного, как тут не ошибиться!.. Приходим на сход, погорланили, поспорили и остановились на том, чтобы священнику сделать проверку, пусть он отслужит через неделю в воскресенье молебен на лугу, и все уполномоченные от деревень молебен прослушают...

Около этого времени подъезжаю и вижу — несут на выгон хоругви, как красные знамена, с надписью: “Да здравствует свободная Россия! Долой помещ.”. И так на всех знаменах одинаково: помещики сокращенно с точкой и через “е”. Батюшка, старый человек, выходит из церкви ни жив, ни мертв, начинает молебен слабым голосом. Уполномоченные впиваются в него глазами, вслушиваются... Мало-помалу батюшка справляется с собой, служба его увлекает, голос крепнет, он забывается и вдруг “Побе-еды, Благоверному

императору... — ах! — державе Российской... Побе-еды...” Опять и на поверочном молебне! Гул, ропот, смех — жалко, противно, глупо...

Чтобы предупредить безобразие неминуемое, беру я первое слово — и уж как наболело у меня на душе, по всей правде режу им, что Россия погибнет, и мы теперь точим друг на друга ножи. В ужасе от моих слов бабы, слышатся встревоженные голоса: “Научите, что делать?”. Тогда выходит солдат и говорит: “Слушайте меня, я научу вас, что делать”. И вот тогда сразу тишина наступает, и все готовы отдаться солдату.

“Этот помещик вас пугает!” — “У меня шестнадцать десятин”. — “Все равно: он вас пугает. Снимите у него рабочего, и он не будет вас пугать, пусть пашет”. — “Я брошу дело общественное и буду пахать сам”. — “На его место мы поставим солдата, а он пусть пашет. Только, товарищи, верьте мне, есть в Америке плуги нефтяные, и эти плуги пахут в час шестнадцать десятин, этого плуга ему не давайте, отбирайте, пусть пашет сохой”. — “Известно, сохой!” — твердят мужики.

Сразу видно, что настроение всех в пользу солдата...

“Товарищи, — кричит, — не доверяйте интеллигентным, людям образованным. Пусть он и не помещик, а земля ему не нужна: он вас своим образованием кругом обведет!” — “Известно, обведет!”...

И потом он долго рассказывал, как хорошо солдаты братаются на фронте с немцами. И так удивительно мне наблюдать, что эти мужики, эти партизаны 1812 г., слушают солдата почти с умилением, и доверие к нему растет с каждой минутой. Вы понимаете, что это же люди, которые три года отдавали своих сыновей на борьбу с немцем! В городе это от головы, но деревня неграмотная! С изумлением я слушал часовую речь при восторженном одобрении толпы. Нет ни одного голоса, как в городе, кто сказал бы за борьбу с немцем.

“Товарищи, — продолжал оратор, — земной шар создан для борьбы!” — “Конечно, для борьбы”. — “Помните, что не Германия нам враг, а первый нам враг Англия”.

Тогда я на минутку схватил голос и говорю в том духе, что если уж так хочется мириться с немцами всем, то пусть, но зачем же нам создавать еще нового врага Англию?

“Зачем? А вот зачем, товарищи. В подчинении у Англии есть страна Индия, которая еще больше России, и вот если мы против

Англии будем, то с нами будет Индия”.

Опять удивительное наблюдение: эта Индия, о которой здесь никто никогда не слыхал, понятна всем. Скажи я: “Индия!” — никто не поверит в нее. А вот говорит солдат — и все верят в Индию...”» [69].

В одной из последних работ, 6 января 1923 г., Ленин пишет: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [70].

Эти последние и уже откровенные работы, видимо, вызывали в ЦК трудные споры. Эта статья («О кооперации») была написана 6 января 1923 г., а впервые она была напечатана 26 мая 1923 г.

Предметом предвидения здесь был стратегический вопрос национальной повестки дня России-СССР. Позиции стали радикальными, Троцкий писал в работе «Наша революция» (1922 г.): «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» (см. [71]).

Большинство в России (и уже в СССР) поверило Ленину, а не Троцкому.

Следующее основание, по которому российские либералы и социал-демократы отвергали советский проект, был прогноз Маркса о том, каким будет тот уравнительный «казарменный коммунизм», если произойдет не пролетарская, а рабоче-крестьянская («народная») революция. Маркс так представлял «преждевременный» коммунизм, который возникает «без наличия развитого движения частной собственности», как это и было в России в начале XX в.:

«Коммунизм в его первой форме... имеет двойкий вид: во-первых, господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, *на началах частной собственности*, не могут обладать все; ...категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей...

Всеобщая и конституирующая как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общиной* как всеобщим капиталистом... Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности» [72].

Эта футуралистическая конструкция укрепила антисоветские убеждения меньшевиков в 1917-1921 гг. и интеллектуальной команды Горбачева и Ельцина в конце 80 — начале 90-х гг. XX в. Советский коммунизм был объявлен выражением зависти и жажды нивелирования, он якобы отрицал личность человека и весь мир культуры и цивилизации, он возвращал нас к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не дорос еще до частной собственности.

Советская власть уже на первом этапе успешно выполнила едва ли не главную задачу государства — задачу *целеполагания*, собирания общества на основе понятной цели объединяющего образа будущего. Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, в то же время признал, что его партия «была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство

взаимного доверия... Это было единственно возможное в России идейно сплоченное правительство» [73].

Другой узел противоречий относительно образа будущего России был связан с выбором цивилизационной траектории. Это было продолжение того же раскола, который разделил большевиков и меньшевиков после революции 1905 года. Речь шла об отношении к крестьянству и их требованию национализации земли. За этим расколом стояли разные представления о модернизации — или с опорой на структуры традиционного общества, или через культурную революцию как демонтаж этих структур. Представления крестьян о благой жизни (образ царства справедливости) были подробно изложены крестьянами в годы революции 1905-1907 гг., и перед социал-демократами стоял вопрос: принять их или следовать установкам марксизма.

Пришвин так представлял *откровение* и записал в дневнике 14 декабря 1918 г.: «Это небывалое обнажение дна социального моря. Сердце болит о царе, а глотка орет за комиссара». А Ключев писал в 1917 г.:

Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь...

Уму — республика, а сердцу — Китеж-град.

Взятый Лениным курс на *союз рабочего класса и крестьянства* был встречен в штыки не только ортодоксальными марксистами (как, например, Г.В. Плеханов), но и частью интеллигенции, близкой к большевикам. Действительно, принятие большевиками главных требований крестьян (национализация земли) и идеи Советской государственности, идущей от опыта общинного самоуправления, означали важный отход от марксизма и от установки на усиление *классовой* структуры общества.

Ленин после Октябрьского восстания в Петрограде сделал заявление, напечатанное в Известиях ВЦИК 8 ноября 1917 г.: «Советы крестьянских депутатов, в первую голову уездные, затем губернские являются отныне и впредь до Учредительного собрания полномочными органами государственной власти на местах... Все распоряжения волостных земельных комитетов, принятые с согласия

уездных Советов крестьянских депутатов, являются *законами* и должны быть безусловно и немедленно проведены в жизнь...

Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самим брать всю власть на местах в свои руки» [138].

По сути, фракционная борьба в советском политическом руководстве отражала расхождения в вопросе о выборе цивилизационного пути, который даже после победы в гражданской войне не был «снят». Та борьба, которую «классовики» вели в годы НЭПа против лозунга «лицом к деревне» или в Пролеткульте, продолжала конфликт, вызванный Апрельскими тезисами. Противоречия были связаны с выбором цивилизационной траектории (хотя эти термины не использовались). Это было сутью раскола, который сначала разделил большевиков и меньшевиков, а затем оппозиции в партии большевиков (был период, когда крестьяне разделяли «большевиков и коммунистов»).

Речь шла об отношении к крестьянству, за которым стояли разные представления о модернизации — или с опорой на структуры традиционного общества, или через демонтаж этих структур. Представления крестьян о благой жизни (образ чаемого царства справедливости) были подробно изложены крестьянами в годы революции 1905-1907 гг., и перед социал-демократами стоял вопрос — принять их или следовать установкам марксизма.

Примечательно резкое неприятие Н.И. Бухариным поэтических образов будущего у Блока и Есенина. Бухарин верно определяет несовместимость с антропологией марксизма прозрения Блока. Так же верно оценил Бухарин несовместимость марксистской апокалиптики «производительных сил и производственных отношений» с есенинским образом светлого будущего — где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где «дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой». По словам Бухарина, «этот социализм прямо враждебен пролетарскому социализму». Именно представления о мироощущении подавляющего большинства людей России в тот период, а не социальная теория породили русскую революцию и предопределили ее характер. Ленин, когда решил сменить название партии с РСДРП(б) на РКП(б), понял, что революцию занесло не туда, куда предполагали социал-демократы —

она не то чтобы «проскочила» социал-демократию, она пошла по своему, иному пути.

В этом и есть суть развода коммунистов с социал-демократами в России: массы сочли, что могут не проходить через страдания капитализма, а другим путем обойти капитализм в пострыночную жизнь. Идея народников (пусть обновленная) победила в большевизме, как ни старался Ленин следовать за Марксом. В принципе, опыт СССР показал, что миновать «кавдинские ущелья капитализма» было возможно, но сейчас нас пытаются вернуть на «столбовую дорогу».

Велик соблазн!

Глава 11. Ленин: образ народного хозяйства

Одним из важнейших «срезов» жизнеустройства народа является *хозяйство*. В нем сочетаются все элементы культуры — представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной деятельности, технологические знания и умения. Создание образа народного хозяйства — большая тема. Здесь мы кратко ее изложим в свете этого раздела, но все же он потребует больше объема, чем у других.

Для нас важен разрыв в представлениях российских марксистов (прежде всего Ленина) об образе будущего народного хозяйства России, из которого вытекали важнейшие выводы для выбора политических исторических выборов. Именно тип народного хозяйства в огромной степени предопределяет социальные формы всего жизнеустройства. Вспомним, что Ленин в 1899 г. написал книгу «Развитие капитализма в России», где он громил народников, как воинственный марксист, а опыт 1902-1907 гг. (крестьянские восстания и революция) представил ему образ и России, и Запада, и главные устои экономики этих двух цивилизаций (культур).

Народное хозяйство Российской империи и первые этапы советского хозяйства: сложности теории

Придя в России к власти и начав грандиозный советский проект, партия большевиков пыталась использовать в качестве официальной идеологии марксистскую *политэкономия* — учение, объясняющее совершенно иной тип общества и хозяйства и заведомо не дающее ответа на вызов времени. Это несоответствие маскировалось бедствиями и перегрузками, которые заставляли действовать просто с позиций здравого смысла в очень узком коридоре возможностей.

Когда Рикардо и Смит заложили основы политэкономии, она с самого начала создавалась и развивалась ими как наука о *хрематистике*, наука о том хозяйстве, цель которого — доход (в западных языках политэкономия и хрематистика являются синонимами). Поскольку политэкономия не изучала и не претендует на изучение *экономики*, то есть того типа экономической деятельности, который существовал в СССР. Термин «политэкономия социализма», строго говоря, смысла не имеет.

Американский экономист и историк экономики И. Кристол вводит определенное разграничение (1981): «Экономическая теория занимается поведением людей на рынке. Не существует некапиталистической экономической теории... Для того, чтобы существовала экономическая теория, необходим рынок, точно так же, как для научной теории в физике должен существовать мир, в котором порядок создается силами действия и противодействия, а не мир, в котором физические явления разумно управляются Богом» (см. [74, с. 11-12]).

Политэкономия — область знания, претендовавшая быть естественной наукой, начиная с Адама Смита, начала изучать экономические явления вне морального контекста. То есть политэкономия изучала то, что есть, подходила к объекту независимо от понятий добра и зла. Она не претендовала на то, чтобы говорить, что есть добро, что есть зло в экономике, она только старалась выявить объективные законы, подобные законам естественных наук. Отрицалась даже принадлежность политэкономии к «социальным наукам».

Очевидно, однако, что политэкономия изначально была тесно связана с идеологией (в «Археологии знания» М. Фуко берет политэкономия как пример знания, в которое идеология вплетена неразрывно). В то же время, политэкономия — наука не экспериментальная, она основывается на постулатах и моделях. Поскольку она связана с идеологией, неизбежно сокрытие части исходных постулатов и моделей.¹⁴

После Октябрьской революции стал складываться особый тип хозяйства, присущего традиционным обществам, каким еще была Российская империя. Западная экономическая теория принципиально не изучала хозяйства таких типов, однако многое можно было бы

понять, внимательно читая Маркса. Он прекрасно показал в «Капитале», что происходит при вторжении рыночной экономики в *натуральное* хозяйство. Например, он подчеркнул, что внедрение монетаризма в любое *некапиталистическое* хозяйство приводило к катастрофе: «Внезапный переход от кредитной системы к монетарной присоединяет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непроницаемой тайной своих собственных отношений» [75].

Маркс пишет о том, как это происходило во Франции: «Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги». Он приводит слова видных деятелей Франции того времени: «Деньги сделались всеобщим палачом»; «деньги объявляют войну всему роду человеческому»; финансы — это «перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок», и т. п. Многие страны спаслись только тем, что смогли защититься от монетаризма с помощью государства (например, сохранив натуральные налоги и взаимозачеты) [16, с. 152].

На первом этапе советского строя решения стабилизации хозяйства опирались на опыт и здравый смысл, а также на описание подобных кризисов у Маркса. Разработка и объяснения этих решений легли на Ленина. Тогда, обобществив средства производства, Советская Россия смогла ввести «*бесплатные*» деньги, ликвидировать ссудный процент, укротить монетаризм, одновременно оживив производство и торговлю (НЭП). Тогда еще не было времени для теоретических дискуссий.

Как пишет Маркс в «Капитале», римское право безусловно запрещало обращаться с деньгами как с товаром. Там действовала юридическая догма: «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Катон Старший писал: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо». Из этого можно понять, насколько ростовщика в Риме считали худшим гражданином, чем вора. В советском хозяйстве деньги товаром не были и не продавались.

Напротив, капитализм не может существовать без финансового капитала, без превращения денег в товар и товар в деньги.

В начале пути догмы политэкономии и реальное хозяйство не пересекались. Стали быстро восстанавливаться традиционные («естественные», по выражению М. Вебера) взгляды на хозяйство и производственные отношения. Главными укладами становились трудовая крестьянская семья и вертикальная кооперация на селе (изученные А.В. Чаяновым), малые предприятия традиционного капитализма (НЭП в городе), первые крупные предприятия социалистического типа в промышленности.

Проблема ученых и политиков была в том, что уже в древности разделились цели и формы хозяйства. Аристотель разделял хозяйство на два типа: один тип — *экономия*, что означает «ведение дома» (экоса), производство и торговля ради обеспечения жизни материальными благами; другой тип — *хрематистика*, хозяйство, нацеленное на получение дохода. Эти типы различают так же, как натуральное хозяйство и рыночную экономику.

Из истории и опыта было известно, что совместная хозяйственная деятельность людей может быть организована без купли-продажи товаров и обмена стоимостями — эти институты в современной форме *рыночной экономики* вообще возникли очень недавно. Как возникло само понятие рыночная экономика? Ведь рынок продуктов возник вместе с первым разделением труда и существует сегодня в некапиталистических и даже примитивных обществах. Рыночная экономика возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром: *деньги, земля и человек* (рабочая сила).¹⁵ Это — глубокий переворот в типе рациональности, в метафизике и даже религии, а отнюдь не только экономике.

Первые советские экономисты пытались связать экономическую теорию с энергетическими представлениями. В 1920-1921 гг. среди них велись дискуссии о введении неденежной меры трудовых затрат.

С. Струмилин предлагал ввести условную единицу «*тред*» (трудова́я единица). В противовес этому развивалась идея использования как меры стоимости энергетических затрат в калориях или в условных энергетических единицах «*энедах*».

О непригодности категорий политэкономии для верного описания советского, явно не капиталистического, хозяйства предупреждал А.В. Чаянов. Он писал: «Обобщения, которые делают современные авторы современных политэкономических теорий, порождают лишь фикцию и затемняют понимание сущности некапиталистических формирований как прошлой, так и современной экономической жизни» [18, с. 396]. Достаточно сказать, что фундаментальным фактором рыночной экономики, даже при монополистическом капитализме, является *конкуренция*. Напротив, в советском хозяйстве плановая деятельность была направлена на «отключение» конкуренции для обеспечения концентрации ресурсов на главных участках хозяйственного развития.

Метод Ленина соединять научные факты и логику с опытом и здравым смыслом как специалистов, так и трудящихся очень помог в начатых дебатах — даже и после его смерти. Теоретическая проблема адекватности политэкономии процессу становления новых экономических институтов и норм стала актуальной сразу после Гражданской войны. О том, насколько непросто было заставить мыслить советских экономистов в понятиях трудовой теории стоимости, говорит тот факт, что первый учебник политэкономии удалось подготовить после двадцати лет дискуссий, лишь в 1954 г.! К. Островитянов писал в 1958 г.: «Трудно назвать другую экономическую проблему, которая вызывала бы столько разногласий и различных точек зрения, как проблема товарного производства и действия закона стоимости при социализме».

С начала 1930-х гг. экономисты начали «сдаваться» — занялись разработкой политэкономии социализма. Однако вплоть до 1941 г., как пишет А. Пашков, «советские экономисты упорно твердили: наш товар — не товар, наши деньги — не деньги» (а после 1941 и до 1945 г., видимо, не до того было). В январе 1941 г. при участии Сталина в ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение макета учебника по политэкономии. А. Пашков отмечает «проходившее красной нитью через весь макет отрицание закона стоимости при социализме, толкование товарно-денежных отношений только как внешней формы, лишенной материального содержания, как простого орудия учета труда и калькуляции затрат предприятия» (см. [76]).

Сталин, видимо, интуитивно чувствовал неадекватность трудовой теории стоимости тому, что реально происходило в хозяйстве СССР.

Он сопротивлялся жесткому наложению этой теории на хозяйственную реальность, но сопротивлялся неявно и нерешительно, не имея для самого себя окончательного ответа. В феврале 1952 г., после обсуждения нового макета учебника (оно состоялось в ноябре 1951 г.), Сталин встретился с группой экономистов и давал пояснения по своим замечаниям. Он сказал, в частности: «Товары — это то, что свободно продается и покупается, как, например, хлеб, мясо и т. д. Наши средства производства нельзя, по существу, рассматривать как товары... К области товарооборота относятся у нас предметы потребления, а не средства производства».

В неявном виде, дав в «Экономических проблемах социализма в СССР» определение Аристотеля для двух разных типов хозяйства — экономики и хрематистики, Сталин предупредил о непригодности трудовой теории стоимости для объяснения советского хозяйственного космоса в целом. Но советская экономическая наука начиная с конца 50-х гг. стала пользоваться языком хрематистики, что в конце концов привело к ее гибридизации с неолиберализмом. Как только после смерти Сталина в официальную догму была возведена «политэкономия социализма» с трудовой теорией стоимости, в обществе стало распространяться мнение, что и в СССР работники производят прибавочную стоимость и являются объектом *эксплуатации*. Результат известен.

Возвращаясь к первому этапу, когда Ленин сформулировал важные признаки образа будущего хозяйства, удивляет, что воспитанный в марксизме Ленин, став во главе правительства, смог быстро проникнуться мышлением и чувством *экономии* в смысле Аристотеля. И в царской России, и в разные периоды СССР имелись оба эти типа хозяйства, в разных масштабах и формах. Хрематистика не смогла занять господствующего положения в Российской империи, а в зрелом СССР она была сильно подавлена и частично ушла в «теневую экономику».¹⁶

Когда читаешь документы Ленина 1918-1922 гг. об «очередных задачах», о гидроторфе или обводнении нефтяных скважин Баку, видишь хозяина дома (и образ страны), воспринимающего бытие семьи или населения во всей его материальной фактуре. В этих его выступлениях не было и следа хрематистики и трудовой теории стоимости.

Маркс отмечал кардинальное отличие в использовании техники капиталистическим хозяйством общества от хозяйства некапиталистического (на примере экономии античной древности). Он говорит о некапиталистическом укладе (в экономии): «Единственной руководящей точкой зрения здесь является сбережение труда для самого работника, а не сбережение цены труда». Маркс приводит стихотворение Антипатера, современника Цицерона, посвященное изобретению водяных мельниц [78, с. 583.].

Поэт радостно обращается к работницам:

Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом кружат глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой.

В главах «Капитала» VIII и XIII («Рабочий день» и «Машины») Маркс показывает, что в условиях капитализма введение машин приводит к *интенсификации труда* и стремлению хозяина *удлинить рабочий день*, и противодействие этому оказывает лишь сопротивление рабочих. Да и Адам Смит видел смысл разделения труда лишь в том, чтобы рабочий производил больше продукта — ему и в голову не приходило, что улучшение техники и организации может быть использовано для сокращения рабочего дня при том же количестве выработанного продукта.

А вот как Ленин в статье «Одна из великих побед техники» излагает выгоды предложенного Рамзаем способа подземной газификации угля, почти словами поэта Антипатера из Тесалоники:

«При социализме применение способа Рамсея, “освобождая” труд миллионов горнорабочих, позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. “Электрификация” всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит

превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы “домашних рабынь” от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне» [78].

Это был важный аспект образа будущего хозяйства. Это и показывает, что актуальная экономическая доктрина Октябрьской революции опиралась на синтез мировоззрения большинства российского общества с идеей развития *в обход капитализма*. Эта доктрина была принята и со временем получала все больше поддержки. Доводы Ленина и обыденное сознание большинства населения совместились.

В Докладе Совета народных комиссаров (13 января 1918 г.) Ленин сказал: «Если нам говорят, что большевики выдумали какую-то утопическую штуку, как введение социализма в России, что это вещь невозможная, то мы отвечаем на это: каким же образом сочувствие большинства рабочих, крестьян и солдат могло бы быть привлечено на сторону утопистов и фантазеров? Не потому ли большинство рабочих, крестьян и солдат стало на нашу сторону, что они увидели на собственном опыте результаты войны и то, что выхода из старого общества нет и что капиталисты со всеми чудесами техники и культуры вступили в истребительную войну, что люди дошли до озверения, одичания и голода. Вот что сделали капиталисты и вот почему возникает перед нами вопрос: либо гибнуть, либо ломать до конца это старое буржуазное общество» [53].

Академик С.Ф. Ольденбург подчеркивал в своей статье о Ленине (1926 г.) такое особое представление связи науки и техники с жизнеустройством трудящейся массы России: «Отдельный человек, особенно счастливо одаренный физически и умственно, может не считаться с тяжелыми заботами о хлебе насущном, но Ленин всегда отчетливо понимал, что не эти отдельные счастливцы создают жизненное течение, но широкие массы, а для них возможность разумной, действительно сознательной жизни обусловлена условиями материальной жизни. Наука и тесно связанная с нею техника, всецело от ее успехов зависящая, одни могут создать эти нормальные условия жизни». ¹⁷

Далее Ольденбург рассказывает о продолжительной беседе с Лениным о науке и ученых во время Гражданской войны: «Из этой беседы я коснусь только одного, имеющего непосредственное отношение к моей теме, — отношения Ленина к науке... “Имейте в виду, — говорил Владимир Ильич, — что теперь широкие массы, стряхнув с себя старую власть, взяли свою жизнь в собственные руки, они являются вершителями жизни, в которой и вам, представителям науки, принадлежит место. Но место это и вообще возможность работать будет зависеть от того, насколько значение науки будет понято массами, насколько они смогут на него посмотреть не как на праздничное времяпровождение, а как на тяжелый, необходимый и производительный труд. Мы, я и другие, конечно, понимаем значение науки, но сейчас не в нашем понимании дело, а в понимании этого значения массами”» [214].

Но на первом этапе в политических решениях доминировало кризисное мировоззрение трудящихся масс, а революционные проекты модернизации приходилось откладывать на следующий этап. Попытки «быстрого прогресса» были чреваты риском разрыва между властью и массой, причем радикальные проекты преобразований предлагали и власть, и масса. Но все старались найти приемлемую меру давления модернизации.

Так, получив после Октябрьской революции землю, крестьяне после столыпинской реформы повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. В 1927 г. в РСФСР 91 % крестьянских земель находился в общинном землепользовании. Революционная модернизация в форме коллективизации была возможна только после НЭПа, но она уже была предусмотрена в образе будущего.

Так, планы землепользования предполагали восстановить крупные помещичьи хозяйства в виде совхозов, но это встретило упорное сопротивление — крестьяне желали «уравнительного распределения», и в результате произошло уравнивание участков. Сеть современных хозяйств в форме совхозов и опытных научных учреждений быстро росла с начала 1930 гг. А между тем идея товариществ по совместной обработке земли обсуждалась крестьянами уже в XIX веке.

А.Н. Энгельгардт писал в десятом «Письме из деревни» (3 декабря 1880 г.): «Если бы крестьянские земли и обрабатывались, и

удобрялись сообща, не нивками, а сплошь всеми хозяевами вместе, как обрабатываются помещичьи земли, с дележом уже самого продукта, то урожаи хлебов у крестьян были бы не ниже, чем у помещиков. С этим согласны и сами крестьяне. Узкие нивки, обрабатываемые каждым хозяином отдельно, препятствуют и хорошей обработке, и правильному распределению навоза. При обработке земли сообща эти недостатки уничтожились бы и урожаи были бы еще лучше» [107, с. 367-368]. Энгельгардта внимательно читали и Маркс, и Ленин. Эта модернизация сельского хозяйства произошла в 1930-е гг.

Как уже говорилось, в промышленности тоже был выбран умеренный вариант, и ленинская концепция «государственного капитализма» была отложена. Переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (и проекты с крупным участием американского капитала) было вести преждевременно.

СНК принял решение о национализации всех важных отраслей промышленности, о чем и был издан декрет, где было сказано, что до того, как ВСНХ сможет наладить управление производством, национализированные предприятия передаются в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам. То есть, юридически закрепляя предприятия в собственности РСФСР, декрет не влек никаких практических последствий в экономической сфере. Он лишь в спешном порядке отвел угрозу германского вмешательства в хозяйство России.

В 1928 г. началась 1-я пятилетка, строительство *новых* промышленных предприятий, и Россия в форме СССР превратилась в промышленно-аграрную страну. Объем продукции промышленности СССР в 1940 г. превышал уровень 1913 года в 7,69 раза. Промышленность качественно изменилась, к концу 30-х годов сложился советский тип предприятия, образа которого еще не могли себе представить проектировщики 20-х годов. В ходе строительства создавалась не только новая технологическая база, но и новые социальные формы организации производства, трудового коллектива и даже всего жизнеустройства населенного пункта, в котором располагался завод.

Другой пример. В экономике существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда

(дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен, повинность, наем и т. д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия *складываются*, а не *обмениваются* — так, что все участники пользуются созданным сообща целым. К такому типу относится, например, *семейное* хозяйство. Этот тип хозяйства экономически эффективен (при достижении определенного класса целей) — замена его рыночными отношениями невозможна.

К этому же типу хозяйства относилось и советское плановое хозяйство. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений 1941-1945 гг. очень быстро восстановить хозяйство. В 1948 г. СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства — можно ли это представить себе в нынешней самобытной «капиталистической системе» РФ?

Но при этом плановое народное хозяйство обладало системой рыночной экономики — и государственной, и другими формами торговли. Утверждение, будто в 1980-е гг. в СССР начнется создание рыночной экономики, это нелепая идея манипуляторов. Еще Чаянов объяснял, что трудовое крестьянское хозяйство активно использует рыночные институты, в том числе в сфере капиталистического сектора, оставаясь *некапиталистическим* хозяйством.

Английский либеральный философ Дж. Грей пишет: «Рыночные институты вполне законно и неизбежно отличаются друг от друга в соответствии с различиями между национальными культурами тех народов, которые их практикуют. Единой или идеально-типической модели рыночных институтов не существует, а вместо этого есть разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определенной общности. В наши дни такой культурой является культура народа, или нации, или семьи подобных народов. Рыночные институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми народами, которым они навязаны» [90, с. 114].

Советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «города».¹⁸ Это переплетение, идущее от традиции

общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным.

Из политэкономии (и в версии Адама Смита, и в версии Маркса), возникшей как науки о рыночном хозяйстве, основанном на обмене, мы заучили, что *специализация* и *разделение* — источник эффективности. Это разумное умозаключение приобрело, к огромному нашему несчастью, характер идеологической догмы, и мы забыли о диалектике этой проблемы. А именно: *соединение* и *кооперация* — также источник эффективности. Какая комбинация наиболее выгодна, зависит от всей совокупности конкретных условий. В условиях России именно соединение и сотрудничество оказались принципиально эффективнее, нежели обмен и конкуренция.

Но для такой структуры хозяйства требовалось *общинное* мировоззрение. Обыденным выражением этого мировоззрения издавна служил девиз: «Один за всех, все за одного». Это представление было укоренено в культуре и коллективном подсознании массы крестьян и рабочих — к этому и обратился Ленин с этим призывом. На митинге 2 мая 1920 г. он сказал людям: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: “каждый за себя, один бог за всех”... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: “все за одного и один за всех”» [79].

Такой призыв несовместим с языком политэкономии капитализма. Ленин прекрасно знал мировоззрение и западной буржуазии, и русского населения. А сегодня нам уже надо вспомнить Вебера, который изучал русскую революцию. Он писал об индивидуализме: «Эта отъединенность является одним из корней того лишенного каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, который мы наблюдаем по сей день в “национальном характере” и в институтах народов с пуританским прошлым, столь отличных от того совершенно иного видения мира и человека, которое было характерным для эпохи Просвещения.

Примером может служить хотя бы поразительно часто повторяющееся, прежде всего в английской пуританской литературе, предостережение не полагаться ни на помощь людей, ни на их дружбу. Даже кроткий Бакстер призывает к глубокому недоверию по отношению к самому близкому другу, а Бейли прямо советует никому

не доверять и никому не сообщать ничего компрометирующего о себе: доверять следует одному Богу» [80, с. 144].

Капитализм как альтернатива народному хозяйству России в 1917

2.

До 1917 г. Ленин проделал огромный труд изучения методом сравнения экономики западного капитализма (становление и современность) и экономики зависимых и периферийных обществ и стран.

Тогда надежными источниками для Ленина были тексты Маркса («Капитал» и др.), потому что он прекрасно представил образ капитализма на материале Англии и почти каждый тезис сопровождал описанием аналогичных структур некапиталистических экономик (колоний и периферийных стран). Кроме того, на Западе сформировалась большая литература о капитализме на этапе империализма (конец XIX и начало XX в.). Также быстро разрасталась и российская литература. Этот труд был актуальным для России и тогда, и актуален сегодня. Сейчас нам проще, т. к. за последние 50-70 лет ученые нам представили нужную литературу прекрасного качества.

Поскольку в 1917 г. возник глубокий конфликт в момент исторического выбора: пойдет Россия по пути капитализма (Февральская революция) или «обойдет» его (Октябрьская революция), вспомним сначала рождение и образ капитализма.

Сначала о раннем капитализме. Ф. Бродель писал о Средиземноморье конца XVI в.: «Особенность средиземноморских обществ: несмотря на их продвинутость, они остаются рабовладельческими как на востоке, так и на западе... Рабовладение было одной из реалий средиземноморского общества с его беспощадностью к бедным... В первой половине XVI века в Сицилии или Неаполе раба можно было купить в среднем за тридцать дукатов; после 1550 года цена удваивается» [81]. В Лиссабоне в 1633 г. при

общей численности населения около 100 тыс. человек только черных рабов насчитывалось более 15 тысяч [82].

Но и в зрелом капитализме в народном хозяйстве западных стран большую роль играло *рабство*. Вот данные за 1803 г.: В 1790 г. в английской Вест-Индии на 1 свободного приходилось 10 рабов, во французской — 14, в голландской — 23. Маркс пишет в «Капитале»: «Ливерпуль вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления... В 1730 г. Ливерпуль использовал для торговли рабами 15 кораблей, в 1751 г. — 53 корабля, в 1760 г. — 74, в 1770 г. — 96 и в 1792 г. — 132 корабля. Хлопчатобумажная промышленность, введя в Англии рабство детей, в то же время дала толчок к превращению рабского хозяйства Соединенных Штатов, раньше более или менее патриархального, в коммерческую систему эксплуатации. Вообще для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента рабство *sans phrase* [без оговорок] в Новом свете» [16, с. 769].

Становление капитализма на Западе не было медленным «естественным» процессом. Это был результат череды огромных революций, в ходе которых возникло уникальное сочетание обстоятельств, позволившее распространить на Западную Европу экономический уклад, сложившийся у некоторых народов Северо-Запада (голландцев и англичан, а до этого фризов).

Фризы — этническая общность, ветвь саксов — жили в районе устья Рейна. Они расселились на маршах — незатопляемых морскими приливами полосах земли шириной около 50 км. Жили они на хуторах или фермах на холмах (терпах). Плодородная почва и мягкий влажный климат позволяли вести интенсивное сельское хозяйство, а труднодоступная местность обеспечила фризам независимость. Уже в VI-VII вв. общинная собственность на землю у них превратилась в частную [83].

Это был народ фермеров, которые в то же время были торговцами и мореходами. В период упадка Рима одним из главных их товаров стали рабы, которых фризы скупали в бассейне Балтийского моря у варягов (сведения о фризах можно найти и в работе Энгельса «К истории древних германцев» [84]).

Л.А. Асланов пишет о фризах: «Каждый крестьянин был скотоводом, судовладельцем (это был единственный вид транспорта в

условиях маршей), судостроителем и купцом. Разнообразие видов деятельности... активно формирует сознание, которое закрепляется в культуре людей. Кроме того, эти виды деятельности затрагивали всех поголовно, т. е. это была народная культура. Таким образом, терпеновая, крайне индивидуалистическая культура стала тем корнем, из которого выросла североморская культура, воспринявшая от терпеновой крайний индивидуализм» [83, с. 87]. Вместе с англами и саксами фризцы участвовали в заселении Англии.

Английский историк и социолог З. Бауман пишет: «Именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла свое крестьянство, а вместе с ним разрушала и “естественную связь между землей, человеческими усилиями и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию “рабочей силы”, а саму эту силу — по праву считать потенциальным источником богатства» [85].

Когда эти культурные предпосылки соединились с новой центральной мировоззренческой матрицей, заданной протестантской Реформацией, капитализм стал мощным фактором этногенеза, быстро спланивающим «буржуазные нации» Запада. Вебер приводит высказывание известного протестантского проповедника Джона Уэсли: «Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали все, что можно, то есть стремились к богатству» [80, с. 200-201].

Фундамент народного хозяйства — *представление о человеке* (антропология). Западный капитализм был основан на концепции человека-атома (*ин-дивид* — на латыни означает «неделимый», то есть по-гречески *а-том*). Каждый человек является неделимой целостной частицей человечества, то есть разрываются все человеческие связи, в которые раньше он был включен. Происходит атомизация общества, его разделение на свободных индивидов.¹⁹

В традиционном обществе смысл понятия *индивид* широкой публике даже неизвестен, там человек в принципе не может быть атомом — он «делим». Так, в России (шире, в православии и в исламе) человек представляется как *соборная личность*, средоточие множества человеческих связей.²⁰

Из понятия *человека-атома* вытекало новое представление о частной собственности как естественном праве. Из неделимости индивида и вышло представление тела как собственности. До этого понятие «Я» включало в себя дух и тело как неразрывное целое. Собственность тела породила свободный контракт на рынке труда путем превращения рабочей силы в особый товар. Так возник миф о человеке экономическом — *homo economicus*, который создал рыночную экономику.

Американский антрополог Сахлинс пишет о необычной свободе «продавать себя»: «Полностью рыночная система — очень необычный тип общества, как и очень специфический период истории. Собственнический индивидуализм включает в себя странную идею (в ходе освобождения от феодальных отношений), что люди имеют в собственности свое тело, которое они имеют право и вынуждены использовать, продавая его тем, кто контролирует капитал... В этой ситуации каждый человек выступает по отношению к другому человеку как собственник. Фактически, все общество формируется через акты обмена, посредством которых каждый ищет максимально возможную выгоду за счет приобретения собственности другого за наименьшую цену» [86].

Разрушение общины традиционного общества капитализмом породило необычно жестокое отношение между людьми. Английский историк и философ Т. Карлейль писал (1843): «Поистине, с нашим евангелием маммоны мы пришли к странным выводам! Мы говорим об *обществе* и всё же проводим повсюду полнейшее разделение и обособление. Наша жизнь состоит не во взаимной поддержке, а, напротив, во взаимной вражде, выраженной в известных законах войны, именуемой “разумной конкуренцией” и т. п. Мы совершенно забыли, что чистоган не составляет единственной связи между человеком и человеком. “Мои голодающие рабочие? — говорит богатый фабрикант. — Разве я не нанял их на рынке, как это и полагается? Разве я не уплатил им до последней копейки договорной платы? Что же мне с ними еще делать?” Да, культ маммоны воистину печальная вера» (см. [87]).

Антрополог М. Сахлинс пишет: «Очевидно, что гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. Однако очевидно, что в сравнении с

исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством» [86].

У Гоббса «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Отказ от солидарности и взаимопомощи как основы совместной жизни у него является вполне осознанным: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними». Это — специфика культуры.

Но это — особая тема. Здесь нам важно, что гражданское общество породило государство, в основе которого лежал *расизм* — и этнический, и социальный. И объектом этого расизма были не только посторонние «дикари», но и свои неимущие, что вызывало ответный расизм с их стороны. Пролетарии и буржуа стали двумя разными *расами*.

Об анализе этих отношений Марксом Леви-Стросс пишет: «Из него вытекает, во-первых, что колонизация предшествует капитализму исторически и логически и, далее, что капиталистический порядок заключается в обращении с народами Запада так же, как прежде Запад обращался с местным населением колоний. Для Маркса отношение между капиталистом и пролетарием есть не что иное, как частный случай отношений между колонизатором и колонизируемым» [88].

Пока капиталистические страны Запада не наладили массовую эксплуатацию колоний, их буржуазия силой изымала средства из простонародья. Вот справка: «В Англии устойчивое снижение уровня жизни наблюдалось в течение двух длительных периодов — в 1610-1630 гг. и в 1750-1820 гг., пройдя через которые реальная заработная плата наконец утратила тенденцию к длительному падению» [15, с. 314].

Основа «социального контракта» буржуазного общества — большая кровь. Читаем в фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах:

«Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата — собственности и капиталу. Демократическое государство — исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. Начиная с революции 1848 г. устанавливается правительство страха: те, кто не имеет ничего, кроме себя самих, как говорил Локк, не имеют представительства в демократии. Поэтому гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию, а политическое право — собственностью. Поэтому такая демократия означает, что существует угрожающая «народу» масса рабочих, которым нечего терять, но которые могут завоевать все. Означает, что в гражданском обществе, вернее, вне его, существует внутренний враг. Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством» [89].

Ленин цитирует английского экономиста Дж.А. Гобсона: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». А затем Ленин приводит высказывание идеолога и практика колониальных захватов С. Родса: «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Эту проблему Запад успешно решил — его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными [68, с. 400].

Именно поэтому революция в России была *отрицанием капитализма*.

Именно освобождение от оков общинных отношений любого типа создало важнейшую предпосылку капитализма на Западе — *пролетария*. Это не просто неимущие, а люди, лишенные корней. В России рабочий никогда не был пролетарием. До 1917 г. рабочий класс еще сохранял общинное мышление крестьянина (иногда был даже членом артели, берущей в подряд целый цех). Индустриализация в СССР также основывалась на общинных началах и породила совершенно особый социальный тип — трудовой коллектив, связывающий людей очень многими связями.

Надо сказать, что после Октябрьской революции и на Западе стали сомневаться в категориях и догмах буржуазной политэкономии.

Английский экономист Дж.М. Кейнс разрабатывал совершенно иную модель капиталистической экономики. Ленин в своем докладе на II Конгрессе Коминтерна (1920 г.) посвятил работам Кейнса и его книге «Экономические последствия мира», о которой Ленин сказал: «Он пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа... Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие» [165].

Кейнс отрицал методологический индивидуализм — главную опору классической политэкономии. Он считал атомистическую концепцию (индивидуализма) неприменимой к экономике, где действуют «органические общности» — а они не втискиваются в принципы детерминизма и редукционизма. Более того, Кейнс даже отрицал статус политэкономии как естественной науки, на котором так настаивали его предшественники начиная с Адама Смита. Он писал: «Экономика, которую правильнее было бы называть политической экономией, составляет часть этики». Кейнс относился к тому типу ученых, которых называли реалистами — видел мир таким, каков он есть, с его сложностями, не сводя к упрощенным абстракциям (типа человека-атома, индивидуума) [74, с. 89-92].

Дж. Кейнс, работавший в 20-е гг. в России, писал о СССР как элитарный интеллигент и буржуа, но его наблюдения для нас полезны: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса... Временами ощущается, что именно здесь — несмотря на бедность, глупость и притеснения — Лаборатория Жизни. Именно здесь различные химические элементы связываются в новые комбинации, здесь же они издают неприятный запах и даже взрываются. Но кое-что в случае удачного исхода может и состояться. Более того, подобный исход всего происходящего в России значимее того, что происходит (как нам говорят) в Соединенных Штатах Америки» [98].

Что касается рынка, надо послушать самих либералов. Видный современный философ либерализма Джон Грей пишет: «В матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества

культурные традиции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией. Такие культурные традиции исторически чрезвычайно разнообразны: в англосаксонских культурах они преимущественно индивидуалистические, в Восточной Азии — коллективистские или ориентированные на нормы большой семьи и так далее. Идея какой-то особой или универсальной связи между успешно функционирующими рыночными институтами и индивидуалистической культурной традицией является историческим мифом, элементом фольклора, созданного неоконсерваторами, прежде всего американскими, а не результатом сколько-нибудь тщательного исторического или социологического исследования» [90, с. 113-114.].

Царская Россия и СССР: траектория развития сохранилась

Народное хозяйство — часть национальной культуры. Его становление во многом определялось еще религиозной картиной мира и производной от нее антропологической модели. Критической точкой расхождения Руси с Западной Европой был раскол христианской церкви (схизма). В 1054 г. римский папа Лев IX и константинопольский патриарх Кируларий предали друг друга анафеме. Расхождение двух больших цивилизаций началось раньше — разделением в IV в. на Западную и Восточную Римские империи. Наследницей Восточной, Византийской, империи и считала себя Россия (в духовно-религиозном смысле Москва была даже названа «Третьим Римом»). Еще в XVIII в. все восточноевропейские народы обозначались понятием «скифы», пока историк Гердер не позаимствовал у варваров древности имя «славяне».

Чаянов в своем труде «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства» (1924) показывает, что капиталистическое хозяйство в политэкономическом смысле генетически родственно рабовладельческому хозяйству Древнего Рима. Напротив, крепостное русское хозяйство имеет совершенно иную природу. Оброчное хозяйство организовано в обычной для трудового крестьянского

хозяйства форме, хотя и отдает владельцу определенную часть произведенной стоимости как *крепостную ренту*. Чаянов подчеркивает: «Хозяйство крепостного оброчного крестьянина ни в чем не отличается по своей внутренней частнохозяйственной структуре от обычной и уже известной формы семейного трудового хозяйства» [18, с. 131]. Барщина отличалась от оброка тем, что крепостную ренту крестьянин платил своим трудом на поле помещика в течение определенного времени, но при этом организатором помещичьего хозяйства не являлся и за результаты хозяйствования ответственности не нес.

Мы мало знали о роли монархического государства России в народном хозяйстве. Было непросто понять смысл такого суждения Вебера об историческом фоне революционного процесса в России: «Власть в течение столетий и в последнее время делала все возможное, чтобы еще больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлежит суверенному распоряжению государственной власти,... было глубоко укоренено исторически еще в Московском государстве, точно так же, как и община» (см. [91]).

Кустарев поясняет это суждение: «Негативное отношение власти и ее подданных к частной собственности не было привнесено в русское общество большевиками, на чем так упорно настаивали и сами большевики, и антикоммунистическое обыденное сознание, имеющее очень хорошо оформленную “академическую” ипостась. Можно думать, что эта особенность есть типологический определитель “русской системы”, а не свидетельство ее “формационной” или “цивилизационной” отсталости» [92].

Исторически в ходе собирания земель в процессе превращения «удельной Руси в Московскую» шел обратный процесс — упразднение зачатков частной собственности. Некоторые историки именно в этом видят главный результат опричнины Ивана Грозного: владение землей стало государственной платой за обязательную службу. Современный историк Р. Пайпс пишет: «Введение обязательной службы для всех землевладельцев означало... упразднение частной собственности на землю. Это произошло как раз в то время, когда Западная Европа двигалась в противоположном направлении. После опричнины частная

собственность на землю больше не играла в Московской Руси сколько-нибудь значительной роли» (см. [93]).

Соответственно, с этими процессами изменялись уклады и структуры хозяйства, нормы и институты. Ряд объективных факторов определяли условия хозяйства России, и государство должно было к ним приспособиться. Важным фактором были размеры пространства территории и возможности транспорта, второй фактор — разнообразие климатических зон и ландшафтов. Третий фактор — сложная структура национальных и этнических общностей. Все это делало народное хозяйство многоукладным, с большим разнообразием признаков.

В такой системе государственная власть была вынуждена стать абсолютистской, а с другой стороны, должна была делегировать многие функции управления на места. Гражданское общество западного типа возникнуть не могло — все социальные группы и ассоциации становились «огосударствленными». Пример: казаки, которые организовались из тех, кто бежал от власти на окраины, стали важной государственной силой.

Государство в Российской империи, а потом и СССР имело важную особенность формирования правящего сословия или персонала. Костяк этой общности во время реформ Петра I составило дворянство, которое к началу XVIII в. насчитывало около 30 тыс. человек. В отличие от Запада, оно было Петром «открыто снизу» — в него автоматически включались все, достигшие по службе определенного чина. Уже в начале 1720-х гг. имели недворянское происхождение до 30 % офицеров, а в конце XIX в. 50-60 %. Так же обстояло дело и с чиновничеством — в конце XIX в. недворянское происхождение имели 70%.

Служилый слой России был, по сравнению с Западом, немногочисленным — дворяне и классные чиновники вместе с членами семей составляли 1,5 % населения. Хотя и в царское, и в советское время нашим западникам удалось внедрить в массовое сознание миф о колоссальной по масштабам российской бюрократии (всегда уходя от прямых сравнений с Западом), реальность прямо противоположна этому мифу. На «душу населения» в России во все времена приходилось в 5-8 раз меньше чиновников, чем в любой европейской стране. О США и говорить нечего — в начале XX века в

Российской империи было 161 тыс. чиновников (с канцеляристами 385 тыс.), а в США в 1900 г. было 1275 тыс. чиновников, при населении в 1,5 раз меньшем [94].

Это значит, что во многих слоях населения были многочисленные группы, которые осознавали себя *государственными людьми*.

Государство Российской империи было монархическим, общество — сословным, и большинство населения и социокультурных групп переросли это государство и общественные отношения — произошли революции. Но многие условия и функции остались, для них искали новые формы. Проектирование и создание новых форм и структур были творческой деятельностью, но опыт показал, что в прежнем жизнеустройстве были найдены и развивались ценные знания, навыки, принципы и образы.

Сейчас, в периоде обострения интереса к отечественной и мировой истории, можно сказать, что русская революция сумела предотвратить разрыв непрерывности нашей культуры, в том числе культуры знания и государственного управления. Авангардизм был введен в рамки разумной меры.

Вот примеры.

Со времен народников вплоть до коллективизации важной была тема общины. Историк экономики России Н.П. Дроздова пишет: «Общинная форма собственности в том, как она сложилась в России, является аналогом государственной формы собственности на микроуровне. Она повторяет и воспроизводит ее основные черты. Община — микромодель государства, возникшего в ходе общественного договора. Функционирование общины соответствовало логике первоначального общественного договора, что вполне объяснимо, так как внутренняя жизнь общины практически не регулировалась никакими законами сверху, а подчинялась действию обычного права. С точки зрения контрактной теории, это была рационально построенная система... Община была наделена властью устанавливать и перераспределять права собственности. Установление прав собственности шло в интересах членов общины...

Устойчивость общины можно объяснить рядом факторов. С одной стороны, ее существование удовлетворяло фискальные потребности государства и минимизировало его затраты на сбор налогов и охрану прав собственности членов общины. С другой стороны, обеспечивало

потребности членов общины в состоянии земельных наделов и их охрану... Такая структура прав собственности была более эффективной, нежели при крепостном праве» [95].

Военно-политические проблемы уже рано потребовали создать государственный военно-промышленный комплекс, а народное хозяйство стало *мобилизационным*. Даже в мирное время Московское царство держало в войске 8 % всего мужского населения. В период Петра I на военные нужды расходовались около $\frac{3}{4}$ государственного бюджета. Для поддержания мобилизационного потенциала требовалась *государственная экономика* — не только военного характера, но и для защиты внутреннего рынка в условиях экспансии западного капитала, а также для освоения природных ресурсов.

Большую роль в этих функциях играли *государственные монополии*. Они и в докапиталистический период преобладали в экономике [15, с. 347-352]. Историк К.Ф. Шацлло объяснял, как действовали казенные заводы: «Совершенно ясно, что в крупнейшей промышленности, на таких казенных заводах, как Обуховский, Балтийский, Адмиралтейский, Ижорский, заводах военного ведомства, горных заводах Урала капитализмом не пахло, не было абсолютно ни одного элемента, который свойствен политэкономии капитализма. Что такое цена, на заводах не знали; что такое прибыль — не знали, что такое себестоимость, амортизация и т. д. и т. п. — не знали. А что было? Был административно-командный метод» [96].

Каков был характер собственности в промышленности? «До 1861 г. все неказенные промышленные предприятия, исключая вотчинные, функционировали на посессионном праве... Условность посессионного землевладения переходила и на объекты, располагавшиеся на этой земле, поэтому условием владения и пользования имуществом становилось жесткое регламентирование хозяйственной деятельности. В результате настоящим хозяином промышленных объектов была Мануфактур-коллегия, а позже ряд других государственных ведомств. Они давали разрешение на открытие предприятий, осуществляли контроль за их деятельностью, могли использовать секвестр и конфискацию. Фактически государство рассматривало объекты промышленности как имущество казны. Путем посессионного владения государственный сектор расширял свои границы, включая в них даже объекты, не являвшиеся казенной

собственностью и исключая возможность возникновения “вечной” и независимой от государства собственности. С 1861 г. впервые законодательно проводится деление промышленных заведений на казенные и частные» [95, с. 697-698].²¹

Вот конкретные изменения. С начала 1890-х годов государство практически полностью взяло на себя расходы по строительству ЖД. Доля казны в финансировании эксплуатации частных дорог составляла в 1873 г. 63,8 %, в 1883 г. 90,2 %, в 1893 г. 80,4 %. Частные дороги выкупались в казну, и их доля снизилась с 93 % в 1883 г. до 32 % в 1913 г. Российские ЖД были огромной системой современного промышленного типа.

Зависимость от иностранного капитала осложнила развитие промышленности. В 1899 г. лопнула Петербургская биржа, и произошел трехлетний сбой в деятельности производства. За 1900-1903 г. остановили производство до 3 тысяч крупных и средних предприятий.

Потребность в крупномасштабном народнохозяйственном планировании в России еще до революции осознавалась и государством, и промышленниками. В 1907 г. Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план* строительства и развития железных дорог. Деловые круги «горячо приветствовали этот почин». В 1909-1912 гг. работала Межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных путей сообщения Российской Империи. Она применяла при разработке плановых документов широкий комплексный подход. В качестве главного критерия Комиссия приняла «внутренние потребности государства».

За основу перспективных пятилетних планов развития бралась не система электрификации, а *система путей сообщения*. Была разработана программа на 1911-1915 гг., а затем пятилетний план капитальных работ на 1912-1916 гг. [97]. Реализации этих «первых пятилеток» помешала I Мировая война, однако изначально большие ограничения накладывались отношениями собственности в хозяйстве Российской империи.

Эти представления и практика управленцев экономических ведомств царского правительства позволили Советскому

правительству начать проектировать хозяйственные планы, смягчая травмы преобразования.

Советское правительство в качестве объекта системообразующей программы восстановления развития народного хозяйства выбрало *энергетику*, и прежде всего *электрификацию*. Уже в декабре 1917 г. состоялись беседы с энергетиками и было начато строительство Шатурской ГРЭС. В январе 1918 г. была поручена разработка проекта Волховской ГЭС, посланы специалисты для выбора стройплощадки Каширской ГРЭС. Работы велись и в ходе Гражданской войны. Была создана комиссия ГОЭЛРО (18 человек), которая за год подготовила книгу «План электрификации России». План, который сформулировал задания по важнейшим видам промышленной продукции на 10-15 лет, был утвержден в декабре 1921 г. Он был перевыполнен по объему производства электроэнергии на 50% через 12 лет.

Согласно промышленной переписи на 31 августа 1918 г., было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разрушено во время Гражданской войны и потом восстановлено уже Советским государством. Но уже за годы первой и второй пятилеток и часть третьей пятилетки до начала войны было *построено* 9 тыс. крупных предприятий — государственных.

С самого начала 1918 г. Ленин работал над *образом* будущего народного хозяйства не как экономист, а как проектировщик системы с сильными кооперативными эффектами. Как уже говорилось, Ленин мыслил в категориях постклассической *науки становления*, видел народное хозяйство как большую систему с изменениями как неравновесные состояния. Это придало его соратникам высокую способность к «обучению у реальности» и отказу от догм. Он ввел в проективное мышление представление общественного процесса как перехода «*порядок — хаос — порядок*». Поэтому в период преобразований, с их высокой неопределенностью, ключевые решения руководства партии большевиков были «прозорливыми», даже и после 1922 г., когда Ленин отошел от дел.

Ленин выработал навыки *визуализации* предмета обдумывания и строил в сознании образы больших систем, он видел их в связи и в динамике. Поэтому он мог кратко и доходчиво объяснить сложные проблемы. Сейчас многие специалисты «не чувствуют» таких систем

и, нередко бывает, такие целостности, как *экономика* и *кризис*. Говорят об элементах систем: кто о нефти, кто о курсе валют, кто о ценах. При таком разделении трудно увидеть контекст, связи системы с множеством факторов среды.

Продолжая цивилизационную траекторию исторической России, СССР нашел и сконструировал много оригинальных форм и структур, это был всплеск творчества. Нелинейная парадигма Октябрьской революции генерировала множество инноваций нового типа.

Серьезно на Западе начали изучать советскую хозяйственную систему не сразу. Американский антрополог Дж. Дальтон пишет, что до 1930 г. в США изучали экономику русских лишь с целью обосновать тезис о том, что замена рыночной системы на плановую неминуемо приведет к катастрофе. Но затем, по словам Дальтона, ее стали изучать всерьез, обучаясь методам государственного регулирования [99].

Приведем красноречивую выдержку из недавней статьи, великоватую, но стоит прочесть. Видный российский эксперт по проблеме военных расходов В.В. Шлыков пишет на основании заявлений руководства ЦРУ США (2001): «Только на решение сравнительно узкой задачи — определение реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте (ВНП) — США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд долларов (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн долларов в год...

Один из руководителей влиятельного Американского предпринимательского института Н. Эберштадт заявил на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 г., что “попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области”» [100].

В.В. Шлыков объясняет, как над этой проблемой работало ЦРУ в 1960-1975 гг.: «Методологически получение величины советских военных расходов осуществлялось ЦРУ как бы наоборот — сначала в долларах, затем в рублях. Ввиду нерыночного характера экономики СССР какие-либо реальные цены на советскую военную продукцию ЦРУ получить, естественно, не могло (их не было в природе). Поэтому оно синтезировало эти цены путем выражения в долларах стоимости

разработки или производства в США того или иного образца вооружения с аналогичными тактико-техническими характеристиками. Затем уже эти цены в долларах переводились в рубли по паритету покупательной способности валют, также определявшемуся ЦРУ».

Согласно полученным оценкам ЦРУ считало, что доля советских военных расходов в ВВП постоянно снижалась. Так, если в начале 50-х гг. СССР тратил на военные цели 15 % ВВП, в 1960 г. — 10 %, а в 1975 г. всего 6 %. Из этой истории следует, что советское хозяйство было сложным явлением, трудно поддающимся анализу с методологией западной экономической науки. В.В. Шлыков так объяснил, почему ЦРУ не могло, даже затратив миллиарды долларов, установить реальную величину советского ВПК:

«За пределами внимания американского аналитического сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная “мертвая зона”, не увидев и не изучив которую невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой “мертвой зоне” оказалась уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20 — начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая “невидимая рука рынка” Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате Первой мировой и Гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность... Начавшаяся в конце 20-х гг. индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной Армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государственные “казенные” заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой),

производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Основные усилия советского руководства в эти [30-е] гг. направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т. д.) как основы развертывания военного производства в случае войны...

Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение...

Именно созданная в 30-х гг. система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны...

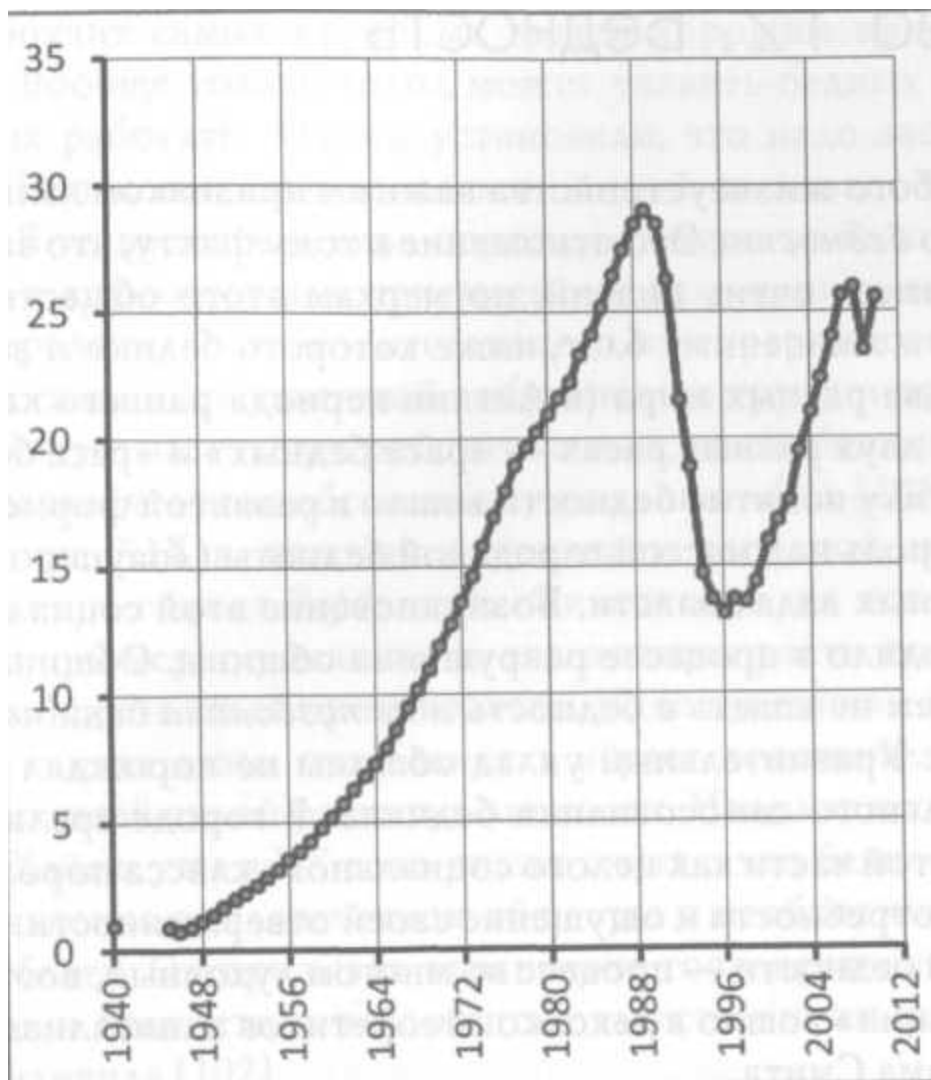
После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 1930-е гг., основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом,

электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения...

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности» [100].

После войны страна вступила в новый этап индустриального развития, и в 1980 г. объем промышленного производства был в 161,5 раза больше, чем в 1913 г., а в 1990 г. — в 199,6 раза. Надо подчеркнуть, что в 1990-е гг. приватизации подверглись не те предприятия, которые были национализированы в 1918-1920 гг. То, что сохранилось после 7 лет войны (1914-1921 гг.) и было национализировано, составляло около трети промышленного потенциала 1913 г., который и сам производил 0,5 % от объема производства промышленности СССР 1990 года. После 1991 г. была приватизирована промышленность, *созданная полностью советским народом* — в основном, поколениями, родившимися после 1920 г. Большого числа отраслей просто не существовало в 1913 г. Многие наши граждане под идеологическим давлением перестройки и реформы это как будто забыли.

Индексы промышленного производства СССР и СНГ, 1940

Глава 12. Бедность

Для любого жизнеустройства важным признаком является представление о *бедности*. Это отношение к тому факту, что часть членов общества имеет очень низкий, по меркам этого общества, уровень доступности жизненных благ, ниже которого бедные и зажиточные образуют два разных мира (в Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах — «расе бедных» и «расе богатых»).

В политику понятие бедности вошло в развитой форме в Древнем Риме. Контроль над массой городской бедноты («пауперов») был одной из важных задач власти. Возникновение этой социальной группы происходило в процессе разрушения общины. Община помогала своим членам не впасть в бедность и *не позволяла* бедному человеку опуститься. Уравнительный уклад общины не порождал в человеке разрушительного самосознания бедняка. В городе зрелище образа жизни богатой части как целого социального класса порождало неутоленные потребности и ощущение своей отверженности. Возникновение такой бедности процесс во многом духовный, поэтому слово «пауперизация» вошло в лексикон теоретиков капитализма, уже начиная с Адама Смита.

Как писал Ф. Бродель об изменении отношения к бедным, «эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обрывают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы» [25, с. 92.].

Реформация неожиданно породила новое, неизвестное в традиционном обществе отношение к бедности как признаку отверженности («бедные неуютны Богу» — в отличие от православного взгляда «бедные близки к Господу»). Совершенно иными, чем прежде, стали отношения с бедными. Бедные со времени Кальвина, запретившего просить подаяние, стали на Западе источником страха и объектом ненависти.

Инструментом власти в буржуазном обществе стал *голод*. Когда в Англии в XVIII в. готовились новые *Законы о бедных*, философ и политик лорд Таунсенд писал: «Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод — это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности. Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению» (см. [101]).

В середине XIX в. важным основанием западной либеральной идеологии стал *социал-дарвинизм*. Он исходил из того, что бедность — закономерное явление и она должна расти по мере того, как растет общественное производство. Идеолог социал-дарвинизма Г. Спенсер считал даже, что бедность играет положительную роль, будучи движущей силой развития личности. Идеолог неолиберализма Ф. фон Хайек, уже в XX веке, также считал, что бедность — закономерное явление в человеческом обществе и необходима для общественного блага. Он призывал ограничить государственное участие в сокращении бедности и возложить ответственность за свою бедность на индивида [102].

В большой книге «Понимание бедности» (1993) Пит Элкок дает обзор развития этого социального явления и представлений о нем в классической стране либерализма — Великобритании, начиная с ранних стадий современного капитализма (с XIV в.). Он пишет: «Бедность в определенной степени создается или, по крайней мере, воссоздается, как результат социальной и экономической политики, которая разрабатывается для того, чтобы контролировать бедность и бедных... Большинство историков бедности в Британии описывают состояние бедности и политики по отношению к ней, начиная с периода постепенного вытеснения в XVII-XVIII вв. феодализма капитализмом — то есть с периода, когда зародилась современная экономика. В своей книге по истории бедности в Британии Новак (Novak, 1988) утверждает, что бедность появилась именно тогда. В то

время большинство людей было отделено от земли, превратилось в рабочих и, следовательно, потеряло контроль над средствами производства материальных благ и стало зависеть от заработков, приносимых наемным трудом» [103].

Эдкок признает, что капитализм *создает* бедность: «Работодатели стремятся поддерживать излишек рабочих, готовых и желающих быть нанятыми на работу по самой низкой цене. Политика государства по отношению к проблеме бедности всегда откровенно подчинялась таким требованиям и породила приоритеты, создавшие образы бедности и потребностей бедных».

Он пишет: «Закон о Бедных оказался самым значительным достижением, очертившим развитие политики по отношению к бедности вплоть до конца XIX века; политика эта строилась преимущественно на контроле и устрашении. Особенно отчетливо это можно наблюдать в случае с институтом работного или исправительного дома. Работные дома — это учреждения, куда могли послать бедняков и нищих, если они себя не обеспечивали...

Преобладающим убеждением было то, что бедность суть продукт взаимодействия лени и греха, и, следовательно, политика государства должна стремиться противостоять влиянию последних посредством поощрения самообеспечения и наказания зависимости. Не простым совпадением было и то, что это также усиливало трудовую дисциплину среди рабочих, нагоняя на них страх потерять работу и оказаться в бедности...

Реакция государства на бедность, выражающаяся в контроле над бедными и их дисциплинировании, создала модели как проблемы бедности, так и политики по отношению к ней. И то, как мы видим бедность сейчас, а также то, как мы меняем наше к ней отношение, во многом определено этим историческим наследием. Разделение на работающих и неработающих бедных, на достойных и недостойных бедных и в современной Британии складывается под влиянием этих представлений о бедности» [103].

А. Сен, исследователь бедности, удостоенный за свой труд «Политэкономия голода» Нобелевской премии по экономике, показывает, что бедность не связана с количеством товаров (шире — благ), а определяется *социально* обусловленными возможностями людей получить доступ к этим благам. В социальной реальности даже

богатейших стран Запада бедность является обязательным элементом («структурная бедность»).

Макс Вебер пишет: «Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась все более невозможной, чем рациональнее и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства» [80, с. 315].

В этом плане русская культура резко отличалась — исходя из влияния религиозного и традиционного влияния. В XIX в. российская интеллигенция сознательно отвергла социал-дарвинизм (как и мальтузианство). На Западе это было отмечено как важное культурное явление. В.В. Розанов заметил: «Ницше почтили потому, что он был немец, и притом — страдающий (болезнь). Но если бы *русский* и *от себя* заговорил бы в духе: “Падающего *еще толкни*”, — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать» [104].

Н. Бердяев писал о народнике Н. Михайловском: «Он обнаружил очень большую проницательность, когда обличал реакционный характер натурализма в социологии и восставал против применения дарвиновской идеи борьбы за существование к жизни общества... Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше» [33].

Различия между хозяйством традиционного общества и капитализма фундаментальны уже из-за несхожести их антропологии — представления о человеке и его естественных правах. Ни в России, ни в СССР превращения человека в *атом* не произошло, поэтому и не возникло основы для восприятия частной собственности как естественного права.

Вот что писал Белинский Боткину в 1847 г. из Европы, куда он приехал впервые в жизни: «Только здесь я понял ужасное значение

слов *пауперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами... но нет бедности... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!»

Бедность — социальный продукт именно классового общества с развитыми отношениями собственности и рынка. Таким было общество рабовладельческое, а потом капиталистическое. В сословном обществе люди включены в общины разного рода, и бедность в них носит совсем иной характер, она обычно предстает в качестве общего бедствия, с которым и бороться надо сообща. Мы ее вообще мало знаем и маскируем ее сущность тем, что обозначаем словами из современного языка.

Понятно, что по типу бедности и отношению к ней советский строй жизни резко отличался от либерального общества Запада. Отрицание уравниловки есть не что иное, как придание бедности законного характера.

И философские основания советского строя, и лежащая в их основе антропология, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, и русская православная философия, и наши традиционные культурные установки исходили из совершенно другой установки: бедность есть порождение несправедливости и потому она — зло. Таков был официально декларированный принцип и таков был важный стереотип общественного сознания. В этом официальная советская идеология и стихийное мироощущение людей полностью совпадали.

Надо особо подчеркнуть, что понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, сам советский строй — порождение этого взгляда на бедность. Прочитайте раздел о бедности из старого дореволюционного российского юридического учебника [105]!

Вот из него короткая выдержка: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие... Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной

общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы. Бесчисленное количество поколений создавало эту атмосферу; все нынешнее общество в целом поддерживает и развивает ее, и нет возможности выделить и определить ту долю в этой общей работе, которая совершается каждой отдельной единицей... Другими словами, за каждым должно быть признано то, что называется правом на существование.

Признание права на существование окажет, без сомнения, огромное влияние и на всю область экономических отношений».

В старой России «Домострой» учил: «И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай». В северных деревнях дома даже имели специальные приспособления в виде желоба. Нищий стучал клюкой в стену, подставлял мешок, и по желобу ему сбрасывали еду. Устройство находилось на тыльной стороне дома, вдали от окон — «чтобы бедный не стыдился, а богатый не гордился» (см. [106]).

Модернизация лишь придала этому порядку слабый европейский оттенок. Инерция имперского патернализма была устойчива. Так, Александр I в указе 1809 г. повелел бродяг отправлять по месту жительства, для них «безо всякого стеснения и огорчения». А недавно историки опубликовали такие документы: Николай I регулярно выдавал деньги всем действительно нуждающимся семьям казненных и сосланных декабристов. При этом он скупое считал, прибавлял, убавлял. Все это делалось в границе государственной тайны, которая хранилась всеми причастными к ней лицами под строжайшим контролем. Сложные чувства, которые возникли бы в обществе, узнай оно об этих неудобных делах, были исключены этой цензурой.

В периоды недорода множество крестьян ходили «в куски» — просили хлеба. Нормы этого института и его ритуалы прекрасно описал А.Н. Энгельгард в книге «Письма из деревни» в 1980-е гг. Эту книгу надо было бы прочитать сегодня [107]. Эти крестьяне — не нищие, они просили помощи у своих братьев, зная, что в какой-то момент они помогут своим братьям.

Вторжение капитализма наглядно показали нормы этой формации в России. Вот что говорил историк В.В. Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.: «К концу XIX века масштабы неурожаев и голодных бедствий в России возросли... В 1872-1873 и 1891-1892 гг.

крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х гг. арендных цен на землю... — все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий» [108].

Эта этика бедности исчезает в нашей культуре только сейчас, на наших глазах.

Надо подчеркнуть, что даже наши либералы-западники, которые взялись в Февральской революции уговорить население принять проект построения капитализма, отвергали буржуазный индивидуализм и буржуазную жестокость. Вот как кратко сформулировал смысл капитализма С.Н. Булгаков в главе «Христианство и социализм» своей книги: «Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии; он есть служение маммоны... Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии» [109].

Почему все это здесь говорится? Потому, что в советское время нам не объясняли, что к осени 1917 г. в России возникло всеобщее взаимопонимание о том, что практически всем капитализм *не годился*. Он был несовместим ни с социальными интересами почти всего населения, ни с совестью большинства. Утопия небольшого меньшинства, которое надеялось ввести Россию в клуб стран метрополии мирового капитализма, была быстро рассеяна экспансией империализма капитала и I Мировой войны. А крестьяне, рабочие и интеллигенция за десять лет получили опыт существования в периферийном капитализме. Такого будущего не хотело большинство всех социокультурных общностей России, включая монархистов и даже значительную часть буржуазии. Элита не собиралась пускать

Россию на Запад, а собственный «православный капитализм» был невозможен.

Все эти факторы и условия Ленин изучил и обдумал на основе лучших источников, и, обращаясь к трудящимся и к политическим сообществам, ему не надо было долго объяснять ситуацию и тенденции — главное все уже поняли. Дело уже было в выборе на распутье. И выбор был известен.

Советская власть унаследовала глубокую застойную бедность огромной массы крестьянства, усугубленную разрухой Мировой и Гражданской войн. И практически сразу после Октября были начаты большие исследовательские, а затем и практические (в том числе чрезвычайные) программы искоренения бедности.

Первое обследование бюджета и быта семей рабочих было проведено по инициативе С.Г. Струмилина уже в мае-июне 1918 г. в Петрограде. Затем оно охватило 40 городов. Были получены важные результаты, а в 1920-1922 гг. работа по уточненной методике была проведена в самых разных регионах страны. В 1918 г. были сделаны и первые попытки рассчитать прожиточный минимум для установления обязательного минимального уровня заработной платы. Велись исследования фактического потребления и физиологических норм.

В декабре 1922 г. было проведено всесоюзное месячное бюджетное обследование рабочих и служащих. С 1923 по 1928 г. такие месячные обследования проводились в ноябре. Это был большой проект, в ходе которого было накоплено много данных и методический опыт.

Сейчас нам необходимо реконструировать ленинские представления бедности и его источники.

Глава 13. Мировоззрение: отношения экономики и природы

Протестантская Реформация и Научная революция произвели, благодаря их кооперативному эффекту, десакрализацию и дегуманизацию мира. В мышлении человека Запада аристотелевский Космос, в котором человек был связан невидимыми струнами с каждой частицей, разрушился. Перед человеком предстало бесконечное пространство и линейное время — и человек в нем потерялся.

Этот фактор был одним из ключевых во всех революциях, часто в глубине коллективного подсознательного. В разных культурах эти революции Западной Европы по-разному повлияли на развитие незападных народов и стран, но повлияли на всех — одни попав под железную пядь капитализма, другие с форсированными усилиями модернизировались, пытаясь сохранить главные устои своих культур.

Сам человек в его мироощущении в разной степени был выведен за пределы мира и вошел с ним в отношения субъект — объект. К. Лоренц уделяет много внимания «этой догме, столь фатальной для самопознания человеческого существа — догме, согласно которой человек находится вне природы» [17, с. 236]. Мир стал машиной, а природа, бывшая ранее Храмом, стала Первой Фабрикой.

Десакрализация природы в западной цивилизации сразу означала и десакрализацию труда, ибо труд есть, прежде всего, отношение человека к природе. В традиционном обществе труд народов, которые видели мироздание как Космос, имел *литургический* смысл. *Arare est orare! Пахать — значит молиться!* Подсознательно для них Природа обладала святостью.

А в мире, лишенном святости, стало возможным сделать несоизмеримые вещи соизмеримыми, а значит, заменить *ценности* их количественным суррогатом — *ценой*. Известен афоризм: Запад — это цивилизация, «которая знает цену всего и не знает ценности ничего» (еще сказано: «не может иметь святости то, что может иметь цену»). В буржуазном обществе возник человек, ставший «господином вещей» (господином природы).

И. Пригожин пишет: «Миром, перед которым не испытываешь благоговения, управлять гораздо легче. Любая наука, исходящая из представления о мире, действующем по единому теоретическому плану и низводящем неисчерпаемое богатство и разнообразие явлений природы к унылому однообразию приложений общих законов, тем самым становится инструментом доминирования, а человек, чуждый окружающему его миру, выступает как хозяин этого мира» [161].

Ф. Энгельс в «Диалектике природы» так и сказал: животное только пользуется природой, человек же *господствует* над ней. Но эта формула — специфический взгляд, исторически и культурно обусловленный западной цивилизацией и даже более узко, идеологией *буржуазного* западного общества. Первым барьером для разрешения этого мировоззренческого конфликта служила лежащая в основании буржуазного общества антропологическая модель *индивидуума*. На ней был основан и принцип политэкономии — *методологический индивидуализм*.

Вебер указал на важный экзистенциальный элемент кальвинизма: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме — вечном блаженстве — он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе» [80, с. 142].

Это во многом предопределило мироощущение Запада в целом. М. Хайдеггер в своей работе «Европейский нигилизм» ставит такой вопрос: «Спросим: каким образом дело дошло до подчеркнутого самоутверждения “субъекта”? Откуда происходит то господство субъективного, которое правит всем новоевропейским человечеством и его миропониманием?» [148, с. 266]. Он определяет результат так: «Человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением. Простым и строгим чеканом, по которому строится и выверяется новый тип, становится ясная задача абсолютного господства над землей» [148, с. 311].

С. Амин непосредственно связывает эту проблему с евроцентризмом, в котором методологический индивидуализм стал важным принципом: «Европейская философия Просвещения

определила принципиальные рамки идеологии капиталистического европейского мира. Эта философия основывается на традиции механистического материализма, который устанавливает однозначные цепи причинных связей... Идеологическое выражение этого материализма часто имеет религиозный характер (как у франкмасонов или якобинцев с их Высшим Существом)...

Буржуазная общественная наука никогда не преодолела этого грубого материализма, поскольку он есть условие воспроизводства того отчуждения, которое делает возможным эксплуатацию труда капиталом. Он неизбежно ведет к господству меркантильных ценностей, которые должны пронизывать все аспекты общественной жизни и подчинять их своей логике. Эта философия доводит до абсурда свое исходное утверждение, которое отделяет — и даже противопоставляет человека и Природу... Этот материализм призывает относиться к Природе как вещи и даже разрушать ее, угрожая самому выживанию человечества, о чем начали поговаривать экологи» [149, с. 79].

Исследования антропологов показали, что отношение человека Запада к природе вовсе не является присущим человечеству как виду. Это продукт специфической идеологии и определенной картины мира. Здесь — корень экзистенциального конфликта капиталистического Запада с незападными культурами, в том числе с Россией (и особенно с крестьянством).

К. Леви-Стросс в «Структурной антропологии» пишет: «Оно [развитие Запада] предполагает безусловный приоритет культуры над природой — соподчиненность, которая не признается почти нигде вне пределов ареала индустриальной цивилизации...

Между народами, называемыми “примитивными”, видение природы всегда имеет двойственный характер: природа есть пре-культура и в то же время над-культура; но прежде всего это та почва, на которой человек может надеяться вступить в контакт с предками, с духами и богами. Поэтому в представлении о природе есть компонент сверхъестественного”, и это “сверхъестественное” находится настолько безусловно выше культуры, насколько ниже ее находится природа... Например, в случае запрета давать в долг под проценты, наложенного как отцами Церкви, так и Исламом, проявляется очень глубокое сопротивление тому, что можно назвать моделирующим наши

установки “инструментализмом” — сопротивление, далеко выходящее за рамки декларированного смысла запрета.

Именно в этом смысле надо интерпретировать отвращение к купле-продаже недвижимости, а не как непосредственное следствие экономического порядка или коллективной собственности на землю. Когда, например, беднейшие индейские общины в Соединенных Штатах, едва насчитывающие несколько десятков семей, бунтуют против планов экспроприации, которая сопровождается компенсацией в сотни тысяч, а то и миллионы долларов, то это, по заявлениям самих заинтересованных в сделке деятелей, происходит потому, что жалкий клочок земли понимается ими как “мать”, от которой нельзя ни избавляться, ни выгодно менять...

В этих случаях речь идет именно о принципиальном превосходстве, которое отдается природе над культурой. Это знала в прошлом и наша цивилизация, и это иногда выходит на поверхность в моменты кризисов или сомнений, но в обществах, называемых “примитивными”, это представляет собой очень прочно установленную систему верований и практики» [88, с. 301-302].

За два века становления капитализма сформировалось новое мироощущение, проникнутое механицизмом. Оно предопределило и главные догмы философии хозяйства, и свойственную ей антропологическую модель (*homo economicus*) — индивидуум как атом человечества, выступающий на рынке как рациональный экономический агент. Это породило и принципиальную «антиэкологичность», которую К. Лоренц объясняет склонностью к «техноморфному мышлению, усвоенному человечеством вследствие достижений в овладении неорганическим миром, который не требует принимать во внимание ни сложные структуры, ни качества систем» [17, с. 143].

Отношение *человек — природа* представлено политэкономией. Эта огромная культурная мутация произошла в Западной Европе вследствие совмещения религиозной, научной и буржуазной революций. Их совместное действие и предопределило центральные догмы «научной» экономической теории, недаром Маркс назвал Адама Смита «Лютером политической экономии». В политэкономии представление о *бесконечности* мира преломилось в постулат о *неисчерпаемости* природных ресурсов. Уже поэтому они были

исключены из рассмотрения классической политэкономией как некая «бесплатная» мировая константа, экономически нейтральный фон хозяйственной деятельности.

Предметом экономики же является распределение *ограниченных* ресурсов. Рикардо утверждал, что «ничего не платится за включение природных агентов, поскольку они неисчерпаемы и доступны всем». Это же повторяет Сэй: «Природные богатства неисчерпаемы, поскольку в противном случае мы бы не получали их даром. Поскольку они не могут быть ни увеличены, ни исчерпаны, они не представляют собой объекта экономической науки». Ту же мысль повторяет Вальрас, давая понятие общественного богатства: «Вещи, которые, обладая полезностью, не являются дефицитными, не являются частью общественного богатства» (цит. по [150, с. 133]).

Трудно выявить рациональные истоки этой догмы, очевидно противоречащей здравому смыслу. Какое-то влияние, видимо, оказала идущая от натурфилософии и алхимиков вера в трансмутацию элементов и в то, что минералы (например, металлы) *растут в земле* («рождаются Матерью-Землей»). Алхимики, представляя богоборческую ветвь западной культуры, верили, что посредством человеческого труда можно изменять природу. Эта вера, воспринятая физиократами и в какой-то мере еще присутствующая у А. Смита, была изжита в научном мышлении, но чудесным образом сохранилась в политэкономии, очищенной от явной мистики.

М. Элиаде пишет об этой вере: «В то время как алхимия была вытеснена и осуждена как научная “ересь” новой идеологией, эта вера была включена в идеологию в форме мифа о неограниченном прогрессе. И получилось так, что впервые в истории все общество поверило в осуществимость того, что в иные времена было лишь миллениаристской мечтой алхимика. Можно сказать, что алхимики, в своем желании заменить собой время, предвосхитили самую суть идеологии современного мира. Химия восприняла лишь незначительные крохи наследия алхимии. Основная часть этого наследия сосредоточилась в другом месте — в литературной идеологии Бальзака и Виктора Гюго, у натуралистов, в системах капиталистической экономики (и либеральной, и марксистской), в секуляризованных теологиях материализма и позитивизма, в идеологии бесконечного прогресса» (цит. по [150, с. 37]).

Вспомним, что одно из расхождений русского православия и культуры с Западом было отрицание *алхимии* — важной компоненты философии и мироощущения Запада.

Неисчерпаемость природных ресурсов — важнейшее условие для возникновения иррациональной идеи *прогресса* и производных от нее идеологических конструкций либерализма (например, «общества потребления»). Это — идеологическое прикрытие той «противоестественной» особенности хрематистики, которую отметил еще Аристотель: «Все, занимающиеся денежными оборотами, стремятся увеличить свои капиталы до бесконечности». А в антропологической модели Гоббса утрата желания увеличивать богатства равносильна смерти человека.

От представления о Матери-Земле, рождающей («производящей») минералы, в политэкономии пришло также противоречащее здравому смыслу понятие о «*производстве*» материалов для промышленности. Это сформулировал уже философ современного общества Гоббс в «Левиафане»: «Бог предоставил [минералы] свободно, расположив их на поверхности лица Земли; поэтому для их получения необходимы лишь работа и трудолюбие [Industrie]. Иными словами, изобилие зависит только от работы и трудолюбия людей (с милостью Божьей)».

Эта философия стала господствующей. Попытки развить в рамках немеханистического мировоззрения (холизма) начала «экологической экономики», предпринятые в XVIII в. Линнеем и его предшественниками (*Oeconomia naturae* — «экономика природы», «баланс природы»), были подавлены всем идеологическим контекстом. В XIX в. также не имел успеха и холизм натурфилософии Гете, который впоследствии пытались развить фашисты с их «экологической мистикой».

Можно сказать, что политэкономия стала радикально *картезианской*, разделив экономику и природу так же, как Декарт разделил дух и тело. Попытка физиократов примирить «частную экономику» с «природной экономикой» (*натуральным хозяйством*) — экономическое с экологическим — не удалась. И хотя долго (вплоть до Маркса) повторялась фраза «Труд — отец богатства, а земля — его мать», роль матери низводилась почти до нуля. Локк считал, что по самым скромным подсчетам доля труда в полезности продуктов составляет 9/10 а в большинстве случаев 99 процентов затрат. В

политэкономии роль природы была просто исключена из рассмотрения как пренебрежимо малая величина. О руде, угле, нефти и других минералах стали говорить, что они «*производятся*», а не «*извлекаются*» (добываются).

В обыденном языке раньше четко разделялись понятия *производство* и *добыча*. Производя, человек создает нечто новое, частицу мира культуры. Добывая, человек изымает из природы то, что «она создала» без усилий его рук и ума. Поэтому говорилось «*производство* чугуна», но «*добыча* нефти». Когда язык стал подчиняться политэкономии, которая видит лишь движение стоимостей, стали говорить «*производство* нефти». Важное мировоззренческое различие было стерто. Темпы извлечения невозполнимых ресурсов, которые природа накопила за 600 миллионов лет, общество стало принимать за производство благ.

Экологи приводят в пример знаменитую «лазейку» в налоговом законодательстве США 1913 г., дававшую налоговые льготы за увеличение добычи нефти — для стимулирования «производства». Один автор пишет: «Поскольку “производство” на самом деле означало *добычу*, это можно приравнять ситуации, в которой банк выплачивает процент при каждом изъятии денег со счета, а не при их вложении. Короче, это была правительственная субсидия на воровство у будущего» [131, с. 149].

Вспомним, что в начале XX века в России, вопреки политэкономии, в горной промышленности говорили, что минералы *добывались*. Так же говорили и в советское время, но «старое мышление» забывается, стали говорить «*производство* нефти». Инновационный и сырьевой типы экономики стали почти неразличимы. Если мы не видим разницы между получением денег от производства или от добычи и одобряем «прибыль сегодня» как приоритетную цель, то призыв к развитию производства общество не услышит. Неопределенность в понятиях усиливает инерцию «сырьевого пути».²²

Красноречиво было отношение экономистов к сенсационной книге У. -С. Джевонса «Угольный вопрос» (1865), в которой он дал прогноз запасов и потребления угля в Великобритании до конца XIX в. Осознав значение термодинамики, Джевонс дал ясное понятие *невозобновляемого* ресурса и указал на принципиальную

невозможность неограниченной экспансии промышленного производства при экспоненциальном росте потребления минерального топлива.

Он писал: «Поддержание такого положения физически невозможно. Мы должны сделать критический выбор между кратким периодом изобилия и длительным периодом среднего уровня жизни... Поскольку наше богатство и прогресс строятся на растущей потребности в угле, мы встаем перед необходимостью не только прекратить прогресс, но и начать процесс регресса» (цит. по [151, с. 231]).

Джевонс дал также понятие *потока* и *запаса* ресурсов, обратив внимание, что другие страны живут за счет ежегодного урожая, а Великобритания за счет капитала, причем этот капитал не дает процентов: будучи превращенным в тепло, свет и механическую силу, он исчезает в пространстве.

И вот, через 140 лет после заявления Джевонса, 16 апреля 2006 г., прошло такое сообщение прессы: «С сегодняшнего дня Великобритания условно исчерпала свои ресурсы и начала жить в долг. Дату наступления “дня задолженности”, при гипотетической опоре только на свои силы, рассчитали эксперты лондонского аналитического New Economics Foundation. Учитывая регенерацию экосистемы, воспроизводство промышленных товаров, сельскохозяйственной продукции и т. п., эта условная дата определяется каждый год. Однако тенденция не в пользу Великобритании. В 1961 году она оказалась в должниках у всего мира 9 июля, в 1981 году — 14 мая, а в текущем году — 16 апреля. В настоящее время производство продовольствия в Британии находится на самом низком уровне за последние полвека. В 2004 году страна перестала быть энергетически независимой и превратилась в нетто-импортера газа после падения добычи на месторождениях в Северном море...

В целом если бы уровень потребления остальных стран мира совпадал с британским, то Земля смогла бы прокормить и обогреть человечество только до 1961 года. Сейчас для этого понадобилась бы ресурсная база трех с лишним планет» [152].

А в 1865 г. в переписку с Джевонсом вступили Гладстон и патриарх английской науки Дж. Гершель, Дж.-С. Милль докладывал о

книге в парламенте. Напротив, экономическая литература обошла эту книгу почти полным молчанием, хотя ее регулярно переиздавали в течение целого века. Та проблема, которую поднял Джевонс, не была включена в структуру политэкономии.

Та же судьба постигла важнейшую для политэкономии работу Р. Клаузиуса «О запасах энергии в природе и их оценка с точки зрения использования человечеством» (1885). Объясняя смысл второго начала термодинамики с точки зрения экономики, Клаузиус сделал такие ясные и фундаментальные утверждения, что, казалось бы, экономисты просто не могли не подвергнуть ревизии главные догмы политэкономической модели. Однако никакого эффекта выступление Клаузиуса, означавшее смену научной картины мира, на экономическую науку не оказало.

Всякие попытки ввести в экономическую теорию объективные, физические свойства вещей, учесть несводимость их ценности к цене сразу же вызвали критику из политэкономии. Резко выступая против попыток ввести в экономику энергетическое измерение, фон Хайек в статьях 40-х гг. XX в. подчеркивал, что эффективность экономической науки зависит от систематического следования принципу *субъективизма*. Для экономики имеют значение только предпочтения атомизированных индивидов, заявленные на рынке. Ни товары, ни деньги, ни даже продукты питания не определяются своими объективными качествами, рынку важно лишь *мнение* экономических агентов [151, с. 182].

Опыт показал, а Хайдеггер так определил сдвиг буржуазного общества к субъективизму: «Безусловная сущность субъективности с необходимостью разворачивается как брутальность бестиальности. Слова Ницше о “белокурой бестии” — не случайное преувеличение» [148, с. 306]. Выражение *брутальность бестиальности* почти невозможно перевести на русский язык (дословно: *тупая жестокость зверскости*).

Глубокое противоречие в мировоззрении буржуазного общества не изменилось, даже когда стала очевидной проблема распределения дефицитных и невозобновляемых ресурсов между *поколениями*. Конфликт ценностей стал обостряться — как в самой культуре Запада, так и с незападными культурами и цивилизациями. Вот структура этого конфликта: рынок распределяет ограниченные

ресурсы в соответствии *цене*, принятой большим числом индивидов (их предпочтения подчиняются закону больших чисел). Очевидно, что будущие поколения не могут в данный момент присутствовать на рынке и выразить свои предпочтения — они еще не родились.

Это противоречие либералы снимали не исходя из объективных факторов, а с помощью принятой морали — в политэкономии были введены идеологические ценности. Одной из этих ценностей является «естественный» эгоизм человека, который вкупе с «невидимой рукой» рынка обеспечивает равновесие рынка. Отсюда выводится формула «*Что сделали будущие поколения для меня?*». То есть к «сделкам» с будущими поколениями требуют применить принцип эквивалентного обмена. Гершель так и писал о книге Джевонса «Угольный вопрос»: это — атака на эгоизм богатых англичан ныне живущего поколения.

В начале XX в., и особенно в 1917 г., большинство населения России отвергло эту идеологию и такой образ будущего. Русская революция пошла «в обход капитализма». Современные сдвиги нашего населения — другая история, не будем смешивать исторические периоды.²³

Перейдем теперь к вопросу, который нас касается непосредственно: как указанные противоречия преломились в политэкономии марксизма? Ведь позиция, занятая по этим проблемам Марксом и Энгельсом, оказала очень большое влияние на воззрения российских революционных движений и сказалась на судьбе России (а также и на мировой общественной науке в конце XIX и в первой половине XX в.).

Лауреат Нобелевской премии Ф. Содди (один из первых экологов — «энергетических оптимистов») сказал: «Если бы Карл Маркс жил после, а не до возникновения современной доктрины энергии, нет сомнения, что его разносторонний и острый ум верно оценил то значение, которое она имеет для общественных наук».²⁴ Вспоминая о словах У. Петти «труд — отец богатства, а земля — его мать», Содди предположил, что «скорее всего, именно ученики пророка забыли указание на роль матери, пока им не освежило память упорство русских крестьян» [151, с. 165, 166].

Вот это «упорство русских крестьян», которые отвергали капитализм как *зло*, и определило силу и вектор Октябрьской революции — это и понял Ленин к 1907 г. Исторический процесс

дошел до порога, который большинство крестьян и рабочих не могло переступить — западный капитализм был несовместим с их «образом истинности». В социологии есть понятие — *становление зла*, когда какое-то явление и институт становятся несовместимы с массовой совестью. Это и произошло за 15 лет до 1917 г.

Это представление стало важной частью образа революции и социализма Ленина. Это был период, когда изменение картины мира обнаружило глубокое противоречие в системе капитализма — конфликт между экономикой и экологией, буржуазным обществом и природой. Это противоречие стало срезом новой парадигмы знания и объяснения мира и общества. В русской версии этой парадигмы Ленин соединил некапиталистическое крестьянское (космическое) мироощущение с возникающей наукой становления. В этом совместном развитии Ленина, большевиков и массы образ будущего, как знамени Октябрьской революции, приобрел такую силу, что на целый исторический период она защитила наши народы от соблазнов западного капитализма.

Дж. Грей писал о том влиянии капитализма, которое он оказал на весь мир: «Даже в тех незападных культурах, где модернизация происходила без вестернизации их социальных форм и структур, воздействие революционного нигилизма вестернизации должно было подорвать традиционные представления об отношениях человека с землей и поставить на их место гуманистические и бэконские инструменталистские воззрения, согласно которым природа есть не более чем предмет, служащий достижению целей человека» [90, с. 282].

Вот пример этой силы. Социолог У.Р. Каттон (США) приводит такую историю: «В 1921 году голодную общину на Волге посетил корреспондент американской газеты, собиравший материалы о России. Почти половина общины уже умерла с голоду. Смертность продолжала возрастать, и у оставшихся в живых не было никаких шансов выжить. На близлежащем поле солдат охранял огромные мешки с зерном. Американский корреспондент спросил у пожилого лидера общины, почему его люди не разоружат часового и не заберут зерно, чтобы утолить голод. Старик с достоинством отвечал, что в мешках находятся зерна для посева на следующий год. “Мы не крадем у будущего”, — сказал он» [34, с. 21].

А в западной социологии, изучающей отношение поколений, ходил афоризм: «Будущее не голосует, оно не оказывает влияния на рынок, его не видно. Поэтому настоящее стало красть у потомков».²⁵

Можно отметить те принципы политэкономии капитализма, которые послужили барьером на пути соединения экономики с экологией и были приняты в марксизме. Но многим сторонам этих принципов были приданы как бы объективные черты, носящие характер естественного закона.

— Природные ресурсы являются неисчерпаемыми и бесплатными, поэтому они не являются объектом экономических отношений. Они «производятся» и включаются в экономический оборот как товар только в соответствии с издержками на их производство.

Вот формулировки Маркса:

«Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости...

Силы природы... не являются продуктом человеческого труда, не входя в процесс образования стоимости. Но их присвоение происходит лишь при посредстве машин, которые имеют стоимость, сами являются продуктом прошлого труда... Так как эти природные агенты ничего не стоят, то они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости. Они делают труд более производительным, не повышая стоимости продукта, не увеличивая стоимости товара» [77, с. 498, 553]).

«Производительно эксплуатируемый материал природы, не составляющий элемента стоимости капитала, — земля, море, руды, леса и т. д... В процесс производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, которые капиталисту ничего не стоят. Степень их эффективности зависит от методов их применения и прогресса науки, которые опять-таки ничего не стоят капиталисту» [153].

«[Водопад], который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, который должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда» [154]).

Повторения этой мысли можно множить и множить — речь идет о совершенно определенной и четкой установке, которая предопределяет всю логику *трудовой теории стоимости*.

— Политэкономия рассматривает товары не как вещи, а исключительно как отношения между людьми. Материальная сущность вещей не имеет значения для экономики, поэтому достигается полная соизмеримость вещей. Под производством понимается производство стоимости и прибавочной стоимости, а не их материальных, вещественных оболочек.

В «Капитале» Маркс заостряет вопрос до предела:

«Скучный и бестолковый спор относительно роли природы в образовании меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в биржевом курсе» [17, с. 99].

В «Капитале» (гл. I, «Товар») читаем: «Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости» [16, с. 46].

В этой модели политэкономии движение реальных вещей полностью заменено движением меновых стоимостей, выражаемых деньгами, и сама проблема взаимоотношения человека с природой в его хозяйственной деятельности из модели устранена. Устранена, следовательно, и проблема *несоизмеримостей*. Речь идет не о простом допущении ради создания полезной, но условной модели, а о глубоком философском положении, родившемся в той борьбе с традиционным взглядом на вещь и на деньги, что велась начиная с античности. Приняв эту философию, марксизм оказался на той траектории, которая привела к нынешнему монетаризму, когда меновые стоимости, «не заключающие в себе ни одного атома потребительной стоимости», создали свой особый мир, оторванный от реального хозяйства.

Поскольку трудовая теория стоимости Маркса исключала из рассмотрения все природные, ресурсные и экологические ограничения для роста общественного богатства, вера в возможность бесконечного прогресса в развитии производительных сил получила в марксизме

свое высшее, абсолютное выражение. На деле политэкономия, начиная с Адама Смита, тщательно обходила очевидные источники *неравновесности* и механизмы возвращения системы в состояние равновесия. Гомеостаз, равновесие поддерживается только в ядре системы капитализма, да и то посредством кризисов и периодических войн.²⁶

Из политэкономии была проблема «внешних эффектов» экономики (*externalities*). Под ними понимаются те социальные последствия экономической деятельности, которые не находят монетарного выражения и исключаются из экономической модели. Об этом говорил Джевонс в 1865 г., а к концу XIX в., в ходе изменения картины мира произошло фундаментальное расхождение политэкономии с наукой. Использование сил природы в капиталистической экономике (атмосфера, недра, вода и леса и пр.), которые якобы «ничего не стоят капиталисту», в действительности порождает множество «внешних эффектов». Они обычно наносят ущерб большинству человечества, а иногда часть ущерба смягчает государство компенсациями.

Примером служит «парниковый эффект», который стал предметом дискуссии с 1903 г., когда его описал С. Аррениус и дал ему название. Разогревание атмосферы благодаря выбросам углекислого газа от сжигания больших количеств ископаемого топлива воспринималось на Западе с оптимизмом вплоть до 60-х годов, пока большие исследования не показали риск негативных эффектов.

Исключая из политэкономической модели проблему природных ресурсов, разделяя физическое и экономическое и тем самым радикально отрицая несоизмеримость продуктов хозяйственной деятельности, марксизм задержался в плену механицизма и не освоил главных современных ему достижений термодинамики. Он отверг фундаментальные представления об энергии и не использовал шанс принципиально перестроить политэкономическую модель.

В письме Марксу Энгельс так оценивает концепцию энтропии: «Преобразование сил природы, особенно превращение теплоты в механическую силу и т. д., послужило в Германии поводом для нелепейшей теории... Я жду теперь только, что попы ухватятся за эту теорию как за последнее слово материализма. Ничего глупее нельзя придумать» [155].

Более развернутое отрицание Энгельс сформулировал в «Диалектике природы»: «Клаузиус — если я его правильно понял — доказывает, что мир сотворен, следовательно, что материя сотворима, следовательно, что она уничтожима, следовательно, что и сила (соответственно, движение) сотворима и уничтожима, следовательно, что все учение о «сохранении силы» бессмыслица, — следовательно, что и все его выводы из этого учения тоже бессмыслица...

В каком бы виде ни выступало перед нами второе положение Клаузиуса и т. д., во всяком случае, согласно ему, энергия теряется, если не количественно, то качественно. *Энтропия не может уничтожаться естественным путем, но зато может создаваться*» [156, с. 600].

В особом разделе «Излучение теплоты в мировое пространство» Энгельс пишет: «Превращение движения и неуничтожимость его открыты лишь каких-нибудь 30 лет тому назад, а дальнейшие выводы из этого развиты лишь в самое последнее время. Вопрос о том, что делается с потерянной как будто бы теплотой, поставлен, так сказать, без уверток лишь с 1867 г. (Клаузиус). Неудивительно, что он еще не решен; возможно, что пройдет еще немало времени, пока мы своими скромными средствами добьемся его решения... Кругооборота здесь не получается, и он не получится до тех пор, пока не будет открыто, что излученная теплота может быть вновь использована» [156, с. 599].

Энгельс специально подчеркивает, что видит выход в том, что можно будет «вновь использовать» излученную теплоту: «Вопрос будет окончательно решен лишь в том случае, если будет показано, каким образом излученная в мировое пространство теплота становится снова используемой» [156, с. 599].

Таким образом, идеология неограниченного прогресса не только заставила классиков марксизма отвергнуть главный вывод термодинамики (и создаваемую ею новую картину мира), но и пойти вспять, возродив веру в вечный двигатель второго рода. Огромный культурный и философский смысл второго начала, который либеральная политэкономия просто игнорировала, марксизм отверг активно и сознательно. Был пройден важный перекресток в траектории общественной мысли индустриальной цивилизации.

Так возник концептуальный конфликт с новаторским, но ясным трудом русского ученого и революционера-народника Сергея

Андреевича Подолинского (1850-1891). Подолинский, почитатель и лично знакомый Маркса, глубоко изучивший «Капитал» и одновременно освоивший второе начало термодинамики, сделал попытку соединить учение физиократов с трудовой теорией стоимости Маркса, поставить политэкономия на новую, современную научную основу. Он рассмотрел Землю как открытую систему, которая получает и будет получать (в историческом смысле неограниченное время) поток энергии от Солнца. Никаких оснований для того, чтобы отвергать второе начало исходя из социальных идеалов прогресса и развития производительных сил, не было.

Подолинский, изучив энергетический баланс сельского хозяйства через фотосинтез, вовлекающий в экономический оборот энергию Солнца, написал в 1880 г. свою главную работу «Труд человека и его отношение к распределению энергии» [157] и послал ее Марксу. Подолинский показал, что труд есть деятельность, которая связана с регулированием потоков энергии, и трудовая теория стоимости должна быть дополнена энергетическим балансом — политэкономия должна была соединиться с физикой. По его расчетам устойчивое развитие общества требует затраты одной калории человеческого труда с вовлечением в оборот 20 калорий солнечной энергии (это нередко называют «принципом Подолинского» [9]). Этот труд приобрел фундаментальное значение и послужил основой экологии в ее экономическом аспекте (например, он сыграл важную роль в становлении взглядов В.И. Вернадского).

Энгельс изучил работу Подолинского и в двух письмах в 1882 г. изложил свой взгляд Марксу, утверждая, что попытка выразить экономические отношения в физических понятиях невозможна. Он посчитал, что новая, термодинамическая картина мира требовала изменения всей базовой модели политэкономии.

Но представления о мире, включающие биосферу и хозяйственную деятельность человека, начали интенсивно развиваться и стали важной частью новой парадигмы обществоведения, но уже помимо марксизма и даже нередко в конфликте с ним. Тот культурный кризис, вызванный столкновением индустриальной цивилизации с природными ограничениями, который мы в открытой форме наблюдаем сегодня, «обрел язык» уже в формулировках Клаузиуса и Томсона. В труде Подолинского имел материалистический и

оптимистический ответ, но марксистская мысль его не приняла и в себя не включила.

Это поколение ученых-физиков уже мыслило в новой («нелинейной») парадигме, и познавательные возможности этой парадигмы быстро освоила небольшая группа философов и обществоведов — и на Западе, и в России. Ситуация для этого в России была более благоприятной по ряду причин.

Первое — над молодыми русскими мыслителями не довлела жесткая научная идеология, как на Западе. Лауреат Нобелевской премии И. Пригожин обращает на это внимание в связи с феноменами нестабильности: «У термина “нестабильность” странная судьба. Введенный в широкое употребление совсем недавно, он используется порой с едва скрываемым негативным оттенком, и притом, как правило, для выражения содержания, которое следовало бы исключить из подлинно научного описания реальности... Можно сказать, что понятие нестабильности было, в некоем смысле, идеологически запрещено» [160].²⁷

Догма равновесности механических систем в западной науке подавляла интерес к неравновесным состояниям. В России же сложились сильные научные школы, изучавшие нелинейные процессы, переходы «порядок — хаос», цепные процессы и т. п. Это способствовало достижениям научных школ в области горения и взрыва, аэро- и гидродинамики, океанологии и др. А также способствовало переносу этих моделей в обществоведение (Подолинский, Чаянов, Вернадский), — и проектированию и практике русской революции (Ленин).

Вторая причина в том, что в России сохранилась крестьянская община, которая в течение тысячи лет развивала свои традиции и культуру, непрерывно участвуя во всех процессах и конфликтах как внутри российского общества, так и в контакте со многими иными народами и культурами. Регулярные реформы и бедствия — войны, бунты, природные кризисы — заставили обострить и развивать навыки предвидения и анализа альтернатив действий. Крестьянская община генерировала общности с особыми навыками и нормами (казаки, солдаты, ополченцы и партизаны, землепроходцы, артели отхожих промыслов), но у всех них сохранялось общее ядро «образа истинности» — ядро центральной мировоззренческой матрицы.

Важные элементы этой системы были совместимы или даже гармоничны с элементами той «нелинейной парадигмы», которая сложилась в науке в конце XIX — начале XX в. Конечно, «крестьянская парадигма» излагалась обыденным, «библейским» языком или поговорками, но в ней были сформулированы способы действий в условиях нестабильности и перехода «порядок — хаос». Этот опыт и метод анализа реальности для всех этих общностей были жизненно важны.

Так в 1917 г. сложился язык, который сделал возможным взаимопонимание смыслов, мер и логики действий — Ленина и массы трудящихся. Более того, взаимопонимание важных проблем и угроз привлекло к участию в советском строительстве множество людей, которые идеологически были противниками большевиков — от академиков, монархистов и либералов до министров и генералов, царских и Временного правительства.

В этой главе говорилось, что в ходе изменения картины мира в системе капитализма обнаружилось противоречие экономики и природы. Нелинейный процесс этого конфликта достиг пороговой точки с критическими явлениями. Многие западные ученые пришли к выводу, что перед человечеством вызревает фундаментальная проблема, а у населения незападных стран еще раньше возникло чувство опасности из-за экспансии капитализма в их природу и культуру. Приближение к пороговой точке предсказывал в 1880 г. и Подолинский, предложивший критерий устойчивого развития человечества.²⁸

Другие стали исследовать генезис этого кризиса, «инкубационный» период, пока эти процессы были медленными и почти незаметными. Эти представления вызвали возникновение и развитие большой новой научной области и консолидации международного научного сообщества в этой области, включая российских ученых.

Особенность состояния культуры России в первой трети XX в. определялась развитием революции. Кризис картины мира и противоречия между хозяйством человечества и природой стали важными частями философии революций. В этот диалог и споры со страстью включились философы и политики, ученые и поэты разных направлений.²⁹

Экономист и легальный марксист С.Н. Булгаков защитил в 1900 г. магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие», в которой критикует политэкономиию Маркса в отношении аграрной проблемы, а затем стал сдвигаться к идеализму, философии и религии и заложил основы новой области — *философии хозяйства*. Эта философия — синтез социализма, христианства, культуры и экономики.

В статье «Душа социализма» Булгаков категорически отвергает отношения хозяйства с природой, постулированные в политэкономии капитализма: «В хозяйственном отношении к миру дивным образом открывается и величие призвания человека, и глубина его падения. Оно есть *действенное* отношение к миру, в котором человек овладевает природой, ее очеловечивая, делая ее своим периферическим телом... В хозяйстве, как в труде, осуществляется полнота действительности человека не только как физического работника («серп и молот»), как это суживается в материалистическом экономизме, но и как разумной воли в мире... Поэтому, изживание материалистического экономизма само собой совершается на пути дальнейшего хозяйственного же развития, которое все более сокращает область материи, превращая ее в человеческие энергии» [163].

Вот академик В.И. Вернадский в момент формирования партии кадетов (1905-1906 гг.), членом ЦК которой он стал, высказал такое суждение: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса — в конце XVIII, в первой половине XIX столетия — полна с этой точки зрения глубочайшего интереса...

Глубокая критика хозяйственной жизни раскрыла перед нами причины экономического неравенства и связанных с ними несчастий и страданий с такой силой, какая была раньше неизвестна» [159].

После этого Вернадский разрабатывал проблему биосферы и ее взаимодействие с энергией и земной корой. Его междисциплинарный синтез (большая область *биогеохимия*) был очень плодотворным. Эта общая система этих сфер позже была дополнена *ноосферой* —

глобальной системой разумной деятельности человека. В 1925 г. он написал о связи человечества с биосферой как критической социальной проблемы: «Человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живых существ, существующих или когда-либо существовавших.

Зависимость человека от живого целого благодаря его питанию определяет все его существование. Изменение режима — в случае, если бы это произошло, — имело бы огромные последствия... Очевидно, что вся жизнь человека, весь его социальный уклад в течение всего хода истории определяются этой необходимостью... Общественное равновесие поддерживается лишь неустанным трудом, и оно всегда неустойчиво...

В современной общественной и социальной конструкции человечество в большей степени управляется идеями, которые уже более не соответствуют реальности и выражают состояние ума и научные знания поколений, исчезнувших в прошлом» [164].

К началу XX в. Россия оставалась огромной страной, недостаточно изученной в географическом, геологическом и этнографическом плане. Большим проектом российского научного сообщества перед революцией была институционализация систематического и комплексного изучения природных ресурсов России. Важным шагом в этой работе было учреждение в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Она стала самым крупным подразделением Академии наук. Возглавлял ее академик В.И. Вернадский, ученым секретарем был избран А.Е. Ферсман.

Разработка и реализация этой программы началась в первые же месяцы после установления Советской власти. Особенностью этой стратегической программы было то, что назначение экспедиций далеко выходило за рамки получения конкретного знания о какой-то территории. Система экспедиций должна была на довольно значительное время накрыть всю территорию СССР мобильной сетью ячеек научной системы, обеспечить *присутствие науки* во всех узловых точках страны, обладающей огромным разнообразием природных, хозяйственных и этнических условий.

Уже в январе 1918 г. советское правительство запросило у Академии наук «проект мобилизации науки». В ответной записке

Ферсман предлагал расширить деятельность КЕПС. В апреле 1918 г. Ленин написал программный материал — «Набросок плана научно-технических работ». Его главные положения совпадали с представлениями КЕПС, и структура КЕПС была резко расширена.

В ноябре 1918 г. начала работать комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии, ее планы рассматривались в Совете обороны под председательством Ленина. Несмотря на боевые действия в этом районе, на месте стала работать экспедиция Академии наук, за год были определены границы аномалии. Работу вели ведущие ученые (И.М. Губкин, П.П. Лазарев, А.Н. Крылов, В.А. Стеклов, Л.А. Чугаев, А.Н. Ляпунов и др.) [162, с. 28].³⁰

До 1917 г. почти все научные учреждения России и $\frac{3}{4}$ научных работников находились в Москве и Петрограде, и ученые двинулись в экспедиционном порядке на Урал, в Сибирь и Дальний Восток, в Среднюю Азию и Закавказье. Постепенно экспедиции превращались в стационарные научные *базы*, затем в *филиалы* центральных научных учреждений, затем в самостоятельные местные научные институты и центры.

Хотя все эти программы выполнялись, в их научной части, по планам и под руководством старых российских ученых (в основном, бывших народников и либералов, монархистов и меньшевиков), их координация и степень взаимопонимания с политической властью были на таком уровне, какого, видимо, уже трудно будет достичь.

Отдельно отметим исследования отношения хозяйства и природы в экономической науке. Чаянов в работе «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» сделал попытку построить теорию многоукладных экономических систем. Он писал: «В современной политической экономии стало обычным мыслить все экономические явления исключительно в категориях капиталистического хозяйственного уклада...

Одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, безземельных основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно иные мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие

рентабельности. Известно, что для большей части крестьянских хозяйств России, Китая, Индии и большинства неевропейских и даже многих европейских государств чужды категории наемного труда и заработной платы.

Уже поверхностный теоретический анализ хозяйственной структуры убеждает нас в том, что свойственные крестьянскому хозяйству экономические феномены не всегда вмещаются в рамки классической политэкономической или смыкающейся с ней теории» [18, с. 114-115].

Эту работу он заканчивает такой мыслью: «Ныне, когда наш мир постепенно перестает быть миром лишь европейским и когда Азия и Африка с их своеобразными экономическими формациями вступают в круг нашей жизни и культуры, мы вынуждены ориентировать наши теоретические интересы на проблемы некапиталистических экономических систем» [18, с. 143].

Чаянов принял концепцию Ленина, согласно которой русская революция и новая картина мироустройства активизировали народы Азии, Африки и Латинской Америки, в хозяйстве которых сформировались разнообразные подходы гармонизировать отношения экономики и природы. Изучение этих подходов — новая сфера нескольких научных проблем. Эта область требовала иную методологию, не зависимую от политэкономии — и либеральной, и марксистской.

Чаянов писал: «Для нас такая система имела бы немалое аналитическое значение и представляла бы в отношении к теперешней теоретической экономии то же, что геометрия Лобачевского к геометрии Евклида. У Лобачевского выпадала аксиома параллельных линий, у нас — категория заработной платы» [18, с. 397].³¹

С начала 1918 г. Ленин, хотя он непрерывно разрешал по несколько чрезвычайных проблем, разрабатывал тему науки и культуры как стратегическую. В последних 15 томах удивляет объем его текстов, посвященных науке и культуре. Поразительно, что наша официальная история этого не заметила. А ведь устремление российского научного сообщества вместе с общностью революционеров (всех флагов), особенно после Октябрьской революции, было как будто невысказанной, но главной задачей — успеть России овладеть научной картиной мира *на основе нашей*

культуры. Более того, понять и принять смыслы и векторы русской науки всем народом.

И это удалось на целый исторический период.

Глава 14. Становление советского предприятия: трудовой коллектив

Это важный срез проекта Октябрьской революции и развития советского жизнеустройства. Он присутствовал элементом во всех больших системах — народного хозяйства, политической, социальной и геополитической систем. Направление вектора его движения и защита этого направления — важная часть работы Ленина.

Инновация этой работы — сложная система. Выделим такую структуру: синтез общинного мировоззрения крестьян и рабочих, картины мира русского коммунизма, культурной революции с массовой жаждой знания и причастности к науке — в условиях тяжелейших материальных лишений. Из этого видно, что корни этого синтеза возникли в начале XX в., до революции 1905 г., которая стала пороговым эффектом для развития этой системы.

Процесс становления новой социокультурной общности — будущих *советских рабочих* — стал очевидным накануне Февральской революции. Эта революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации — ее *государственность*. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был явным и самым пришедшим к власти либералам. Судя по приверженности легальных марксистов и меньшевиков к представлениям Маркса о государстве, можно предположить, что их антипатии к государственности стали устойчивыми установками.

Маркс высказывался о государстве в таких выражениях: «Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии... Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар... Коммуна была революцией

не против той или иной формы государственной власти... Она была революцией против самого государства, этого сверхъестественного выкидыша общества» [183].

В представлении основоположников марксизма, пролетарская революция лишит государство его главных смыслов, оно «отомрет». Энгельс писал: «Все социалисты согласны с тем, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами» [184].

Эта глава в учении Маркса нанесла тяжелый ущерб русскому революционному движению — прежняя государственность была разрушена союзом либералов и меньшевиков, практически без замены. Антиэтатизм — мощное орудие для разрушения общества, народа и страны. На государство можно направить множество зарядов недовольства, даже взаимно непримиримых.

Ленин, будучи революционером, боролся с монархией и буржуазно-либеральным государством, но отвергал антиэтатизм. В одном главном докладе вскоре после Октябрьской революции подчеркнул: «Капитализм нам оставляет в наследство, особенно в отсталой стране, тьму таких привычек, где на все государственное, на все казенное смотрят, как на материал для того, чтобы злостно его попортить. Эта психология мелкобуржуазной массы чувствуется на каждом шагу. И в этой области борьба очень трудна. Только организованный пролетариат может все выдержать. Я писал: “До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социализм требует строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства”. Это я писал до октябрьского переворота и на этом настаиваю теперь...

Страна гибнет оттого, что после войны в ней нет элементарных условий для нормального существования. Наши враги, идущие на нас, страшны нам только потому, что мы не сладили с учетом и контролем. Когда слышу сотни тысяч жалоб на голод, когда видишь и знаешь, что эти жалобы правильны, что у нас есть хлеб, но мы не можем его подвезти, когда мы встречаем насмешки и возражения со стороны

“левых коммунистов” на такие меры, как наш железнодорожный декрет, — это пустяки» [59, с. 267],

Важным фактором в России в революционные годы были рабочие организации, тесно связанные с Советами, которые стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г. Церетели писал тогда об особом «*государственном инстинкте*» русских рабочих и их «*тяге к организации*». При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель государственности, альтернативную той, что пытались строить Временное правительство.

Историк Д.О. Чураков пишет: «Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но и специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно — рождение одного из самых глубоких социальных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицевать “под себя” традиционное российское общество» [124, с. 77].

Говоря о становлении после февраля 1917 г. советской государственности, все внимание обычно сосредоточивают именно на Советах, даже больше того — на Советах рабочих и солдатских депутатов. Но верно понять природу Советов нельзя без рассмотрения их низовой основы, системы трудового *самоуправления*, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях. Ее ячейкой был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком).

В те годы фабзавкомы возникали и в промышленности западных стран, и очень поучителен тот факт, что там они вырастали из средневековых традиций цеховой организации ремесленников как объединение индивидов в корпорации, вид ассоциаций гражданского общества. А в России фабзавкомы вырастали из традиций крестьянской общины. Из-за большой убыли рабочих во время Мировой войны на фабрики и заводы пришло пополнение из деревни, так что доля «полукрестьян» составляла до 60% рабочей силы. Важно

также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-металлистов и 92 строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности (см. [124]).

Пришвин писал незадолго до Февральской революции, что «рабочие — посланники земли»: «Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу. Пример Алекс. Вас. Кузнецов: он 25 лет был в Петербурге и вернулся к земле на свой хутор более мужиком, чем настоящие мужики; за это время мужики в деревне более подверглись влиянию города, чем он в городе».

Ключевую роль этого культурно-исторического типа предвидел Д.И. Менделеев. Размышляя о выборе для России пути индустриализации, при котором она не попала бы в зависимость от Запада, он пришел к выводу: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение» (см. [15, с. 169, 343-344]).

Так оно и произошло — грамотные русские крестьяне, мобилизованные на промышленные заводы во время войны, а позже в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил «русское чудо» — необъяснимо эффективную форсированную индустриализацию СССР.

Чтобы понять, какой тип предприятия сложился в ходе реализации советского проекта, надо учесть его культурные основания. Россия была крестьянской страной с традиционным обществом, в культуре которой сохранились многие структуры аграрной цивилизации. Западная социал-демократия — продукт гражданского общества, в котором крестьяне как класс и как культура сохранились лишь в реликтовом состоянии (крестьяне заменены фермерами).

Общности рабочих в России создавались и действовали в культурной среде, проникнутой общинным мышлением, отрицающим индивидуализм. Это связано с историческими условиями индустриализации, которая особенно в высоком темпе проходила с конца 20-х гг.

Индустриализация в СССР (как и в Японии) проводилась не через возникновение свободного рынка рабочей силы, а в рамках государственной программы. В СССР после революции 1917 г. в селе была возрождена община (мир), лишь частично подорванная в 1906-1914 гг. реформами Столыпина. Во время коллективизации пошли из села крестьяне на стройки и в промышленность, но они не «атомизировались» и не стали пролетариями. Они организованно были направлены на учебу и после чего стали рабочими, техниками и инженерами. Жили они в общежитиях, бараках и коммунальных квартирах, а потом — в рабочих кварталах, построенных предприятиями. Это был процесс переноса общины из села на промышленное предприятие. Получилось так, что основные черты общинного уклада на предприятии проявились даже больше, чем в оставшемся в селе колхозе.

Поэтому промышленное предприятие СССР не только не стало чисто производственным образованием. Оно было, как и община в деревне, центром *жизнеустройства*. И это — общее явление в тех западных странах, которые избежали колониальной зависимости и проводили индустриализацию с опорой на собственные культурные формы. Об этом, например, писал президент одной из крупнейших японских корпораций «Мицуи дзосен» Исаму Ямасита: «После второй мировой войны... существовавший многие века дух деревенской общины начал разрушаться. Тогда мы возродили старую общину на своих промышленных предприятиях... Прежде всего мы, менеджеры, несем ответственность за сохранение общинной жизни... Воспроизводимый в городе... общинный дух экспортируется обратно в деревню во время летнего и зимнего «исхода» горожан, гальванизирует там общинное сознание и сам в результате получает дополнительный толчок» (см. [125]).

Советское предприятие, по своему социально-культурному типу единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это была новая хозяйственная конструкция,

созданная *русскими рабочими из общинных крестьян*. На Западе буржуазные революции сломали культуру общины и создали «культуру индивидуализма», так что вместо сотрудничества на первое место вышла конкуренция. М. Вебер писал: «Современная рациональная организация капиталистического предприятия немыслима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике *отделения предприятия от домашнего хозяйства* и без тесно связанной с этим рациональной *бухгалтерской отчетности*» [80, с. 51].

В России, напротив, революция лишь *усилила* «культуру коллективизма». Это и позволило возникнуть в СССР, независимо от теорий, необычному «хозяйству семейного типа», с переплетением «производства и быта».

Фабзавкомы, с их типом солидарности, в период революции были важным институтом. В организации их большую роль сыграли Советы, а в свою очередь, фабзавкомы быстро сами стали опорой Советов. Прежде всего, именно фабзавкомы финансировали деятельность Советов, перечисляя им специально выделенные с предприятий «штрафные деньги», а также 1% дневного заработка рабочих. Но главное, фабзавкомы обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу, причем в среде рабочих, охваченных организацией фабзавкомов, Советы рассматривались как безальтернативная форма *государственной власти*. Общепризнана роль фабзавкомов в организации рабочей милиции и Красной гвардии.

Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!» Например, на заводе Михельсона это требование было принято уже в апреле 1917 г., а на заводе братьев Бромлей — 1 июня. На заводах фабзавкомы быстро приобрели авторитет и как организация, поддерживающая и сохраняющая производство, и как центр жизнеустройства трудового коллектива. Они занимались от поиска и закупки сырья и топлива, найма рабочих до создания милиции для охраны материалов, заготовки и распределения продовольствия, налаживания трудовой дисциплины. В условиях революционной разрухи их деятельность была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы, в общем, шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий). Как писал печатный орган Центрального

союза фабзавкомов «Новый путь», «при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат... Отдельные случаи анархических проявлений так и остаются *отдельными*».

По своему охвату функции фабзавкомов были столь широки, что они сразу стали превращаться в особую систему *самоуправления*, организованного по производственному признаку (в этом, среди прочего, и их коренное отличие от аналогичных комитетов западных стран). Вот некоторые примеры. В конце августа 1917 г. комитет Шуйской мануфактуры постановил: «Открыть прачечную для рабочих своей фабрики со всеми удобствами для стирки... Просить правление о расширении школы ввиду того, что не хватает мест для детей рабочих всей фабрики». На заводе Михельсона при завкоме была культурная комиссия с театральной, библиотечной и лекционной секциями. Занимались фабзавкомы проблемами гигиены труда и охраны здоровья рабочих.

Вот объявление рабочего комитета Иваново-Вознесенской мануфактуры в начале осени 1918 г.: «Ввиду усиленной эпидемии заболевания ОСПОЙ среди рабочих нашей фабрики, где уже зарегистрировано более 30 случаев заболевания среди взрослых рабочих, предлагаем всем желающим принять прививку... Товарищи! Для скорейшей борьбы с этой нежелательной гостьей убедительно просим не уклоняться от прививки, т. к. прививка за собой не несет никакой особенной боли на руке» [124, с. 43].

В августе-сентябре 1917 г. стали частыми случаи взятия фабзавкомами управления предприятием в свои руки. Это происходило, когда возникала угроза остановки производства или когда владельцы отказывались выполнять те требования, которые фабзавком признавал разумными. В случаях, когда фабзавком брал на себя руководство фабрикой, отстраняя владельца, обычно принималось постановление: никаких особых выгод из этого рабочим не извлекать. Весь доход после выплаты зарплаты и покрытия расходов на производство поступал в собственность владельцев предприятия [124, с. 55].

Вот пример. В завком большого Тульского оружейного завода поступила, уже зимой 1918 г., письменная просьба протоиерея Кутепова — собрать с рабочих отчисления на нужды собора, поскольку большинство молящихся в соборе были рабочими этого

завода. Завком постановил: «Ввиду отделения церкви от государства и возложения обязанности содержания принтов и храмов на основаниях добровольных отчислений, признать для заводского комитета невозможным предлагать рабочим завода делать процентные отчисления на нужды Успенского собора и предложить причту Успенского собора непосредственно обратиться со своей просьбой к посещающим собор». Однако, учитывая, что «церковь завода самая древняя в Туле, основана в 1649 году и представляет собой памятник старины», а также то, что «причт работает не только в самой церкви, но и непосредственно в мастерских», завком решил «выделить ему оплату как всякому служащему» [124, с. 126-127].

В целом, как сказал на I Всероссийской конференции фабзавкомов в ответ на обвинения их в соглашательстве с капиталистами видный организатор этого движения Н. А. Скрыпник, «путем вмешательства в хозяйственные дела предприятия рабочие борются с *определенной системой*, системой *экономического взрыва* революции» [124, с. 52]. Принцип «чем хуже, тем лучше» был абсолютно несовместим с мировоззрением рабочих. При этом ценностные ориентации фабзавкомов были определенно *антибуржуазными*, и именно их позиция способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах.

Важно то, что эта антибуржуазность органов рабочего самоуправления была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека *ненавистью к классовому разделению*, категорией не социальной, а цивилизационной. Фабзавкомы предлагали владельцам стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику взять его трудовую норму и стать членом общины). Всякое согласие представителей бывших привилегированных сословий находило отклик. Наблюдая процесс развития этой общности, Ленин писал о рабочем, включенном в фабзавком: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» [см. 124, с. 86].

Стоит отметить, что термины *классовая борьба* или *классовая ненависть* обозначают разные явления в разных культурах.

А что такое классовая ненависть на первых этапах становления западного капитализма? Историки (Ф. Бродель) относят возникновение упорной классовой ненависти в период Возрождения. Тогда в городах при первых признаках чумы богатые люди выезжали на свои загородные виллы, а бедные оставались в зараженном городе, как в осаде (но при хорошем снабжении во избежание бунта). Происходило «социальное истребление» бедняков. По окончании эпидемии богачи сначала вселяли в свой дом на несколько недель беднячку-«испытательницу». Жан Поль Сартр писал: «Чума действует лишь как усилитель классовых отношений: она бьет по бедности и щадит богатых» [25, с. 97].

А в России накануне гражданской войны с буржуазией фабзавкомы предлагали буржую стать членом трудового коллектива, а помещику стать членом общины. Пришвин, будучи по образованию агрономом и помещиком, после Февральской революции уехал в свое поместье в Орловской губернии, получил от крестьянского Совета при разделе «трудовые» 16 десятин земли и работал на своем наделе.

В Центральной России фабзавкомы были охвачены 87% средних и 92 % крупных предприятий. Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов, видно, что рабочие уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и что перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соответствии с их представлениями о добре и зле. В постановлениях фабзавкомов, многие из которых написаны эпическим стилем, напоминающим крестьянские наказания и приговоры, нет абсолютно никакой агрессивности, а видна спокойная и даже радостная сила. Рабочие именно предлагали мир и братство и надеялись на эту возможность. С самого начала организованного этапа борьбы она рассматривалась и рабочими, и крестьянами как *народное дело*. Они не считали ее ни бунтом, ни «политикой» — святым делом!

Когда после Кровавого воскресенья, 29 января 1905 г., была учреждена комиссия для рассмотрения, совместно с промышленниками, требований рабочих («комиссия Шидловского»), то выдвижение политических требований на этой комиссии заранее было объявлено неприемлемым. Рабочие с этим согласились. Вот как они давали наказания своему представителю: «Ты там в комиссии-то насчет политики не больно... Ну ее к лешему! — О политике? Да Боже

меня сохрани, но чтобы свободу слова дали... И нужно еще будет сказать, чтоб арестованных выпустили. Еще, я думаю, — сказать, чтоб наши заседания в газетах печатались и все полностью, конечно... Нужно, мол, нам свободу союзов, собраний, а самое главное, свободу стачек... Насчет государственного страхования... — Не забудь чего-нибудь... Как сегодня все говорили, так там и валяй... А политики не нужно» [126].

Важный момент: появление фабзавкомов вызвало острый конфликт в среде социал-демократов. Меньшевики, ориентированные на опыт рабочего движения Запада, стремились «европеизировать» русское рабочее движение по образцу западноевропейских профсоюзов и сразу же отрицательно отнеслись к фабзавкомам как «патриархальным» и «заскорузлым» органам. Поначалу фабзавкомы (в 90% случаев) помогали организовать профсоюзы, но затем стали им сопротивляться. Например, фабзавкомы стремились создать *трудовой коллектив*, включающий в себя всех работников предприятия: инженеров, управленцев и даже самих владельцев. Профсоюзы же разделяли этот коллектив по профессиям, так что на предприятии возникали организации десятка разных профсоюзов из трех-четырех человек.

Часто рабочие считали профсоюзы чужеродным телом в связке *фабзавкомы-Советы*. Говорилось даже, что «профсоюзы — это детище буржуазии, завкомы — это детище революции». В результате к середине лета 1917 г. произошло размежевание — в фабзавкомах преобладали большевики, а в профсоюзах меньшевики.

Чураков пишет: «В реальности происходившее было во многом не чем иным, как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует противоборство двух ориентаций революции: стать ли России отныне “социалистическим” вариантом все той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из того тупика, в котором он оказался в результате империалистической бойни» [124, с. 85].

После Октября конфликт марксистов с фабзавкомом обострился и переместился в ряды большевиков, часть которых заняла ту же позицию, что и меньшевики. Это выразилось в острой дискуссии по вопросу о *рабочем контроле*. Установка на государственный капитализм не оставляла места для рабочего самоуправления. Ленин с большим трудом провел резолюцию в поддержку рабочих комитетов. Однако в дальнейшем, в процессе индустриализации, когда на стройки и на заводы пришла крестьянская молодежь, профсоюзы все же приобрели сущность *фабзавкомов*. Они не разделяли работников завода по профессиям, а всех объединяли в один трудовой коллектив.

Рабочее самоуправление было массовым *стихийным* движением. Идейной основой его была общинная философия, и по своему типу она не была и «партийной». Ленин в сентябре 1917 г. в работе «Русская революция и гражданская война» писал: «Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции — вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты» [61, с. 217].

Однако надо кратко отметить другую сторону рабочего самоуправления как массового *стихийного* движения. Оно дважды создавало кризис Советскому государству (1918 и 1921 гг.). Здесь рассмотрим ситуацию 1918 г.

Выше уже было сказано, что в системе крестьянского общинного коммунизма была компонента *анархического коммунизма*. В условиях бедствий анархический коммунизм трансформируется в *бунт*. Весной 1918 г., когда еще не была создана структура «военного коммунизма» и, прежде всего, *продразверстки*, положение обеспечения городов продовольствием было на грани катастрофы. Это положение усугублялось саботажем предпринимателей, банков и чиновников, а также политическими конфликтами с социалистическими партиями (меньшевиками и эсерами) и чрезвычайными срочными программами укрепления государства — созданием Красной армии и расформированием вооруженных сил политических организаций (Красной гвардии, иррегулярной милиции, отрядов анархистов и националистов и др.). Все эти факторы били непосредственно именно по рабочим.

Значительная часть квалифицированных рабочих больших заводов (особенно военных) были сторонниками меньшевиков и эсеров, а часть молодых рабочих, прибывших из деревни, были сторонниками эсеров. В момент Октябрьской революции практически все поддерживали большевиков, да и массовый приток в РКП(б) не мог быстро освоить доктрину большевиков, тем более, что их доктрина сама была в состоянии становления. Каждое программное выступление Ленина ставило новые задачи и новые альтернативы действий. Это после эта доктрина утряслась и упростилась, а тогда люди пошли за звездой, которая вела к Царству добра.

Люди, которые совершили революцию, радикализовали каждое потрясение и утрату иллюзии. Для многих было ударом разгон Учредительного собрания и объявление врагами депутатов, за которых они голосовали. Но это эта часть рабочих еще пережила. Но когда в Ярославле начались бои рабочей Красной гвардии с частями Красной армии, которая должна была разоружить рабочих, стал вызревать мятеж.

Столкновения при разоружении отрядов Красной гвардии произошли в Рыбинске и Нижнем Новгороде, в Нижнем Тагиле и других городах Урала. А в Ижевске мятеж рабочих-красногвардейцев подавлять прислали отряды матросов — с применением артиллерии. Эти отряды Красной гвардии были организованы эсерами и были отважными бойцами и Октябрьской революции. В их представлении произошел разрыв *государственной власти и диктатуры пролетариата*.

Круговая порука революционного подполья и партийная солидарность были в России очень сильны. Чураков пишет: «Если в Октябре 1917 г. рабочая милиция прочих питерских заводов участвовала в установлении советской власти, то на Обуховском заводе эсерам удалось сформировать единственный во всей России “пролетарский ударный батальон смерти”, стоявший на защите Временного правительства» [127, с. 164].

Протесты и столкновения с советской властью рабочих — ветеранов революций, были мотивированы в большой степени политическими противоречиями в состоянии эмоционального стресса и крайнего духовного напряжения. Они вели других товарищей на митинги, демонстрации и вооруженные столкновения. Но помимо этих

политизированных рабочих была крупная группа *анархических* стихийных коммунистов.

Чураков пишет: «Рабочий класс промышленного Центра России был по своей природе архаичен, формы его протеста были ближе к традиционным формам прежней, аграрной эпохи. Отсюда их меньшая организованность, большая разрушительность. В условиях начинавшейся гражданской войны это было особенно опасно... Бедственное положение вовлекало в протестные выступления не только передовых рабочих, но наиболее отсталые, маргинальные слои рабочего класса. Свое выражение это находило в росте бунтарства и погромных настроений среди рабочих...

Нередко стихийные протесты рабочих на почве голода перерастают в настоящие бунты» [127, с. 38, 42, 44].

Наблюдая во время революций и гражданской войны за людьми в деревне и малых городах в центральной России, Пришвин много думал над тем, какие социальные типы являются противниками коммунистов. В своих дневниках он описывает эти типы в разных вариациях, глядя на них под разными углами. Вот одна из его записей о митинге, 20 января 1919 г.:

«После речи о счастье будущего в коммуне крики толпы:

— Хлеба, сала, закона!

И возражение оратора:

— Товарищи, это не к шубе рукава. Товарищи, все мы дети кособоких лачуг, все мы соединимся.

— Соли, керосину, долой холодный амбар!

— Товарищи, все это не к шубе рукава!

Власть — это стальная проволока, провод необходимости, из оборванного провода необходимости вылетают искры свободы, дикий свет этих искр зловещим пламенем осветил тьму, и так будет, пока ток не будет заключен.

Тогда вышел какой-то разноглазый Фомкин брат и начал со своей “точки зрения”: он дикий анархист, ворует лес, разрушает усадьбы — “змеиные гнезда” и что ему надо жить — аргумент против коммуны. Эта чернь косоглазая преступная уже отмахнулась от коммуны... Их существование, как подтверждение монархии, их может удовлетворить только бесспорная власть, которая насядет так, что и пикнуть невозможно, они оборванные концы провода необходимости (власти) с

вылетающими искрами свободы, дикий свет этих искр освещает тьму, пока ток не будет замкнут и сила заключения не двинет винт фабрики, поезда, машины... Три класса: шалыган, маленький человек, буржуй — все против коммуны».

Сейчас историки собрали много материалов, чтобы сделать оценки и масштабов конфликтов рабочих с советской властью, и сделать выводы о глубине этих противоречий. Чураков сформулировал резюме этих выводов, которые представляют следующее:

— *Однако все попытки использовать вялотекущий протест в рабочей среде в этот период [март-апрель 1918 г.] плодов не приносили...* Настоящий накат протестных выступлений рабочих начинается с мая 1918 г... Ситуация складывалась более противоречиво. Во-первых, рост рабочего протеста еще не означал падения в рабочей среде позиций большевиков (одновременно с антибольшевистскими выступлениями быстро росло количество фабзавкомов и комиссий рабочего контроля). Но и разочарование рабочих в политике большевиков еще не свидетельствовало об их переходе на позиции правых социалистов.

— Собранные С.Г. Струмилиным данные позволяют определить количество петроградских рабочих, участвовавших в массовых выступлениях протеста примерно в 40-50 тыс. человек, что составляет примерно 10-15 % от общего числа петроградских рабочих. В самых выступлениях против советской власти в разные месяцы 1918 г. участвовало от 5 до 20% рабочих по разным регионам страны или, если брать в абсолютных цифрах, 100-250 тыс. человек... Протестного элемента в рабочей среде в 1918 г. было явно недостаточно, чтобы взорвать режим изнутри.

— Если говорить об основных причинах участия рабочих в погромных выступлениях весны — лета 1918 г., то важнейшей среди них будет все же *голод*.

— Но хотя подобные эксцессы по-прежнему представляли угрозу советской власти, в целом *к осени протестный активизм рабочих, направленный против большевиков, начинает ощутимо спадать* (см. [127]).

Спад волны протестов, беспорядков и бунтов во многом был достигнут благодаря быстрой реакции власти и рациональной меры средств подавления, а также выступлениям Ленина. Они отличались

здравым смыслом определения этих эксцессов, которые были поддержкой большинства рабочих — ведь их доводы охлаждали бунтующих товарищей.

Вот выдержка из его работы, напечатанной 28 апреля 1918 г.:

«Объективное положение, созданное крайне тяжелым и непрочным миром, мучительнейшей разрухой, безработицей и голодом, которые оставлены нам в наследство войной и господством буржуазии (в лице Керенского и поддерживающих его меньшевиков с правыми эсерами), — все это неизбежно породило крайнее утомление и даже истощение сил широкой массы трудящихся. Она настоятельно требует — и не может не требовать — известного отдыха...

В мелкокрестьянской стране, только год тому назад свергнувшей царизм и менее чем полгода тому назад освободившейся от Керенских, осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну, создалось немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления...

Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, то есть принуждения для перехода от капитализма к социализму... Понятно, что такой переход немыслим сразу. Понятно, что он осуществим лишь ценою величайших толчков, потрясений, возвратов к старому, громаднейшего напряжения энергии пролетарского авангарда...

Возьмите психологию среднего, рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы, сопоставьте эту психологию с объективными, материальными условиями его общественной жизни... Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидел сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто «взять», хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели, к возврату Корниловых. Соответственный перелом в условиях жизни (а следовательно, и в психологии) рядовой трудящейся массы только-только начинается. И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению, — осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины» [128].

В условиях широких протестов рабочих был выбран умеренный вариант экономической политики в промышленности. В основу политики ВСНХ была положена концепция «госкапитализма», готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной капитала. Но это вызвало резкую критику «слева» как отступление от социализма. Критиковали и левые эсеры с меньшевиками, хотя до этого обвиняли большевиков в преждевременности социалистической революции. Спор о месте государства в организации промышленности перерос в одну из самых острых дискуссий в партии.³²

Ленин стремился избежать «обвальной» национализации и остаться в рамках государственного капитализма, чтобы не допустить развала производства. Он требовал налаживать производство, контроль и дисциплину, требовал от рабочих технологического подчинения «буржуазным специалистам». Но этот умеренный для восстановления производства вариант не прошел. На него не пошли капиталисты, и с ним не согласились рабочие.

После изучения ситуации предложение о «государственном капитализме» было снято и одновременно отвергнута идея «левых» об автономизации предприятий под рабочим контролем. Был взят курс на планомерную и полную национализацию. Против этого «левые» выдвинули аргумент: при национализации «ключи от производства остаются в руках капиталистов» (в форме специалистов), а рабочие массы отстраняются от управления. В ответ на это было указано, что восстановление производства стало такой жизненной необходимостью, что ради него надо жертвовать теорией. СНК принял решение о национализации всех важных отраслей промышленности, о чем и был издан декрет.

Декрет постановил, что пока ВСНХ не наладит управление производством, национализированные предприятия передаются в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам, которые по-прежнему финансируют производство и извлекают из него доход.

Советский строй с самого начала породил необычный тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «земляков». Соединение, кооперация производства с «жизнью» является

источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Это переплетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. На самом деле это — особенность России. Эту особенность искоренить непросто — без советского строя, за 30 лет реформ, даже на приватизированных предприятиях.

А в 1918 г. Гражданская война заставила установить реальный контроль государства над промышленностью. Как считает Чураков, «только начало Гражданской войны и крупномасштабной национализации позволили большевикам переломить ситуацию». Для нашей темы главное то, что во всех критических ситуациях большевики *беспристрастно изучали* эти ситуации и находили способ «переломить» их. В российской политике того времени этот подход был новым и необычным, и автором этого подхода был Ленин.

Наша беда в том, что за последние полвека советские и российские политики утратили навыки использовать этот подход.

Глава 15. СССР: сборка исторической России

Для Ленина едва ли не самой сложной программой была «сборка» Российской империи, рассыпанной после Февральской революции. Надо было решить проблемы, поставленные распадом империи и взрывом этнического национализма, порожденного буржуазией нерусских народов (буржуазия в РСФСР была нейтрализована). Февральская революция резко изменила установки национальных элит.

Когда установилась Советская власть, вне РСФСР простиралось *разорванное* пространство, на частях которого националисты старались создать подобия государств. Возникла «независимая Грузия» с премьер-министром меньшевиком Жордания, которая «стремилась в Европу» и искала покровительства у Англии. Возникла «независимая Украина» с председателем Центральной Рады националистом Грушевским, близким к эсерам, и социалистом Петлюрой. «Народная Громада» провозгласила полный суверенитет Белоруссии, возникла автономная Алаш Орда в Казахстане — везде уже существовала европеизированная этническая элита в поисках иностранных покровителей. Прибалтийские республики были на время отторгнуты от России с помощью Германии, а затем Антанты.

Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле их идеология была «имперской»). Но какой могла быть форма вновь собранной исторической России?

Реальной альтернативой в ходе Февральской революции была *либерально-буржуазная*. Она была принципиально *антиимперской*. С.Н. Булгаков писал, что моделью государственности для России не мог быть «деспотический автаркизм татарско-турецкого типа, возведенный в этот ранг Византией и раболепствующей официальной церковью; ею должна была стать федеративная демократическая республика» [110]. Это — отрицание «самодержавного централизма». Об этой проблеме шли дискуссии с начала XIX в.

Уже в первой трети XIX в. считалось, что Россия вызревала как федерация *народов*. Декабристы разрабатывали две программы государственного устройства: Пестель — унитарного и Никита Муравьев — федерального. В статье об истории этого процесса Н.Н. Алексеев пишет: «С развитием революционного движения в России во второй четверти XIX — первом пятилетии XX в. принцип национального самоопределения начинает преобладать над принципом областничества. Русская революционная интеллигенция разных группировок начинает пробуждать и поддерживать децентрализационные силы русской истории, дремавшие в глубоких, замиренных империей настроениях различных, вошедших в Россию, народностей» [111].³³

С полной определенностью принцип национального самоопределения был декларирован в программе партии «Народная воля». В начале XX в. возникают национальные революционные движения и партии с сепаратистскими установками (например, армянская партия Дашнакцутюн). Временное правительство, пытаясь собирать разваленную им же Российскую империю по шаблонам западных федераций, принципиально не могло построить *никакой государственности*. Важнейший для нашей темы исторический факт состоит в том, что эти настроения господствовали во всем революционном движении России. Это значит, что реальной возможности учредить в ходе Гражданской войны унитарное государство, разделенное на *безнациональные* административные единицы, не существовало.

Вот основные доводы для выбора модели государства как федерации. Первое условие, которое предопределило выбор советской властью федерализма — *укорененность* этой идеи в общественном сознании.

Накануне Февральской революции Ленин был *противником* федерализации. Он выступал за трансформацию Российской Империи в русскую демократическую республику — *унитарную и централистскую*. Это видно и из его опубликованных тогда трудов, и из его конспектов, в которых он делал выписки при изучении федерализма. В момент революции большевики были как раз *менее* федералистами, чем другие партии. Большевики в принципе были за сильное, крупное, централизованное государство, а самоопределение

рассматривалось Лениным как *нецелесообразное* право. Это видно и из его труда «Государство и революция».

Он писал: «Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как “шаг вперед” при известных особых условиях...

Энгельс с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно распространенный — особенно среди мелкобуржуазной демократии — предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это неверно. Факты, приводимые Энгельсом относительно централистической французской республики,... опровергают это. Свободы *больше* давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая» [112].

Ленин считал федерацию вынужденным временным состоянием, о чем говорил в работах 1914 г. Буквально накануне Октябрьской революции Ленин вернулся к вопросу о самоопределении народов и отделении частей бывшей Российской империи от Советской России. Обсуждая пересмотр партийной программы 19-21 октября 1917 г., он подчеркнул: «Мы вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения, поэтому не ставим лозунга объединения всех и всяких государств вообще, ибо на очереди дня социальная революция ставит объединение только государств, перешедших и переходящих к социализму, освобождающихся колоний и т. д... Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа *привлекала* к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением. Иначе нарушается единство и братский союз рабочих всех стран» [207].

На 3-м Съезде Советов (январь 1918 г.) Ленин сказал: «Мы действовали без дипломатов, без старых способов, применяемых империалистами, но величайший результат налицо — победа революции и соединения с нами победивших в одну могучую революционную федерацию. Мы властвуем, не разделяя, по жестокому закону Древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. И наш союз, наше новое государство прочнее, чем насильническая власть, объединенная ложью и железом в нужные для империалистов искусственные государственные образования... Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима» [113].

В 1920 г. Ленин писал в Тезисах ко II конгрессу Коминтерна: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в РСФСР к другим советским республикам..., так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)» [114].

Очевидно, что Ленин первым оценил обстановку и в начатой Гражданской войне — она именно создала «известные особые условия». Условия в рассыпанной Российской империи в 1917 г. не имели подобия условиям Франции 1772-1798 гг.

Ленин это быстро понял, хотя другие руководители (например, Дзержинский и Сталин) продолжали быть за *унитарное* государство, и их поддерживало руководство большинства советских республик. Потому Сталин и выдвинул план *автономизации* — объединение всех республик в составе РСФСР на правах автономий. Однако в ходе обсуждения большинство, в том числе Сталин, согласились с доводами Ленина.

Вот суждения Н. Алексеева в этом контексте: «При наличии децентрализационных процессов в России, особенно обнаружившихся в революции 1917 г., форма федерализма, которую можно назвать советской, обладает целым рядом преимуществ, недостаточно оцененных современной политикой. Политика эта при оценке советского федерализма обычно строит такого рода суждение: советский федерализм не похож на федерализм западный, а потому он

вообще не может быть назван федерализмом и должен быть признан системой дефектной и ничего не стоящей...

Между тем условия политической жизни России и государств западной культуры — весьма различны, и нормальное для Запада может быть совершенно непригодным у нас. При наличии в России децентрализационных процессов было бы прямым безумием с ними не считаться... Безумием было бы, если бы будущее правительство России повторило по отношению к децентрализационным процессам все ошибки самодержавия и все ошибки белого движения... Для реальной политики за точку отправления следует принять не заветы отживших эпох и не радикальные бредни, а ту фактическую ситуацию, которая стихийно выросла» [111].

В 1920 г. нарком по делам национальностей Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии всегда рассматривались красными как явление *гражданской войны*, а не *межнациональных войн*.

Сейчас многие считают ошибкой решение создавать СССР как федерацию — с *огосударствлением* народов и народностей бывшей Российской империи. Дескать, если бы поделили страну на губернии, без национальной окраски и без права самоопределения, то и не было бы никакого сепаратизма. Но все царские правительства принципиально отказались от политики *планомерной ассимиляции* нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия. Русская культура по традиции также исключала насильственную ассимиляцию народов как политическую технологию. Представление о принципах межнационального общежития основывалось на образе *семьи народов*.

Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тем, посредством которых очистили для себя территории англосаксонские колонисты. Здесь не создавался «этнический тигель», сплавляющий потоки иммигрантов в новую нацию (как в США). Здесь не было и апартеида в самых разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах. В III Государственной Думе представитель мусульманской фракции заявил: «Между нашим национальным бытием и русской государственностью никакой пропасти не существует; эти две вещи совершенно совместимы» [115].

Для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба.

При тех формах этнического общежития в России даже привязка народностей к территориям представляла собой задачу, которая не имела решения для всех. Исторически расселение племен и народов шло на территории вперемешку. Однородность, достигнутая в Западной Европе, возникла лишь в процессе «сплавления» народов и этносов в нации. Поскольку в России такого сплавления не производилось, мест с «чистым» в этническом отношении населением было очень немного. В России была сильна *историческая инерция* того типа межэтнического общежития, который был принят еще со времен Киевской Руси. Евразийцы называли его «симфония народов». Те русские патриоты, которые сейчас не принимают устройства СССР, никогда не говорят, какая из реально известных альтернатив им по душе. Похоже, им ближе вариант этнического тигля, хотя гласно этого никто не признает.

Многие философы отмечают, что именно в программах большевиков сильнее всего проявилась преемственность с траекторией российской истории. Если так, то ничего нельзя было поделаться!

Вспомним реальность. Еще до образования СССР сама Российская Федерация представлялась как «союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом». То есть с самого начала государственного строительства в России стали возникать *этнополитические территориальные образования*.

Большевики *унаследовали* национальные движения, которые уже вырели в царской России и активизировались после Февраля. Для советской власти не существовало дилеммы: сохранить национально-государственное устройство Российской империи — или преобразовать ее в федерацию республик. Собираение бывшей империи могло быть проведено или в *войне* с национальными элитами регионов — или через их *нейтрализацию* компромиссом.

Второе условие, которое определило выбор модели СССР как федерации: на территории бывшей Российской империи шли гражданские войны и интервенция иностранных вооруженных сил 14 государств. Э. Карр пишет: «Повсюду на территории нерусских окраин

проблема самоопределения безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны... Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира... В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик (или антибольшевик), рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны» [63, с. 220].

Распад Империи породил межнациональные конфликты, они ударили и по русским. Эффективную защиту населению обеспечила именно сборка СССР — и модель государства, и межнационального общежития, и в целом человеческие отношения, а также советская Красная армия. Белые, следуя доктрине «единой и неделимой», не могли ни обратиться за помощью к просоветским группам трудящихся, ни вести реальную войну с буржуазной властью возникших антироссийских «независимых» государств.

Деникин писал: «В то время как закавказские народы в огне и крови разрешали вопросы своего бытия, в стороне от борьбы, но жестоко страдая от ее последствий, стояло полумиллионное русское население края, а также те, кто, не принадлежа к русской национальности, признавали себя все же российскими подданными».

И что могла сделать Добровольческая армия?

Деникин излагает переговоры с грузинскими представителями 12 и 13 сентября 1918 г.: «Открыл заседание ген. Алексеев приветствием “дружественной и самостоятельной Грузии” и заверением, что “с нашей стороны никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет. Но, дав такое обеспечение от имени Добровольческой армии и кубанского правительства, мы должны ожидать равноценного отношения со стороны грузинского правительства к нам”... Затем с большою горечью, словами резкими, не облеченными в дипломатические формы, он нарисовал картину тяжелого и унижительного положения русских людей на территории Грузии» [116].

Навела порядок в Грузии Красная армия, и в феврале 1921 г. возникла Грузинская ССР, которая в 1922 г. вошла в Закавказскую Федерацию.

То же самое было на Украине. Вспомним «Белую гвардию» («Дни Турбиных») М. Булгакова. Кому служили офицеры Белой гвардии и в

кого стреляли? Они служили немцам и их марионетке — гетману Скоропадскому, и мечтали о вторжении в Россию французов и сенегальцев. Вот какова была их служба: «И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков». Потому-то треть офицеров перешла в Красную армию.

Добровольческая армия, которая формировалась на Дону и Кубани с целью реставрировать «единую неделимую» Россию, натолкнулась на сопротивление казачества. Атаман Каледин заявил: «Россия должна составлять единую демократическую федеративную республику... Признавая единство Российской республики, казачество входит в нее на правах федерации». Кубанский атаман генерал Филимонов объяснял: «Причины антагонизма между главным командованием и кубанским представительным учреждением заключались в резких политических разногласиях... Трудно было примирить прямолинейный консервативный централизм Ставки с федералистическими и даже самостийными течениями». Историк казачества Ю.К. Кириенко пишет: «Великодержавная, не гибкая политика главнокомандующего вооруженными силами на Юге России Деникина по отношению к казачеству явилась одной из важных причин краха белого движения в этом регионе. Кубанский атаман Филимонов, анализируя конфликт Кубанской Рады с Добровольческой армией, отметил, что “Деникин подрубил сук, на котором сидел сам”» [117].

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не новую *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало этнический национализм, возникший при «обретении независимости». Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России и другим народам очень много крови. Работа по «собираанию» страны велась во время войны с самого начала.

Известен результат предложенных принципов Союза Украине. Глава правительства (Директории) В.К. Винниченко признал в эмиграции (1920) «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками. Окончательное политическое банкротство украинских националистов

произошло в 1920 г., когда Петлюра (социалист и националист) заключил договор с Пилсудским — с буржуазной Польшей, национальными врагами украинских крестьян. Член ревкома Галиции Ф. Конар (националист, внедренный в ревком) сообщал Винниченко, что на правобережной Украине «отношение к России настолько хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же “проклятые” галичане» [118].

Красная армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была той силой, которая стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну — и она нигде не воспринималась как иностранная. Воссоединение произошло *быстро*, до того как сепаратисты успели легитимировать свои «государства». В 1990-е гг. их внукам пришлось создавать исторические мифы об «утраченной независимости».

Националисты не могли ничего противопоставить сплывающей идее союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов прежней России. Альтернативная *национальная политика «белых»* кончилась крахом. Выдвинув имперский, но буржуазный лозунг единой и неделимой республики «Россия», белые сразу были вынуждены воевать «на два фронта» — на социальном и национальном. Это во многом предопределило их поражение. Эстонский историк тех лет писал, что белые, «не считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков — местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью».

Скорее всего, в тот момент не было иного пути собрать Россию и кончить гражданскую войну. С.В. Чешко, автор взвешенной и беспристрастной книги, считает, что «образование СССР явилось наиболее вероятным в тех условиях решением проблемы обустройства постреволюционной России». Он считает, что мессианское восприятие русскими марксистами идеи мировой революции, а затем и представление России как носителя этой идеи «по ее глобалистской направленности и сакрализованному характеру была в известном смысле модификацией теории Третьего Рима» [119].

Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»:

«В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм.

Мощно звучавшая в границах “тюрьмы народов” национальная идея оказалась кооптированной и надолго прирученной при посредстве лапидарной формулы “национальное по форме, социалистическое по содержанию”... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества» [120].

Ленинской группировке в 1918-1921 гг. удалось добиться сосредоточения реальной власти в Центре с таким перевесом сил, что вплоть до 1980-х гг. власть этнических и местных элит была гораздо слабее Центра. Это обеспечили такие управленческие факторы: система сетевой власти партии, подчиненной Центру; полное подчинение Центру прокуратуры и карательных органов; создание унитарной системы военной власти, «нарезающей» территорию страны на безнациональные военные округа; политика в области языка и образования. А главное — новые социальные формы и межэтнические отношения.

Огосударствление этничности в развивающемся *советском* обществе не имело разрушительного характера потому, что этничность занимала в сознании людей небольшое место — мысли и чувства были заняты перспективами, которые открывало советское общество.

А.С. Панарин писал: «Этническая специфика как принадлежность малого жизненного мира, не отменяющая универсалии публичного большого мира, — такова стратегия модерна... В СССР действовала доминанта модерна: культуры союзных республик были национальными *по форме*, но едиными — социалистическими — *по содержанию*. Это социалистическое содержание было на самом деле европейско-просвещенческим. Парадокс коммунизма состоял в том, что он подарил “советскому человеку” юношеское прогрессистское сознание, преисполненное той страстной веры в будущее, которая уже

стала иссякать на Западе. Молодежь всех советских республик принадлежала не национальной традиции — она принадлежала прогрессу» [121, с. 170].

Государство выполняет одну из главных функций — организации и содержания систем и институтов, которые непосредственно *воспроизводят* народ. К ним относятся, например, народное хозяйство, армия и народное образование (школа). Государство собирает и сохраняет народ и как человеческую популяцию. Мировоззренческий и политический раскол народа и власти порождает центробежные тенденции — распад страны на множество уездов и республик. Кроме расхождения народа и государства, произошел еще тяжелый раскол: из народа в дореволюционной России была исключена, помимо чиновников, возникшая в процессе модернизации особая группа — *интеллигенция*.

Причины этого обоюдного разделения (при всем *народопоклонстве* русской разночинной интеллигенции) — очень большая тема, одна из главных в русской философии начала XX века. А. Блок написал в статье «Народ и интеллигенция»: «Народ и интеллигенция — это два разных стана, между которыми есть некая черта. И как тонка эта черта между станами, враждебными тайно. Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны» [122].

России удалось пережить катастрофу революции и собрать свои земли и народы, потому что за десять лет до 1917 г. была начата работа по созданию центральной мировоззренческой матрицы и технологии сборки обновленного народа России. Тогда Россию спасло то, что подавляющее большинство населения было организовано в *крестьянские общины*, а в городах в *трудовые коллективы*. Они начали сборку будущего *советского* народа в рамках самоорганизации. Как любая большая система, народ может или развиваться и обновляться, или деградировать. *Стоять* на месте он не может, застой означает распад соединяющих его связей. Матрицу для пересборки народа пришлось достраивать в Гражданской войне, когда альтернативные проекты проверялись абсолютными аргументами.

После Гражданской войны основная масса чиновников и интеллигенции рекрутировалась уже из тех, кто прежде принадлежал к

«трудящимся». Более того, в массе своей госаппарат был заполнен бывшими командирами Красной армии, выходцами из крестьян и средних слоев малых городов центральной России. Как пишут, здесь исторически сформировался «специфический социокультурный элемент и самостоятельный культурно-антропологический тип человека в рамках русского этноса, который нельзя считать ни интеллигенцией, ни пролетариатом. Они были настроены очень сильно против дворян и выступили против Белого движения осенью 1919 года».

О роли этой части народа сказано: «В конце Гражданской войны Красная армия, составлявшая 5 млн человек, превратилась в основной канал набора в большевистскую партию. Ветераны Красной армии образовали костяк советской администрации. Представители нового поколения Гражданской войны из провинций сформировали новый растущий элемент в партии. Сталин мог уверенно опереться на новое поколение Гражданской войны родом из провинций» [123].

Так проект революции стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом. Именно в Гражданской войне народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Территория СССР уже в 1920-х гг. была защищена хорошо охраняемыми *границами*. И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе, в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

В населении СССР возникло общее *хорологическое* пространственное чувство (взгляд на СССР «с небес»), т. н. «общая ментальная карта». Территория была открыта для граждан СССР любой этнической принадлежности, а границу охраняли войска, в которых служили юноши из всех народов и народностей СССР. Все это стало скреплять людей в *советский народ*.

В целом, через все системы культуры советское общество выработало свою специфическую *центральную мировоззренческую матрицу*. Она видоизменялась со временем, в ней обновлялся ряд символов, но не вызывает сомнения, что существовало общее мировоззренческое ядро, через которое все народы СССР собирались в

надэтническую общность. Целый исторический период ему было присуще сочетание здравого смысла с *антропологическим оптимизмом* — уверенностью, что жизнь человечества может быть устроена лучше и что добро победит зло.

Важную роль в создании и поддержании этого общего ядра сыграла *единая общеобразовательная школа*, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности (синтезу Просвещения и космического чувства традиционного общества). Выросшая из русской культуры советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР, и прежде всего русский народ, к *русской классической литературе*. Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России.

А.С. Панарин пишет: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности. Если сравнить это с типичным чтивом американского массового “потребителя культуры”, контраст будет потрясающим... После этого трудно однозначно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность — советский народ: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее массово тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика» [121, с. 142-143].

Но это было позже. А в рамках Октябрьской революции так была решена главная проблема момента — закончить Гражданскую войну и снова собрать историческую Россию в одну страну на основе солидарного социалистического общества. Потому-то система была прочной. Отечественная война — экзамен. Эта программа соответствует одному из главных правил здравого смысла — каждое поколение должно решать ту критическую задачу, что выпала на его долю. Тогда на эти вызовы были найдены адекватные ответы — на целый исторический период.

СССР был «собран» как институт *советского строя*. Его конструкция была гармонизирована с политической, социальной и

культурной системами. Как только идея единого социалистического содержания национальных культур в СССР была в перестройке «репрессирована» и лишена политических и экономических оснований, наверх поднялась агрессивная этничность и была взорвана мина под СССР.

Глава 16. Доводы и противоречия относительно Брестского мира

Взяв власть под лозунгом «мира без аннексий и контрибуций», Советы начали переговоры с Германией о мире, и 3 марта 1918 г. был подписан Брестский мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Как и предвидел Ленин, длительного правового действия этот мир не имел и был официально аннулирован советским правительством 13 ноября 1918 г.

Но сам процесс развития решения выйти из коалиции в I Мировой войне и заключить сепаратный мир создавал острые противоречия в обществе и между политическими организациями, в международных отношениях и даже внутри партий (в том числе в партии большевиков). Логика и формы объяснения в советском руководстве и самого Ленина стали очень полезным уроком истории. Это был очень тяжелый диалог.

Коротко отметим изменения ситуации с момента Февральской революции.

Организация этой революции в России была во многом определена интересами коалиции Антанты. Ленин писал уже в марте 1917 года то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова» [178].

Еще в начале января генерал Крымов, приехав с фронта, выступил перед Родзянко, депутатами Думы, членами Госсовета и Особого совещания: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет» [173].

И октябристы (правые), и кадеты с меньшевиками ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. Но почти от всего населения Временному правительству было выставлено три требования: «Земли! Мира! Хлеба!». Все эти требования были взаимосвязаны. В формальном соглашении Временного правительства с Советом они назывались «триединой программой революции».

К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн человек, село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Тем не менее, по всей России посевная площадь крестьян под хлеба *выросла* на 20 %, а в частновладельческих хозяйствах *уменьшилась* на 50 %. В 1916 г. у частников вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. Общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посеvy хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия. Вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочника «Народное хозяйство в 1916 г.»: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью».

С вопросом о земле был тесно связан вопрос о *мире*. После свержения монархии идея немедленного прекращения войны овладела массами солдат еще и потому, что на селе началось стихийное решение земельного вопроса. Те, кто в этот момент был на фронте, оказывались отстраненными от участия в переделе земли. Пришвин, будучи в деревне, пишет о переделах: «Солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: “Тебя, Иван, тебя, Семен, тебя, Петр, мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить”».

В апреле военный министр Гучков заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Госдумы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на одном — на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи». Из-за этого между Временным правительством и Советами, солдатами и крестьянами быстро начались столкновения. В ответ на заявление Гучкова 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и эта демонстрация была обстреляна — впервые после

Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом (см. [174]).

Чтобы загнать солдат в окопы, летом пришлось снова ввести военно-полевые суды, попытаться начать репрессии. Это предельно озлобило солдат, к концу лета число дезертиров достигло 1 миллиона.

Огромная тяга к миру, возникшая сразу после Февральской революции, означала не только стремление к выходу из империалистической войны — люди надеялись на мир в самой России, в ее «мире». Пришвин записал в дневнике 31 марта 1917 г.: «Многим непонятен призыв к миру Совета, думают, что этот мир значит слабость, а на деле это призыв сильный, более сильный, чем “Война!”: мир всего мира — то, о чем молятся только в молитве “О мире всего мира!” — это признается рабочими».

О том, как преобразовалась Мировая война в гражданскую, Пришвин, живший в деревне и бывший уполномоченным от Госдумы, так записал в дневнике 21 мая 1917 г. (через три месяца после революции): «По городам и селам успех имеет только проповедь захвата внутри страны и вместе с тем отказ от захвата чужих земель. Первое дает народу землю, второе дает мир и возвращение работников. Все это очень понятно: в начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа — внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывно связана с капиталом. Свергают капиталистов — внутренних немцев».

Взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями — армия стала неуправляемой. В городах вооруженные солдаты втянулись в политическую жизнь и входили во все более непримиримый конфликт с Временным правительством. В деревнях дезертиры организовывали крестьян на передел земли.

В представлениях об армии Временное правительство допустило фатальную ошибку. Любая революция, которая разрушает прежние государственную, политическую и идеологическую системы, не может опереться на старую армию. Она должна быть демобилизована и создана новая, *революционная* армия. А долгая и тяжелая война соединила царскую армию, всю эту огромную массу людей, в

сплоченную организацию, причем организацию *коммунистического* типа (это смысл старого понятия *военный коммунизм*).

К концу лета стало ясно, что старая армия не могла воевать. Член Исполкома Петроградского Совета меньшевик Н.Н. Суханов в своих «Записках о революции» вспоминает, как 21 сентября 1917 г. на заседании Совета прибывший с фронта говорил: «Солдаты в окопах не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят сейчас одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут». Как пишет Суханов, на это слышались возгласы: «Этого не говорят и большевики!». Но офицер продолжал твердо: «Мы знаем, и нам неинтересно, что говорят большевики. Я передаю то, что я знаю и о чем передать вам меня просили солдаты» [136].

Последний военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский незадолго до Октябрьской революции, 18 октября на заседании Временного правительства выступил за заключение мира с Германией, но не получил поддержки. Он обратился к верхушке партии кадетов, но его отвергли, даже агрессивно. 20 октября он сделал на объединенном заседании Комиссий военных и иностранных дел Предпарламента тот же секретный доклад о положении в армии: «Я сказал прямо и просто всему составу Вр. правительства, что при данной постановке вопроса о мире катастрофа неминуема... В самом Петрограде ни одна рука не вступится в защиту Вр. прав., а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков... Действия правительства ведут к катастрофе» (см. [175]).

Верховский был отправлен в отставку. Суханов писал: «Среди “правителей” Верховский был не только ответственным, но и *добросовестным* человеком. И он с конца сентября забил тревогу не только в качестве военного министра, но и в качестве патриота. Он тоже видел, что армия не выдержит и воевать больше не может. И он поднял голос не только о ее усилении, о ее избавлении от голода, но и о *прекращении войны*» [136].

Декрет о мире выпустила Советская власть. Об этом много написано, но для нашей темы лучше представить объяснения, статьи и заявления самого Ленина, поскольку он в разных формах и в разных аудиториях создал целостную и убедительную картину столкновений мнений относительно Брестского мира. Эта картина до сих пор актуальна.

Критика большевиков, согласившихся на мир с Германией, была доктринальной — и внутри России, и в западном левом движении. И с самого начала этой информационной войны Ленин отвечал на критику ясными доводами, опираясь на здравый смысл и на продуманную логику.

Вот пример: уже в декабре 1917 г. немецкий республиканец Г. Фернау, живший в Швейцарии, в открытом письме обвинил Ленина в том, что он пошел на переговоры с военщиной Германии, вместо того, чтобы «довести до конца дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс от всякого рабства». Ленин ему ответил тоже открытым письмом, в котором говорилось: «Мы хотели бы спасти наш народ, который погибает от войны, которому мир абсолютно необходим. Требуете ли Вы, чтобы, если другие народы все еще позволяют губить себя, наш народ делал бы то же из духа солидарности?» [64].³⁴

Этот довод понятен и убедителен, хотя многие люди такие доводы просто игнорируют — и тогда, и сейчас.

Но самые тяжелые дебаты начались в форме конфликта в руководстве партии большевиков. Ленин подготовил тезисы — «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Это большой подробный материал, предназначенный для руководства партии. Его опубликовали через месяц острых споров и даже нарушений партийной дисциплины. В газете «Правда» этот материал он назвал «К истории вопроса о несчастном мире» [171].

О начале этого конфликта в партии относительно Брестского мира в 35-м томе Сочинений Ленина есть примечание: «Тезисы были оглашены В.И. Лениным 8 (21) января 1918 года на совещании членов ЦК с партийными работниками. Всего на совещании присутствовало 63 человека.

Из выступления Ленина на заседании ЦК 11 (24) января известно, что за ленинские тезисы голосовало 15 участников совещания, 32 человека поддержало позицию «левых коммунистов» и 16 — позицию Троцкого.

Тезисы были опубликованы только 24 февраля, когда большинство ЦК встало по вопросу о подписании мира на ленинскую позицию [172].

Из этого видно, какие глубокие расхождения вызывали в руководстве партии и как сложно было Ленину в небольшом меньшинстве убеждать опытных, умных и мотивированных и верных людей.

Ленин обращается к разным общностям с теми доводами, которые являются приоритетными для каждой общности. Эти доводы — представления, которые формулируют оппозицию в диалоге в обсуждении важной ценности конкретной общности. Таким образом, суждения Ленина сразу привлекают внимание соответствующей группы, активизируют рефлексию и вызывают внутренний диалог в этой общности. В этих суждениях Ленин не убеждает группу множеством доводов, а говорит о главном в группе товарищей, попутчиков, оппонентов или противников. Другие доводы, важные для других групп, они обдумывают позже.³⁵

Как пример, приведем обращение Ленина к *левым большевикам*, которые считали долгом Советской России начать революционную войну против Германии, чтобы поддержать немецких коммунистов, а не заключать «похабный» мир с империализмом. Вот фрагмент его статьи «О революционной фразе» 8 февраля 1918 г.:

«Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы...

О необходимости готовить революционную войну — в случае победы социализма в одной стране и сохранения капитализма в соседних странах — говорила наша пресса всегда. Это бесспорно.

Спрашивается, как пошла на деле эта подготовка после нашей Октябрьской революции?

Эта подготовка пошла так, что нам пришлось армию демобилизовать, мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непреодолимыми, что не только не возникло “течения” или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось. Кто захочет подумать о классовых причинах такого оригинального явления, как демобилизация армии Советской социалистической республикой, не окончившей войны с соседним

империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины в социальном строе мелкокрестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи. Демобилизация многомиллионной армии и приступ к созданию на добровольческих началах Красной Армии — таковы факты.

Сопоставьте с этими фактами слова о революционной войне в январе-феврале 1918 года, и вам станет ясна сущность революционной фразы.

Если бы “отстаивание” революционной войны, скажем, питерской и московской организацией не было фразой, то мы видели бы с октября по январь иные факты: мы видели бы решительную борьбу против демобилизации с их стороны. Ничего подобного не было и в помине.

Мы видели бы посылку питерцами и москвичами десятков тысяч агитаторов и солдат на фронт и ежедневные вести оттуда об их борьбе против демобилизации, об успехах этой борьбы, о приостановке демобилизации.

Ничего подобного не было.

Мы видели бы сотни известий о полках, формирующихся в Красную Армию, террористически останавливающих демобилизацию, обновляющих защиту и укрепление против возможного наступления германского империализма.

Ничего подобного не было. Демобилизация в полном разгаре. Старой армии нет. Новая только-только начинает зарождаться.

Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями, тот не может не видеть, что “лозунг” революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент. А лозунг, имеющий только такое содержание, и называется революционной фразой.

Дела нашей собственной партии и всей Советской власти, дела питерцев и москвичей большевиков показали, что дальше первых шагов к созданию Красной Армии из добровольцев пойти пока не удалось. От этого неприятного факта, но факта, — скрываться под сень декламации и в то же время не только не препятствовать

демообилизации, но и не возражать против нее, значит опьянить себя звуком слов.

Характерным подтверждением сказанного является тот факт, что, например, в ЦК нашей партии большинство виднейших противников сепаратного мира голосовало против революционной войны, голосовало против и в январе и в феврале. Что значит этот факт? Он значит, что невозможность революционной войны общепризнана всеми, не боящимися глядеть правде в лицо» [166, с. 343-345].

Вторая часть статьи обращена к более широкой аудитории. Убедительность ее опирается на *здравый смысл*, Ленин показывает, что сторонники революционной войны исходят из благородной нравственной ценности, но их представления о реальности иллюзорны:

«Взглянем на отговорки. Германия не “сможет наступать”, не позволит ее растущая революция. Что германцы “не смогут наступать”, этот довод миллионы раз повторялся в январе и начале февраля 1918 года противниками сепаратного мира. Самые осторожные из них определяли — примерно, конечно, — вероятность того, что немцы не смогут наступать, в 25-33 %. Факты опровергли эти расчеты. Противники сепаратного мира очень часто и тут отмахиваются от фактов, боясь их железной логики...

Заявление же некоторых из наших товарищей: “германцы не смогут наступать” было фразой. Мы только что пережили революцию у себя. Мы все знаем отлично, почему в России революции было легче начаться, чем в Европе. Мы видели, что мы не могли помешать наступлению русского империализма в июне 1917 г., хотя мы имели уже революцию не только начавшуюся, не только свергшую монархию, но и создавшую повсюду Советы. Мы видели, мы знали, мы разъясняли рабочим: войны ведут правительства. Чтобы прекратить войну буржуазную, надо свергнуть буржуазное правительство.

Заявление: “германцы не смогут наступать” равнялось поэтому заявлению: “мы знаем, что правительство Германии в ближайшие недели будет свергнуто”. На деле мы этого не знали и знать не могли, и потому заявление было фразой.

Одно дело — быть убежденным в созревании германской революции и оказывать серьезную помощь этому созреванию,

посильно служить работой, агитацией, братаньем, — чем хотите, только работой этому созреванию. В этом состоит революционный пролетарский интернационализм. Другое дело — заявлять прямо или косвенно, открыто или прикрито, что немецкая революция уже созрела (хотя это заведомо не так), и основывать на этом свою тактику. Тут нет ни грана революционности, тут одно фразерство.

Вот в чем источник ошибки, состоявшей в “гордом, ярком, эффектном, звонком” утверждении: “германцы не смогут наступать”...

Отговорка иного вида: “Но Германия задушит нас экономически договором по сепаратному миру, отнимет уголь, хлеб, закабалит нас”.

Премудрый довод: надо идти на военное столкновение, без армии, хотя это столкновение явно несет не только кабалу, но и удушение, отнятие хлеба без всяких эквивалентов,... — надо идти на это, ибо иначе будет невыгодный договор, Германия возьмет с нас 6 или 12 миллиардов дани в рассрочку, хлеба за машины и проч.

О, герои революционной фразы! Отвергая “кабалу” у империализма, они скромно умалчивают о том, что для полного избавления от кабалы надо свергнуть империализм.

Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что теперь мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его надо обязательно принять в интересах социалистической революции, которая еще слаба... Но пока выбор есть, надо выбрать сепаратный мир и архиневыгодный договор, ибо это все же во сто раз лучше положения Бельгии.

Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: “революционная фраза о революционной войне погубила революцию”» [166, с. 346-48, 50].

12 февраля Ленин опубликовал небольшую, но уже более жесткую статью «Тяжелый, но необходимый урок». Вот ее фрагменты:

«Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали на деле наш разрыв с империализмом... Мы — за защиту Советской социалистической республики России.

Но именно потому, что мы — за защиту отечества, мы требуем серьезного отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны... Преступление, с точки зрения защиты отечества, — принимать военную схватку с бесконечно более сильным и готовым неприятелем, когда заведомо не имеешь армии. Мы обязаны подписать, с точки зрения защиты отечества, самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир — не для того, чтобы “капитулировать” перед империализмом, а чтобы учиться и готовиться воевать с ним серьезным, деловым образом...

До сих пор перед нами стояли мизерные, презренно-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги... Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним надо бороться. С ним надо уметь бороться. Доведенная трехлетней войной до неслыханной разрухи крестьянская страна, начавшая социалистическую революцию, должна уклониться от военной схватки — пока можно, хотя бы ценой тягчайших жертв, от нее уклониться.

Не надо превращать в фразу великий лозунг: “Мы ставим карту на победу социализма в Европе”... Всякая абстрактная истина становится фразой, если применять ее к любому конкретному положению. Бесспорно, что “в каждой стачке кроется гидра социальной революции”. Вздорно, будто от каждой стачки можно сразу шагнуть к революции. Если мы “ставим карту на победу социализма в Европе” в том смысле, что берем на себя ручательство перед народом, ручательство в том, что европейская революция вспыхнет и победит непременно в несколько ближайших недель, непременно до тех пор, пока немцы успеют дойти до Питера, до Москвы, до Киева, успеют “добить” наш железнодорожный транспорт, то мы поступаем не как серьезные революционеры-интернационалисты, а как авантюристы» [167].

Вот пример расхождений среди организаций большевиков: статья Ленина «Странное и чудовищное» 28 февраля (6 марта, фрагмент):

«В резолюции, принятой 24 февраля 1918 г., Московское областное бюро нашей партии вынесло недоверие Центральному Комитету, отказалось подчиняться тем постановлениям его, “которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с

Австро-Германией”, и в “объяснительном тексте” к резолюции заявило, что “находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время”... [36](#)

Совершенно естественно, что товарищи, резко расходящиеся с ЦК в вопросе о сепаратном мире, резко порицают ЦК и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно. Но вот что странно и чудовищно. К резолюции приложен “объяснительный текст”. Вот он полностью:

“Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, причем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии.

В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы по-прежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России”.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычайной ясностью вскрывают корень их ошибки...

Почему этого [идти на утрату Советской власти] требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному, пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни единого словечка.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто возражал против сепаратного мира... Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких

экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде “узаконения” империализма?..

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами (“утрата Советской власти”), спасая немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы часть сил германской контрреволюции и этим спасли бы германскую революцию...

Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а помешали, “идя на возможность утраты Советской власти”. Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России Советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году.

Как ни верти, логики в рассуждениях автора не найти. Разумных доводов за то, что “в интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти”, нет... Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание “теории” о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы “экономические” доводы, в которые иногда облачают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно погибать!

Почему тягчайшие военные поражения в борьбе с колоссами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке?... Нет, дорогие товарищи из “крайних” москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не становится и не станет чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание неизмеримо более тяжкого и позорного мира, чем Брестский, бывало в истории,... не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, учило народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно-трудном положении под пятой сапога завоевателя» [168].

Оппозиция программе переговоров Ленина затянула переговоры и сорвала договор, что резко ухудшило положение России. Ленин сообщил об этом в двух коротких статьях. Первая «Мир или война?» 23 февраля (10 февраля). В ней он писал:

«Ответ германцев, как видят читатели, ставит нам условия мира еще более тяжкие, чем в Брест-Литовске... До сих пор я старался внушить партии бороться с революционной фразой. Теперь я должен делать это открыто. Ибо — увы! — мои самые худшие из предположений оправдались.

8 января 1918 года я прочел на собрании около 60 человек виднейших партийных работников Питера свои “тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира”... В этих тезисах (§ 13) я уже объявил войну революционной фразе, сделав это в самой мягкой и товарищеской форме (глубоко осуждаю теперь эту свою мягкость)... В тезисе 17-м я писал, что, если мы откажемся подписать предлагаемый мир, то “сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир”. Оказалось еще хуже, ибо наша отступающая и демобилизуемая армия вовсе отказывается сражаться.

Только безудержная фраза может толкать Россию, при таких условиях, в данный момент на войну, и я лично, разумеется, ни секунды не остался бы ни в правительстве, ни в ЦК нашей партии, если бы политика фразы взяла верх.

Теперь горькая правда показала себя так ужасающе ясно, что не видеть ее нельзя. Вся буржуазия в России ликует и торжествует по поводу прихода немцев. Только слепые или опьяненные фразой могут закрывать глаза на то, что политика революционной войны (без армии...) есть вода на мельницу нашей буржуазии. В Двинске русские офицеры ходят уже с погонами.

В Режице буржуа, ликуя, встретили немцев. В Питере, на Невском, и в буржуазных газетах смакуют свой восторг по поводу предстоящего свержения Советской власти немцами.

Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть» [169].

Теперь о патриотизме, который якобы был сосредоточен в привилегированных сословиях — в подтверждение сообщений Ленина. В «Окаянных днях» Бунина на каждой странице мы видим одну страсть — ожидание прихода немцев.

Читаем у Бунина: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоевывая, а «просто едут по железной дороге» — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В.В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию» и т. п.

А вот из Одессы: «Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче». Читаешь все это и вспоминаешь,

как представляли белых носителями идеала государственности и поносили советскую власть, которая в том феврале лихорадочно собирала армию, чтобы дать отпор немцам.

Пришвин записал в дневнике 19 февраля 1918 г. о разговорах на Невском проспекте:

«Сегодня о немцах говорят, что в Петроград немцы придут скоро, недели через две. Попик, не скрывая, радостно говорит:

— Еще до весны кончится.

Ему отвечают:

— Конечно, до весны нужно: а то и землю не обсемят, последнее зерно выбирают.

Слабо возражают:

— Думаете, немцы зерно себе не возьмут?

Отвечают убежденно:

— Возьмут барыши, нас устроят, нам хорошо будет и себе заработают, это ничего».

В статье «Серьезный урок и серьезная ответственность» (5 марта) Ленин писал:

«Новые условия хуже, тяжелее, унизительнее худых, тяжелых и унизительных брестских условий, в этом виноваты, по отношению к великороссийской Советской республике, наши горе-“левые” Бухарин, Ломов, Урицкий и К°. Это исторический факт, доказанный вышеприведенными голосованиями. От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам давали брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, доведя до худших условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете.

В моих тезисах от 7 января 1918 г. предсказано с полнейшей ясностью, что в силу состояния нашей армии (которое не могло измениться от фразерства “против” усталых крестьянских масс) Россия должна будет заключить худший сепаратный мир, если не примет Брестского...

Что “левые эсеры”, высказываясь за войну сейчас, заведомо разошлись с крестьянством, это факт. И этот факт говорит за несерьезность политики левых эсеров, как несерьезна была кажущаяся “революционной” политика всех эсеров летом 1907 года.

Что наиболее сознательные и передовые рабочие быстро сбрасывают с себя угар революционной фразы, показывает пример

Питера и Москвы. В Питере уже отрезвились лучшие рабочие районы, Выборгский и Василеостровский. Петроградский Совет рабочих депутатов не стоит за войну сейчас, он понял необходимость готовить и готовит ее. В Москве на городской конференции большевиков 3 и 4 марта 1918 года уже победили противники революционной фразы...

Кто не отмахивается от фактов, тот знает, что величайшей помехой для отпора немцам и в Великороссии, и на Украине, и в Финляндии в феврале 1918 г. была наша недемобилизированная армия.

Это факт. Ибо она не могла не бежать панически, увлекая за собой и красноармейские отряды.

Долой фанфаронство! За серьезную работу дисциплины и организации!» [170].

Общий результат: во всех критических столкновениях с группами оппозиции Брестскому миру Ленин смог убедить большинство.

Глава 17. НЭП

Период *Новой экономической политики* (НЭП) был едва ли не самым трудным и опасным для Советского государства. В нашем образовании история этого периода была смягчена и упрощена. НЭП представлялся логичным и всем очевидным после окончания Гражданской войны прекратить режим «военного коммунизма», освободить крестьян от тягот продразверстки, чтобы они могли свободно производить и продавать свои продукты потребителям. Наступило мирное время!

Как-то учебники, учителя и преподаватели школьникам и студентам не объяснили, что советская власть в октябре 1917 г. унаследовала катастрофическое состояние жизнеобеспечения городского населения и части сельского (ремесленников) еще без Гражданской войны. Более того, не объяснили, почему уже в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», а 23 сентября 1916 г. царское правительство объявило продразверстку, что и называлось «военным коммунизмом». Объявленная на 1917 г. царским правительством продразверстка провалилась из-за распада системы управления. Не объяснили, почему Временное правительство, будучи по своей философии буржуазным, также ввело хлебную монополию.

Первый министр земледелия Временного правительства кадет А.И. Шингарев уже 25 марта 1917 г. подписывает закон о введении хлебной монополии: отныне владельцы продовольствия должны были весь хлеб, за вычетом того, что требуется для собственного потребления и на хозяйственные нужды, передавать в распоряжение государства. В августе 1917 г. Министерство земледелия выпустило инструкцию, которая предписывала применять вооруженную силу к тем, кто утаивал хлеб.³⁷ Но и Временное правительство не смогло провести продразверстку в жизнь из-за беспомощности его аппарата.

Но вот вопрос: почему правительства, царское и Временное, пытались наладить свой «военный коммунизм», а не объявить свой НЭП, чтобы «крестьяне и помещики могли свободно производить и

продавать свои продукты потребителям»? Ведь это фундаментальная проблема.

Странно, что мало кто помнит, что за счет прямого вне рыночного распределения («военного коммунизма») городское население получало всего от 20 до 50 % потребляемого продовольствия. Остальное давал черный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы. Угроза голодной смерти (но не угроза голода) в городах и в армии была устранена. Пайками было обеспечено практически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн человек). Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн семей военнослужащих.

Подумаем: что значило для 34 миллионов человек, получавших скудные пайки, которые спасали их от угрозы голодной смерти в условиях военного коммунизма? Что значило бы лишиться этих пайков? НЭП — это свободный рынок. При этом очевидно, что большинство из этих 34 миллионов после прекращения боев с Врангелем не найдут доходов, чтобы купить на рынке продуктов — страна в руинах, промышленность остановилась, массовая безработица, миллионы беспризорников. Если в 1918 г. рабочие голодали, и военный коммунизм именно поэтому вводился в чрезвычайном темпе, то в 1921 г. положение было более критическим.

5 мая 1918 г. Ленин предупреждал «левых коммунистов», которые уверяли, что «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистической системы»: «Это смешные потуги узнать то, чего узнать нельзя». И он повторил утверждение, которое он много раз высказал в разных контекстах: «Выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» [129]. Иными словами, после окончания войны крестьяне не станут поставлять хлеб бесплатно.

Вопрос тогда снова был поставлен ребром, без доктринерства. Во время Гражданской войны крестьяне подчинялись продразверстке под страхом «белой» реставрации и потери земли. Эта угроза миновала, начались вспышки крестьянских мятежей. Промышленное производство катастрофически упало, товаров для государственной торговли не было, крестьяне отказывались поставлять хлеб в города.

Началось «отступление» с возрождением буржуазии и новым социальным расслоением. Возник риск конфликта между городом и деревней. Солидарность союза рабочих и крестьян лишилась важных факторов — сплачивающих людей бедствий войны и уравнительного разделения тягот.

Политическое решение о переходе к НЭПу вырабатывалось по типу *научной программы*. Двум авторитетным экономистам-аграрникам России, А.Н. Литошенко и А.В. Чаянову, было поручено подготовить два *альтернативных* программных доклада. Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией. Доклады обсуждались в июне 1920 г. на комиссии ГОЭЛРО (прообразе планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу НЭПа была положена концепция Чаянова. Речь шла именно о *новой* политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов и на основе знания, данного Гражданской войной.

Главная идея Чаянова, что крестьянская экономика не является ни капитализмом и не докапиталистического уклада, восторжествовала. Ленин убедил большинство партии, что в России «смычка с крестьянской экономикой» (главный смысл НЭПа) — фундаментальное условие построения социализма. Иными, словами, НЭП был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

15 марта 1921 г. Ленин на X съезде РКП(б) сделал доклад «О замене разверстки натуральным налогом», его суть «состоит в отношении рабочего класса к крестьянству». Их союз в Октябре и даже в Гражданской войне был понятен и их главные интересы совмещались. Теперь требовался новый общественный договор и новая основа для союза. Ленин высказался жестко: «Мы должны сказать крестьянам: “Хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, — тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно... Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе”» [130, с. 59].

А делегатам съезда он напомнил фундаментальный выбор: «Социалистическая революция в такой стране [России] может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки ее своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко недостаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, это — соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения... Нам надо — согласно нашему миросозерцанию, нашему революционному опыту в течение десятилетий, урокам нашей революции — ставить вопросы прямо: интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах...

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство должна быть разрешена» [130, с. 58, 59].

21 марта 1921 г. ВЦИК издал декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». Размеры налога были почти в два раза меньше продразверстки — 240 млн пудов зерновых вместо 423 млн по разверстке 1920 г., из которых реально было собрано около 300 млн; еще предполагалось получить около 160 млн пудов через торговлю. Крестьянин мог свободно распоряжаться оставшимся после сдачи налога урожаем. Декрет был опубликован до начала посевных работ, что побуждало крестьян увеличивать посевы.

Отмена чрезвычайных мер сразу была использована буржуазными слоями и кулаками на селе. Обладая материальными средствами, грамотой и навыками организации, они доминировали в Советах и кооперации. Восстановление рынка создало много противоречий, которые ударили по трудящимся. Это создавало основу для острых дискуссий в партии, доходящих до раскола. Развал партии как объединяющего механизма всей политической системы означал бы крах государства.

17 октября 1921 г. Ленин сделал большой доклад на съезде политпросветов, обобщив опыт восьми месяцев. Это был доклад политработников и пропагандистов, умеренный и подробный. Этот доклад был бы и сегодня полезным как учебный материал. Приведем фрагменты из этого доклада, самые близкие для нашей темы.

Он сказал: «Наша новая экономическая политика, по сути ее, в том и состоит, что мы в этом пункте потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: “Пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим все заново, но прочнее”. Никакого сомнения в том, что мы понесли весьма тяжелое экономическое поражение на экономическом фронте, у коммунистов быть не может, раз они ставят сознательно вопрос о новой экономической политике. И, конечно, неизбежно, что часть людей здесь впадет в состояние весьма кислое, почти паническое, а по случаю отступления эти люди начнут предаваться паническому настроению. Это вещь неизбежная. Ведь когда Красная Армия отступала, она начинала победу свою с того, что бежала перед неприятелем, и каждый раз на каждом фронте этот панический период у некоторых людей переживался. Но каждый раз — и на фронте колчаковском, и на фронте деникинском, и на фронте Юденича, и на польском фронте, и на врангелевском — каждый раз оказывалось, что после того, как нас разочек, а иногда и больше, хорошенечко били, мы оправдывали пословицу, что “за одного битого двух небитых дают”. Бывши один раз битыми, мы начинали наступать медленно, систематически и осторожно...

На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей... Позиции были приготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло (а во многих местах провинции происходит и сейчас) в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке...

Уничтожение разверстки означает для крестьян свободную торговлю сельскохозяйственными излишками, не взятыми налогом, а налог берет лишь небольшую долю продуктов. Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти...

И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением? Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: “Повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали”.

Совершенно бесспорно, и всем очевидно, что, несмотря на такое громадное бедствие, как голод, улучшение положения населения, за вычетом этого бедствия, наступило именно в связи с изменением нашей экономической политики.

С другой стороны, если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Капиталисты будут выигрывать от нашей политики и будут создавать промышленный пролетариат, который у нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией, не выделяванием зажигалок на продажу и прочей “работой”, не очень-то полезной, но весьма неизбежной в обстановке разрухи нашей промышленности.

Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется

способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему? Нужно ставить этот вопрос трезво» [179, с. 158-159].

Этот доклад Ленина сильно отличался от выступлений перед руководством партии, в которых он обосновывал программы действий.

Здесь он представил картину возможного, даже очень вероятного, разрыва всего процесса революции, катастрофы всего строительства советского строя. Официальная советская пропаганда эту ситуацию обходила, и в массовом сознании этот исторический момент не отложился. Сейчас представляется, что этот провал в историческом знании советского общества стал важным фактором краха СССР — население не имело опыта предвидения подобной ситуации.

Ленин определил главные состояния, которые угрожали развалом советского общества в раннем периоде его становления:

— Единственная возможность производства минимума ресурсов жизнеобеспечения — дать крестьянству свободу хозяйственного уклада и торговлю продукта. В реальных условиях это значило вернуться в «рыночную экономику» и восстановить прежние структуры производственных и распределительных отношений, налаженные до революции с важной компонентой капитализма.

— «На почве этой свободной торговли капитализм не может не расти», и есть риск, что «крестьянство пойдет за капиталистом». Признак — множество крестьянских восстаний. Экономических ресурсов, чтобы поддержать крестьянство, нет.

— «Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей... Если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат». Значит, новое поколение промышленных рабочих, вместо «исчезнувшего пролетариата», на какое-то время будет лояльно к капитализму.

— «Кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может».

Кроме того, «отступление к капитализму» возмутило не только «левых коммунистов», но и массу демобилизованных красноармейцев, бывших партизан и бедноты. В ряде регионов возникли локальные

гражданские войны («красный бандитизм»). Ленин учитывал все эти факторы и не скрывал, что положение страны очень сложно и неопределенно. Чтобы взять его под контроль, требуется непрерывный анализ сил, ресурсов и динамика системы, а также быстрые решения и действия.

В докладе Ленин продолжал:

«Теперь буржуазия всего мира поддерживает буржуазию России, оставаясь во много раз более сильной, чем мы... И чтобы тут победить — нужно опереться на последний источник сил. Последний источник сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность. Либо пролетарская организованная власть — и передовые рабочие и небольшая часть передовых крестьян эту задачу поймут и сумеют организовать народное движение вокруг себя — и тогда мы выйдем победителями.

Либо мы не сумеем это сделать — и тогда неприятель, имеющий больше сил в смысле техники, неминуемо нас побьет... Войны крестьян с помещиками были в истории не раз, начиная с первых времен рабовладения. Такие войны бывали не раз, но войны государственной власти против буржуазии своей страны и против соединенной буржуазии всех стран — такой войны не бывало никогда... Опыта у народа в таких войнах быть не могло. Мы его должны создавать сами и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чем девиз и величайшая трудность этой задачи.

Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина. Нам говорят: “Личная заинтересованность крестьянина — это значит восстановление частной собственности”. Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия, — она нами не прерывалась по отношению к крестьянам никогда. Мы уничтожили частную собственность на землю, а крестьянин вел хозяйство без частной собственности на землю, например, на земле арендованной. Эта система существовала в очень многих странах. Тут экономически невозможного ничего нет. Трудность в том, чтобы лично заинтересовать. Нужно заинтересовать также каждого специалиста с тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства.

Умели ли мы это делать? Нет, не умели! Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение в стране с деклассированным пролетариатом. Мы должны будем это изменить потому, что иначе мы не можем познакомить пролетариат с этим переходом. Таких задач в истории еще никогда не ставилось. Если мы эту задачу пробовали решить прямым, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне, и их не считают ошибками. Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой» [179, с. 163, 165].

Известно, что силы советской системы в то время интеллектуально и организационно были на высоте и за три года вывели общество и хозяйство на траекторию развития. Если сравнить кризисные состояния периода НЭПа и периода «перестройки», то эти два образа дадут очень много ценного знания для российского обществоведения, да и для населения. Конечно, после 1917 г. и Гражданской войны население России еще помнило, что такое периферийный капитализм, и соблазнить его было трудно, но и массовое сознание было приспособлено различать добро и зло.

Вернемся в 1921 г. Первый год НЭПа сопровождался катастрофической засухой (из 38 млн десятин, засеянных в европейской России, урожай погиб полностью на 14 млн, так что продналога было собрано лишь 150 млн пудов). Была проведена эвакуация 100 тыс. жителей из пораженных районов в Сибирь, масса людей (около 1,3 млн человек) шла самостоятельно на Украину и в Сибирь. Крестьян из голодающих губерний освободили от натурального налога, всего этого налога было собрано только половина общего сбора 1920-1921 гг. Официальная цифра пострадавших от голода составляла 22 млн человек. Из-за границы была получена помощь в размере 1,6 млн пудов зерна (в основном из США) и 780 тыс. пудов другого продовольствия. Сельскохозяйственные работы 1922 г. были объявлены государственным и общепартийным делом.

В марте 1922 г. продналог был сокращен до 10 % общего производства. Урожай 1922 г. достиг 75 % от уровня 1913 г. — это облегчило ситуацию и было переломным моментом. Был принят закон «О трудовом землепользовании»: одинаково законными были артель,

община, владения в виде хуторов, а также комбинации этих форм. Реально «подпольно существовала аренда».

В ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением... [Оно] находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас... Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это,... но какое бы то ни было серьезное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года» [131, с. 285].

Однако недовольство вызревало в партии. Во многих местах партийные ячейки указывали, что НЭП поощряет кулака за счет бедных крестьян. Ленин в докладе на X съезде ответил: «Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло» [130, с. 69].

Большие риски создавала инерция военного коммунизма, продолжить который было невозможно. Выше уже было сказано, что программы, возникшие в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий сами собой не распадаются — демобилизация населения, которое стало «воинской общиной», всегда бывает сложной и болезненной операцией.

Ситуации в разных регионах были разными, и не всегда можно было определить критический порог, за которым НЭП действительно поощрял кулака, оставляя бедняков и даже рабочих без средств существования. Быстро произвести тонкую настройку было невозможно — не хватало кадров и времени. Например, тяжелое положение сложилось в топливной промышленности. К моменту введения НЭПа рабочие на трудных работах, получавшие пайки высшей категории, потребляли всего лишь 1200-1900 вместо 3000 калорий — необходимого минимума для такого труда (например, шахтеры Донбасса). В марте 1921 г. шахты перевели на хозрасчет, добытый уголь теперь продавали на рынке (кроме обязательных

поставок для железных дорог). А закупки угля частниками начинались в начале осени — шахтеров увольняли из-за отсутствия наличных денег. Рабочие лишились и зарплаты, и государственных поставок продовольствия. На шахтах начался голод, были случаи голодной смерти, и вне рыночные поставки продовольствия шахтерам были возобновлены. Но это Донбасс, а во множестве уездов и волостей в глубинке коррекции в разделении тягот дошли лишь в 1922 г.

Здесь требуется небольшое отступление, чтобы прояснить сложность перехода от военного коммунизма к НЭПу — отмены продразверстки (т. е. пайков для рабочих) и замены ее налогом торговлей (для крестьян). Это типичный конфликт *ценностей*. В сфере общественных отношений это фундаментальная проблема, которую в социальной и политической философии пытаются разрешить с трудов Аристотеля.

Во время наших революций заниматься этой проблемой не было времени ни у интеллигенции, ни у политиков. Наверное, кто-то слышал о том, что во время Великой Французской революции конфликт между ценностями свободы и равенства разрешили посредством закона, определив: *равенство — в праве, а не в факте*. Тех, кто требовал *равенства факта*, послали на гильотину. Дискуссии в РКП(б) в философию Аристотеля и Руссо не погружались. А в 1921 г. разрешение конфликта ценностей пайка и торговли определяло судьбу проекта Октябрьской революции и советского строя.

Но сейчас надо к фактам Октябрьской революции приложить схему конфликта ценностей. Будет проще представить политическую и социальную проблему перехода к НЭПу. Государство должно следовать определенным *нравственным принципам* и в то же время оно должно быть *эффективно в управлении*, в решении задач, которые на него возлагаются. Для народа важно, чтобы руководство выполняло обе эти функции. Бывают нравственные правители, которые ничего не могут сделать и доводят страну и народ до катастрофы. В истории каждого государства есть моменты, когда правители ради эффективности на какое-то время идут против той нравственности, которую они исповедуют.

Сложность конфликта ценностей при осмыслении вариантов решений состоит в том, что приходится искать приемлемый баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Поэтому возникают ситуации, в

которых «не существует пристойного, честного и адекватного решения», и это не зависит от воли или наклонностей человека, принимающего решение. Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Возникают даже гражданские войны на уничтожение носителей иных ценностей. В случае ситуации перехода к НЭПу возник конфликт двух социальных групп и, можно сказать, двух субкультур.

Английский философ Дж. Грей пишет: «Рационалистическая и универсалистская традиция либеральной политической философии, как и остальная часть проекта Просвещения, села на мель, столкнувшись с рифами плюрализма ценностей, утверждающего, что ценности, воплощенные в различных способах жизни и человеческой идентичности, и даже в пределах одного и того же способа жизни и идентичности, могут быть рационально несоизмеримыми...

Несоизмеримость не свидетельствует о несовершенстве ни нашего миропонимания, ни мира, скорее она указывает на непоследовательность идеи совершенства... Несоизмеримыми могут стать блага, которые в принципе сочетаются друг с другом; такая ситуация означает, что эти блага не поддаются сочетанию каким-то наилучшим образом. Несоизмеримость может относиться к благам, которые в принципе не сочетаются друг с другом, или же к тем, что по своей природе не могут быть реализованы одновременно, в таком случае следует сделать вывод, что не существует их “правильной” иерархии.

Как бы то ни было, она означает ограничение рационального выбора и возможность радикального выбора — выбора, который не основан и не может быть основанным на разуме, но состоит в принятии решения или обязательства, не имеющего обоснования. В наибольшей мере понятие несоизмеримости применимо к благам, в принципе несовместимым друг с другом. Такая несоизмеримость может иметь место, если — в противоположность учению Аристотеля о гармонии добродетелей — одно благо или достоинство вытесняет другое» [90, с. 136, 142].

Эту проблему не удалось удовлетворительно решить ни в Российской империи, ни в последний период СССР. Как определили

наши философы 1990-е годы в ходе реформ в России, все хорошо знают — эту проблему просто игнорировали. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что возобладал социал-дарвинизм. Ценность *экономической эффективности* ставилась неизмеримо выше ценности *социальной справедливости* и *безопасности*. Социальная справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и экономическая эффективность.

Дж. Грей писал, что политические доводы зависят от обстоятельств, они не могут быть доказанными, как теорема: «Политические рассуждения являются формой практического умозаключения, и ни один шаг в них логически не следует из другого; намеки на это можно найти еще у Аристотеля. Политическое мышление обращается к концепции политической жизни как к сфере практических рассуждений, чья цель (*telos*) — это образ жизни (*modus vivendi*), а также к освященной авторитетом Гоббса концепции политики, понимаемой как сфера стремления к гражданскому миру, а не к истине» [90, с. 150].

В нашем конкретном случае конфликт ценностей союзных общностей (сельских и промышленных рабочих и крестьян) активизировал сложную и тяжелую угрозу — *красный бандитизм*. Здесь коротко укажем на него, а подробнее обсудим ниже. НЭП натолкнулся в Сибири на сопротивление со стороны значительной части населения, которая являлась опорой Советской власти: сельских коммунистов, чоновцев, сотрудников милиции и ВЧК, бедноты.

В отчете Бийского горкома РКП(б) в апреле 1921 г. говорится: «Не отвыкшие еще от партизанских методов борьбы и работы сибирские коммунисты, на которых поднималась вся глухая ненависть кулаков по поводу проведенной разверстки, никак не могут освоиться со взятым в настоящее время курсом нашей партии на середняка и хозяйственного крестьянина. Они не могут понять того, что сейчас необходимо оказывать содействие в хозяйственном отношении тому кулаку, с которым они враждовали всю зиму, и у них еще больше разгорается злоба, и они еще с большим рвением принимаются за реквизиции и конфискации. Местами наблюдается явление, которое можно назвать коммунистическим бандитизмом» [135].

Это широкое явление здесь связано с НЭПом. Комиссия Сиббюро представила пленуму ЦК РКП (б) доклад об этой проблеме, где сказано: «С весны 1921 года в красный бандитизм начала вливаться новая струя недовольства политикой Советской власти, имеющая гораздо более глубокие политические и экономические основы. Тот слой деревенского населения, из которого вербуются красные бандиты, это либо беднота, либо элементы, разоренные Колчаком и отброшенные в ряды бедноты. До весны 1921 г. они экономически поддерживались государством и жили за счет внутреннего перераспределения излишков продовольствия, остающихся после разверстки; вместе с тем они были опорой Советской власти в деревне.

С отменой разверстки они утратили экономический базис, почувствовали себя столь же обездоленными, как были при Колчаке, и почуяли, что новый курс неизбежно ведет к усилению враждебных им элементов и понижает их собственное влияние. Эти обстоятельства все более делают их из просто недовольных — резко политически враждебными Советской власти. Нового курса они не приемлют. На этой стадии красный бандитизм начинает принимать уже другие формы: вместо самочинной расправы с контрреволюционерами те же группы начинают активно срывать новую продполитику; продолжают производить внутреннее перераспределение, конфискуют и реквизируют те продукты, которые отдельными домохозяевами ведутся для целей товарообмена» [135].

Переход от военного коммунизма к НЭПу потребовал сложных решений для нахождения в разных условиях баланса между социальной справедливостью с эффективностью социальных форм. В главном самые острые проблемы удалось разрешить за два года. Советское руководство исходило из «практических политических умозаключений», а не из теоретических истин и групповых нравственных ценностей. В этом было кардинальное различие проектов Октябрьской и Февральской революций.

В разработке программы НЭПа найти верную меру между справедливостью и эффективностью было очень сложно. Критика «рабочей оппозиции» была понятной и опасной. Основанием для этой критики было то, что НЭП не только дал необходимую уступку крестьянству, но и стал наращивать уступки — за счет *рабочего класса*. Уже летом 1921 г. Горький поддержал эту критику в беседе с

гостем из Франции: «Пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае — несколько миллионов). Крестьяне же — это целый легион. В борьбе, которая с самого начала революции идет между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырех лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит все... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего» (см. [63, с. 627]).

Действительно, промышленность обязали передать запасы готовой продукции, чтобы стимулировать деревню торговать продовольствием. Введение действующих стихийно рыночных механизмов при острой нехватке сырья, оборудования и готовой продукции приводило к тому, что любое неравновесие начинало обостряться, порождая цепную реакцию кризиса. Промышленные предприятия, переведенные на хозрасчет, столкнулись с отсутствием оборотных средств. Чтобы выплачивать рабочим зарплату, они были вынуждены срочно распродавать готовую продукцию, так что цены резко упали. 1 января 1921 г. аршин ситца стоил 4 фунта ржаной муки, а 1 мая 1,68 фунта. В мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза ниже себестоимости. Как говорили, начало НЭПа — время «диктатуры ржи и расточения нашего государственного промышленного капитала».

Малые и средние предприятия стали сдавать в аренду. В основном их арендовали кооперативы и рабочие артели, частников было намного менее половины (в основном это были прежние владельцы). В марте 1923 г. была проведена перепись предприятий. Выяснилось, что 84,5 % всех промышленных рабочих были заняты на государственных предприятиях, которые давали в стоимостном выражении 92,4 % продукции. На долю частных предприятий приходилось 4,9 % продукции и на кооперативы — 2,7 %.

Всеобщей тревогой в партии и государстве была нехватка средств для восстановления тяжелой промышленности. На IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Положение тяжелой промышленности представляет действительно очень тяжелый вопрос для нашей отсталой страны, так как мы не могли рассчитывать на займы в богатых странах... Мы экономим на всем, даже на школах. Это должно

быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем как самостоятельная страна...

Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли» [131, с. 287, 288].

Эти тяжелые конфликты интересов и ценностей между рабочими и крестьянами и между промышленностью и сельским хозяйством породили более фундаментальное противоречие в самой партии большевиков. Это противоречие в понимании главных смыслов революции. В острой форме оно проявилось в отношении НЭПа.

Во всех политических партиях, в том числе и в дореволюционной партии большевиков, в представлениях общества господствовал принцип *отношений классов*, оформленный в теории классов и классовой борьбы Маркса. Марксисты считали, что социалистическая революция установит *диктатуру пролетариата*, а до этого, при капитализме, будет существовать гражданское общество — арена холодной борьбы классов.

Маркс, развивая теорию классовой борьбы, сделал такой вывод в «Критике Готской программы» (1875): «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [134].

Между ветеранами и социальной базой партии большевиков возникло расхождение в понятиях *государство* и *диктатура*. Ленин в разных формах объяснял марксистам-большевикам, что в реальности общество *гетерогенно*, оно состоит из разных общностей с их интересами и ценностями, и что в государстве *правящая партия* не может действовать согласно идеалам и интересам одного класса, что задача власти — разные общности соединить в союз. Актив партии воспринимал это с трудом, хотя различия интересов и ценностей были очевидны тогда (и видны сегодня).

Но в тот момент опровергать догму Маркса и его классовую теорию диктатуры пролетариата было невозможно — для многих эта

догма была предметом веры. Теоретический вопрос породил политический конфликт.

В 1918 г. возникла и развивалась проблема, которую поставил Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти», где он сформулировал эту проблему: «Революция, и именно в интересах социализма, требует *беспрекословного повиновения* масс единой воле руководителей трудового процесса». Историк Б.Н. Земцов пишет: «Со стороны одного из членов большевистского правительства — Председателя Высшего Совета народного хозяйства РСФСР Н. Осинского — последовало быстрое и резкое возражение: “Мы стоим на точке зрения строительства пролетарского социализма — классовым творчеством самих рабочих,... мы исходим из доверия к классовому инстинкту, к классовой самодеятельности пролетариата. Иначе и невозможно его ставить. Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, — никто за него это не сделает и никто его к этому не принудит”...»

В среде большевиков с дооктябрьским стажем это [заявление Ленина] вызвало сначала недоумение, а затем протест. Диктатура пролетариата воспринималась ими диктатурой по отношению к другим классам и социальным группам, по отношению же к самому пролетариату она представлялась системой самоуправления. Поэтому в 1919 г. вокруг Н. Осинского и его товарищей Т.Б. Сапронова, Б.М. Смирнова в РКП(б) сложилась группа “демократического централизма” (децисты). В декабре 1919 г. на VII съезде Советов РСФСР децисты получили большинство голосов по вопросу о советском строительстве, и съезд принимает их резолюцию, а не Ленина.

После Гражданской войны фракционная борьба разгорелась с новой силой. Помимо децистов, зимой 1920-1921 гг. в РКП(б) возникла группа “рабочая оппозиция”» [132].

Дискуссии между большинством ЦК и «рабочей оппозицией» не получилось и обернулось фракционной борьбой. В 1922 г. возникла «рабочая группа», возглавляемая старыми большевиками-рабочими (Г.И. Мясниковым и др.).

Недовольство отходом от классового подхода возникло не только в РКП(б) — меньшевики и эсеры называли поддержку «отсталого

мелкобуржуазного крестьянства», вместо рабочего класса, капитуляцией. И этот спор был очень длительным и жестким. М. Горький вспоминал «Апрельские тезисы»: «Когда в 17-м году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои “тезисы”, я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству». Горькому казалось, что «эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа» [190].

Казалось, что суждение Маркса в «Критике Готской программы» можно было принимать только как абстракцию — даже примитивное общество долго не просуществует под диктатурой одной общности. Но пафос революции у некоторых сужает диапазон мышления. Ленин им писал: «Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса» [133].

Процесс гармонизации идеологии с институтами государства (как НЭП) шел в СССР постепенно, по множеству направлений образования и культуры, развития экономики и права. Каждое решение вызывало оппозицию и сложные дискуссии до конца 1930-х гг.

Каждая такая проблема представляла новое и неизученное явление. О них шли дискуссии и почти всегда первые подходы были *экспериментами*, многие методом проб и ошибок. Отладка НЭПа — ценный учебный материал. Часто каждая проблема требовала отменять прежние решения и резолюции, изменять правовые нормы. Изучали теории и практику царского правительства, привлекали старых специалистов. Так, в 1921 г. требовалось быстро создать финансовую систему для новой и малоизученной экономики, и в начале 1922 г. в правление Госбанка был назначен бывший финансист и

промышленник Кутлер, министр при Витте и после 1905 г. кадет. Он сыграл важную роль в стабилизации валюты.

Но даже Ленин с большим трудом убедил и Съезд Советов, и XI съезд РКП(б) продолжить программу НЭПа. Уже результаты 1922 г. показали, что прогноз Ленина был верен: «реанимирующее влияние НЭПа распространилось на все области хозяйства».

Во время НЭПа доля экспорта в производстве зерна снизилась по сравнению с 1913 г. в 4,5 раза. Потом экспорт был еще сокращен (в 1932 г. он составил всего 1,8 млн т), а в 1934 г. вообще прекращен — лучше было продать, по крайней необходимости, яйца Фаберже.

В 1922 г. начали выпускать «червонцы», один был равен десяти золотым рублям. Эта устойчивая валюта вызвала большой оптимизм. Но и разные деньги, ходившие в обращении, показывали, что экономика выздоравливала. По курсу 1921 г. сумма денег в обращении на 1 сентября 1921 г. была 3 500 млрд, на 1 января 1922 г. 17 500 млрд, на 1 мая 130000 млрд, а к концу 1922 г. — почти 2 квадриллиона руб. Общий вывод был такой: хотя в перспективе НЭП неминуемо должен был породить новые стрессы и неудовольствие, эти опасения затмевались общим чувством удовлетворения ростом благосостояния [63, с. 677].

В системе права в период НЭПа начались поворот от борьбы с *классовым врагом* и отмена *классового подхода*. Сложные проблемы создали при строительстве институтов права представления о классах в сословном обществе в переходном состоянии. Важную роль в дискуссиях по юридическим вопросам занимала концепция «революционной законности», возникшая в 1921-1922 гг. Она была идеологической основой для перехода от *«революционного правосознания»* к нормальной правовой системе со стабильными юридическими гарантиями, без которых был невозможен НЭП.

Мы говорили о чрезвычайных проблемах, связанных с переходом к НЭПу, но важен и весь контекст этой огромной и стратегической программы. Без фона, на котором сложился образ НЭПа, трудно представить эту программу как большую систему.

Для осуществления НЭП требовались: обобщение научных концепций модернизации, большие медицинские профилактические программы на обширных территориях, глубокие изменения в системе права и кодификация большого числа законов, создание совершенно

новой пенитенциарной системы, «конструирование» комсомола как необычной политической организации «для крестьян», большая философская дискуссия в сфере культуры (преодоление «пролеткульта»). Каждая из этих программ означала проектирование совершенно новых структур и была крупной социально-инженерной разработкой, к которой привлекались все готовые к сотрудничеству научные силы страны. Объем работы, который выполняли тогда российские ученые, по нынешним меркам кажется совершенно невероятным.

Критическим условием для этого была срочная программа ликвидации безграмотности. Она была организована в обществе в состоянии голода и холода, разрухи и гражданской войны. Ко времени II Всероссийского съезда политпросветов (октябрь 1921) было обучено грамоте 4,8 миллиона человек. В Красной Армии число безграмотных было понижено до 5 % (в царской армии процент неграмотности доходил до 65), а во флоте безграмотность была полностью ликвидирована. В стране было 88 534 пункта по ликвидации безграмотности, 427 различных губернских и 21370 уездных курсов. Сама эта работа скрепляла общество.

Проектирование новой пенитенциарной системы — другой из множества примеров. Общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. 149 тыс. и на 1 января 1927 г. 185 тыс. человек. И это после гражданской войны и всплеска бандитизма. (Для сравнения: в 1905 г. в тюрьмах России находилось 719 тыс. заключенных, а в 1906 г. 980 тыс.). До срока в середине 20-х гг. условно освобождались около 70% заключенных.

Во многом благодаря рационально разработанной комплексной программе советская власть за время НЭПа буквально изменила тип общества, ликвидировав «синдром бедняка», что привело к резкому увеличению продолжительности жизни, снижению детской смертности, искоренению массовых социальных болезней.

И. А. Гундаров пишет: «Отсутствие объективных оснований для значительного улучшения здоровья в 1921 г. заставляет предположить действие закона “духовно-демографической детерминации”». Действительно, уровень преступности, подскочивший в 1914-1918 гг. в два раза, затем в начале 20-х гг. снизился от этой величины в четыре

раза. В последующие годы продолжалось поразительное улучшение духовного состояния общества. Если в 1922 г. коэффициент судимости по РСФСР составлял 2508 на 100 000 жителей, то в 1927 г. он упал до 1080. Уменьшилось число психических заболеваний, что подтверждается сокращением в психиатрических больницах коечного фонда на 31% по сравнению с 1913 г. Годы НЭПа представляют собой удивительную картину резкого улучшения системы медико-оздоровительной помощи и здоровья населения» [139].

Надо упомянуть и роль ученых в изучении проблемы алкоголизма, и программу по его преодолению, которая была частью НЭП. Именно в начале XX в. в России была заложена тяжелая традиция семейного пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 20-30-е гг. В 1907 г. 43,7% учащихся школ в России регулярно потребляли спиртные напитки. Из пьющих мальчиков 68,3% распивали спиртное с родителями (отцом, матерью или обоими родителями).³⁸ С 1900 по 1910 г., как показали повторные обследования, доля числа школьников, которые потребляли спиртное, сильно увеличилась. В Петербурге доля школьников, которые употребляли водку и коньяк, за это время возросла с 22,7 % до 41,5 %. В 1911 г. в городе было 35,1 смертных случаев в расчете на 100 тыс. жителей на почве алкогольного отравления (в 1923 г. таких случаев было только 1,7) [185].

Программа преодоления бедности и присущих ей социальных болезней в 20-е гг. привела к возникновению того *антропологического оптимизма*, который предопределил и успехи индустриализации, и массовую тягу к знаниям, и победу в Великой Отечественной войне, и быстрое восстановление после войны. А ведь советская власть тогда еще не располагала для этого крупными материальными ресурсами, успех был достигнут благодаря всеобщему «молекулярному» участию населения в этой программе, ясностью и фундаментальностью поставленных целей и критериев, способу организации действий, созвучному культурным традициям народа.

В 1925 г. посевная площадь достигла довоенного уровня, сельское хозяйство стабилизировалось. С началом НЭПа в советской экономике вводилось *плановое* начало. Была начата разработка перспективного плана электрификации России (план ГОЭЛРО). В 1920 г. был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год утвержден IX

съездом. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства, который получил практическое воплощение.

За всем этим работал новый духовный двигатель — массовая вера в знание, науку и движение вперед. Для нашей молодежи полезно было бы прочитать книги Андрея Платонова, хотя бы «Чевенгур», «Котлован» и «Ювенильное море». Пишут, что его мировоззрение сочетает в себе элементы коммунизма, христианства и экзистенциализма. Надо добавить — русский космизм. Но, кажется, его необычные тексты для многих раскрыли, как в волшебном зеркальце, образ состояния советских людей в 1920-е гг.

Глава 18. Ленин: становление России как цивилизации в советских формах

Цивилизационный аспект русской революции (и ее предыстории) очень сложен в изложении. В советское время в преподавании истории стран и народов доминировал так называемый *формационный подход*. Этот подход был ключевой структурой *исторического материализма*, части учения марксизма. Он представлял историю как ступенчатое развитие от первобытнообщинного строя к рабовладельческому строю, затем к феодализму, потом к капитализму, а далее мнения расходились: будут ли социализм и коммунизм — или история остановится с всеобщей победой капитализма. Такие формы существования стран и народов, как *цивилизации*, были в тени.

Считалось, что цивилизационный подход слишком неопределенный или даже ненаучный, хотя в обыденных представлениях мало кто отрицал, что существует и такой тип классификации человеческих общностей, как цивилизации. Преподаватели соглашались, что «китайцы есть китайцы, а англичане — англичане», независимо от формаций. Почему же тогда не быть специфическому подходу к их изучению?

Здесь мы очень кратко скажем о соотношениях *формационного* и *цивилизационного* подходов. Оба они — инструменты, предназначенные для построения моделей исторического процесса существования и развития человеческих обществ в пространстве и времени. Оба инструмента являются продуктами культуры, они — не выражение Откровения свыше и не имеют никакой прямой интуитивной связи с «объективной реальностью». Это значит, что оба эти подхода имеют ограниченные сферы приложения. В одном случае из модели исключается один набор проявлений реальности, а в другом случае — определенный набор иных сторон реальности. Подходить к двум методологическим подходам с позиции «или — или» значит отходить от норм рационального мышления.

В Новое время, когда складывалась современная западная цивилизация («Запад») и колониальные империи, в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни

человека — *цивилизованного* и *дикого*. В XVIII в. и вошло в обиход слово «цивилизация». Считалось, что в пределах западной культуры человек живет в *цивильном* (гражданском) обществе, а вне этих пределов — в состоянии «природы». Гражданскому, или «цивилизованному», обществу (*societas civilis*) противопоставлялось «естественное» общество (*societas naturalis*). В романтической историографии XIX в., с ее апологией «почвы и крови», стало развиваться понятие *локальных* цивилизаций. Были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций, и сложился *цивилизационный подход* к взгляду на историю.

В XX в. было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты, доходящие до гражданских войн.

С конца XVIII в. и до сих пор действует разработанная Локком презумпция естественного права *цивилизованного* государства вести войну с *варварской* страной (против тех, кто «не обладает разумом»), захватывать ее территорию, экспроприировать достояние (в уплату за военные расходы) и обращать в рабство ее жителей. Так были на Западе легитимированы рабовладение и работорговля. Например, влиятельный европейский интеллектual Эрнест Ренан писал в конце XIX в.: «Люди не равны, как и расы. Например, негр создан, чтобы прислуживать в великих делах, совершаемых белым» [46, с. 84].

Идеологи хватались за любую теорию, которая могла «рационально» подтвердить представления о «варварах» как *не вполне людях*. В настоящее время лишение страны статуса *цивилизованной* является ее квалификация как «страны-изгоя» или, как в случае СССР, «империи зла».

Не будем касаться темы русофобии Запада, но и те, кто испытывал уважение к России как цивилизации, признавали ее фундаментальное отличие от Запада. О. Шпенглер писал: «Я до сих пор умалчивал о России; намеренно, так как здесь есть различие не двух народов, но двух миров... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и

хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир. Нас обманывает впечатление от некоторых, принявших западную окраску, жителей русских городов. Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда сознавал, проводя разграничительную черту между “матушкой Россией” и “Европой”.

Для нас русская душа — за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью — остается чем-то непостижимым... Тем не менее некоторым, быть может, доступно едва выразимое словами впечатление об этой душе. Оно, по крайней мере, не заставляет сомневаться в той неизмеримой пропасти, которая лежит между нами и ими» [189].

И дело в том, что отношение Запада к России определялось не *экономической формацией*, а расхождениями в важных мировоззренческих устоях, как говорят, в *цивилизационных* кодах. Ведь факт: в I Мировой войне «англичане, немцы, американцы и французы» громили друг друга, но как только в 1917 г. Россия стала уходить с цивилизационной «столбовой дороги» Запада, весь Запад «немедленно сомкнулся в один замкнутый мир» против русских. Да и внутри России вспыхнула Гражданская война не из-за конфликтов в выборе организации производственных сил, а расколов в системе ценностей — потрясении цивилизации.

П.А. Сорокин, ставший ведущим социологом США (во многом из-за труда «Социология революции»), писал (1944): «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения» [190].

Революция ставит цивилизацию перед вызовами — не только угроз, но и *надежд*. Цивилизация в состоянии революции задает

какой-то вселенский проект, указывает цель как образ *светлого будущего*. Российская империя складывалась как православная цивилизация с мощной эсхатологией, в своих катастрофах она задавала новый *образ будущего*, опирающийся на справедливость и всечеловечность в новых формах.

Это говорится потому, что разделение проектов, процессов, действий и общностей как элементов систем, уводит нас к механистическому мышлению и к линейной парадигме. Но явление революции не может быть адекватно представлено в такой парадигме и ее моделях. Революцию с ее кризисами, катастрофами, хаосом, неопределенностями и несоизмеримостями, нелинейными процессами и пороговыми явлениями можно было понять как образ неравновесной динамической синергетической системы.

В моменты глубоких кризисов государства, подобных революциям 1917 г. или ликвидации СССР, речь идет не об изолированных конфликтах — политических и социальных, а об их соединении в одну большую, не объяснимую частными причинами систему *цивилизационного* кризиса. Он охватывает все общество, от него не скрыться никому, он каждого ставит перед «вечными» вопросами. Сейчас, когда многие из наших граждан впервые интенсивно обдумывают русскую революцию как целостность, в деятельности Ленина видна особая тревога за сохранение и развитие России как *цивилизации*. Эта тема и, думается, важная компонента его мировоззрения скрыта во всех его идеях и проектах, хотя о цивилизации в состоянии становления ее новых форм Ленин говорил очень редко.

В литературе нередко говорится, что стремление Ленина превратить партию в скелет всей советской политической системы возникло из-за того, что политически незрелым и малограмотным депутатам Советов нужна поддержка централизованной и сетевой партии. Проблема глубже — для строительства СССР как большой системы нужна была именно *партия нового типа*. Можно было бы сказать, что нужна была партия не *классовая*, не *формационная*, а *цивилизационная*.

Этот аспект русской революции обойти было нельзя. Большой бедой была деформация системы понятий политизированной российской интеллигенции в начале XX в., которая использовала

дискурс формационного подхода с сильным влиянием евроцентризма. Возник разрыв между историческим материализмом марксизма и русской классической литературой, которая представляла образ России как цивилизации (особенно в литературе начиная с Пушкина и Гоголя до Достоевского и Толстого, а позже Блока и Есенина).

Разрыв между двумя моделями, которые должны были взаимодействовать (как неявно было у Маркса), не давал наладить диалог социокультурных групп.

Интеллигенция, особенно марксисты, говоря на языке формационного подхода, в своих суждениях, в действительности, часто представляли культурные и цивилизационные противоречия, из-за чего возникали разрывы в коммуникации между группами, даже с близкими культурными векторами.³⁹ Например, у российских западников начала XX в. наблюдалось выпадение рефлексивного аспекта из их рассуждений о будущем России. Н. Бердяев писал: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей» [210].

В начале Февральской революции Пришвин записал в дневнике (1 марта 1917 г.):

«Рыжий политик в очках с рабочим. Рыжий:

— Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и... везде, везде.

Рабочий задумчиво:

— А в России не было.

Рыжий на мгновение смущен:

— Да, в России не было. — И потом сразу: — Ну, что же... — и пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии».

Таким образом, советский строй возникал как новая общественно-экономическая формация и в то же время приобретал важные новые цивилизационные черты по сравнению с дореволюционной Россией.

Ленин с 1901 г. начал спорить с Плехановым по вопросам истмата, а после 1905 г. так же принципиально стал спорить с главными установками Маркса. В эмиграции он уделил много времени изучению диалектики формаций и пришел к выводу, что «нельзя вполне понять “Капитала” Маркса». В своих текстах и выступлениях он перешел на естественный язык и доступную логику. Это позволило ему обсуждать проблемы социально-экономических систем и культурно-цивилизационных систем без разделения их моделей. Этот синтез был эффективным, здравый смысл отсеял интеллектуальную схоластику. Но в нашей истории революции мало было внимания цивилизационному аспекту революции и советскому строительству. Надо надеяться, что историки и культурологи этим займутся, потому что этот аспект сейчас крайне актуален на всем постсоветском пространстве.

Продолжим ход событий в нашей теме.

В России Н.Я. Данилевский предложил признаки для различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых является надклассовая и надэтническая абстрактная общность, которую он назвал «*культурно-исторический тип*» [203]. Цивилизация у него представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* — народ, воплощенный в обобщенном индивиде.

В этой концепции принимается, что в каждый момент в цивилизации действует один культурно-исторический тип. Другого типа в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует. История XX в. заставляет расширить эту концепцию: и русская революция, и перестройка конца XX в. с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов становится доминирующим *в конкретный период* и «представляет» цивилизацию (в коалиции с союзниками).

В России начала XX в. западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные на разрешение социальных и политических

противоречий, на деле представляли собой разные *образы будущего*, разные *цивилизационные проекты*. Все эти проекты для России были до 1917 г. «выложены» в более или менее наглядной форме. Культурно-исторические типы, которые защищали свои проекты, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Представления Маркса о системах цивилизаций в докапиталистических периодах российская интеллигенция не знала.

На первой стадии разработки критики политэкономии Марксу приходилось рассматривать античную и германскую производственные системы, порождавшие разные типы земельной собственности и отношений города и деревни, а также «азиатский способ производства» с его огосударствлением производительных сил (т. н. «гидравлические цивилизации» Египта, Тигра и Евфрата и др.). Таким образом, в качестве разных целостностей Маркс брал именно цивилизации. Взаимодействие и смена экономических формаций в разных цивилизациях были рассмотрены Марксом в отдельном рабочем материале (в приложении к докапиталистическим формациям), который лежал в стороне от исследования западного капитализма. Этот материал, который Маркс *не предполагал публиковать*, назывался «Formen die der Kapitalistischen Produktion vorhergehen» («Формы, предшествующие капиталистическому производству»). В западной литературе они так и назывались сокращенно — *Formen*.

Этот материал впервые был опубликован в Москве в 1939-1941 гг. на немецком языке в составе книги «Основания критики политической экономии» («Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie»), а также на русском языке брошюрой. В 1953 г. этот труд вышел в Берлине, затем, в 1956 г., в Италии и потом в других странах — в Лондоне в 1965 г., в Испании в 1979 г. *Formen* обсуждались в кругу советских философов в 1970-е гг. и вошли в 46-й том сочинений Маркса и Энгельса, изданный в 1980 г. Никакого влияния на канонические книги по истмату эти обсуждения не оказали.

Английский историк-марксист Э. Хобсбаум в предисловии испанского издания *Formen* писал, что «можно с уверенностью заявить, что всякое марксистское исследование, проведенное без учета этого труда, то есть практически любое исследование, проведенное до 1941 г., должно быть подвергнуто пересмотру в свете *Formen*».

Отметим, что учебник истмата Н.И. Бухарина, а также учебники «Курс исторического материализма» для студентов вузов В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона были написаны именно без учета этого важного труда Маркса.

Э. Хобсбаум подчеркивает, что *Formen* посвящены почти исключительно проблеме смены формаций, и «по этой причине их чтение абсолютно необходимо, чтобы понять ход мысли Маркса как в целом, так и в частности его постановку вопроса об историческом развитии и классификации». Понятно, что фактологическая база исследований докапиталистических способов производства во времена Маркса была намного беднее, чем для изучения капитализма, однако сегодня многие ученые отмечают, что *Formen* находятся вполне в русле современного знания в области антропологии и этноэкономики.

Хобсбаум пишет: «В них [*Formen*] вводится важное нововведение в классификацию исторических периодов — учитывается существование “азиатской”, или “восточной”, системы... В общих чертах теперь принимается существование трех или четырех альтернативных путей развития от первобытно-общинного строя, каждый из которых представляет различные формы общественного разделения труда, как уже существующие, так и потенциально присущие каждому пути; этими путями являются: восточный, античный, германский (Маркс, разумеется, не ограничивает его принадлежностью к одному только народу) и славянский. Об этом последнем сказано несколько туманно, хотя чувствуется, что он в существенной мере близок к восточному» [188].

Маркс четко определил вектор развития Запада в состоянии капитализма и, соответственно, какую уготовил Запад судьбу «отставшим» народам, обязанным вести форсированное насаждение капитализма и ликвидацию общины. Здесь был исторический выбор России. Вот выводы Маркса из его рассуждений об «азиатской форме собственности» и об общинной собственности (мы выбираем суждения, которые только относятся к нашей теме):

«В обеих формах индивиды ведут себя не как рабочие, а как собственники и как члены того или иного коллектива [*Gemeinwesen*], которые в то же время трудятся. Целью этого труда является не *созидание стоимости*, — хотя они и могут выполнять прибавочный труд, чтобы выменивать для себя *чужие* продукты, т. е. прибавочные

продукты [других индивидов], — но целью всего их труда является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины» [209, с. 462].

Об «азиатской форме» сказано: «Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средства труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственности коллектива*, притом коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена» [209, с. 463].

Об «античной форме»: «Община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия...

Для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины» [209, с. 466, 467].

И вот важное для нас обобщение: «Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан...

Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное*, *объективное* существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д., — в силу чего эта основа с самого начала имеет ограниченный характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель» [209, с. 474, 475].

Гипотеза Маркса, согласно которой коллективное производство общиной сохраняется только при воспроизводстве исходные условия без развития, — продукт механистического детерминизма. При такой гипотезе общину можно представить только как стационарную равновесную машину. Но уже во второй половине XIX в. стали понимать, что общественные процессы неравновесны и их системы развиваются, а значит, они не воспроизводят заранее данные условия. Эти системы изменяются и адаптируются к новым условиям — и нет для них обязательных ограничений, без которых системы (в данном случае *общины*) гибнут. Гипотеза Маркса — абстракция, в реальности общины разного типа существовали и развивались тысячи лет, хотя и переживая кризисы при неудачных инновациях.

Выведенный из этой абстракции постулат, что капитализм покрывает всю землю и ликвидирует общины и коллективный труд, — утопия, которая неадекватна реальности, само разнообразие цивилизаций и культур это доказывает. Община на Руси и в России известна тысячу лет, и она быстро приспосабливалась с изменениями общества и государства, а после реформы 1861 г. община показала себя как динамичная экономическая система и политическая сила. Эта массовая система была очень важной компонентой российской цивилизации. Удивительно, что активная часть интеллигенции приняла уже устаревшую догму Маркса, а потом стала воевать под флагом устаревшей доктрины.

На следующей стадии разработки Маркс, уже с 50-х гг. XIX в., сконцентрировал свои усилия на анализе именно западного капитализма, оставив все незападные общества и цивилизации в «черном ящике». Строго говоря, начиная с «Коммунистического Манифеста» Маркс подчеркивал неизбежность закона смены формаций уже из политических целей. Он много раз подчеркивал постулат *глобализации* капитализма, согласно которому капитализм должен реализовать свой потенциал во всемирном масштабе — так, чтобы весь мир стал бы подобием одной нации. Он пишет в «Капитале»: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [16, с. 594].

На этом вопросе надо остановиться по той причине, что здесь и советский истмат пошел по пути большого упрощения и искажения реальности незападных цивилизаций под давлением марксизма. В общественном сознании стал доминировать истмат в его евроцентристской версии с убеждением во всеобщности закона смены формаций.

Келле и Ковальзон в своем учебнике пишут: «С развитием капитализма исчезает изолированность отдельных стран и народов. Различные страны втягиваются в общее русло капиталистического развития, возникают современные нации и между ними устанавливаются всесторонние связи. Тем самым отчетливо обнаружилось, что история всего человечества едина и каждый народ переживает ряд закономерных ступеней исторического развития» [187]. Так же и в учебнике «Основы марксизма-ленинизма» под руководством О. Куусинена (1960 г.) можно прочесть: «Понятие общественно-экономической формации имеет огромное значение для всей науки об обществе. Оно позволяет понять, почему, несмотря на все многообразие конкретных деталей и особенностей, все народы проходят, в главных чертах, один и тот же путь... Общество развивается, последовательно проходя социально-экономические формации, согласно определенным законам» [211].

Уже в начале XX в. антропологи и этнологи знали, что народы вовсе не «проходят один и тот же путь» и что социально-экономические формации — научные абстракции, чтобы разрабатывать модели. Поразительно то, что большинство политизированной интеллигенции этого как будто не знало. Из литературы и опыта было видно, что развитие культур шло по разным путям, хотя они непрерывно заимствовали друг у друга достижения. Это было и до появления капитализма, и после него. Без этого не могло бы существовать человечество.

На деле построение единообразного мира — утопия, основанная на мифе и питающая идеологии Запада. Читаем у антрополога-структуралиста К. Леви-Стросса: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в

этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть не чем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, невысказимо» [88, с. 338].

Леви-Стросс пишет: «Вся научная и промышленная революция Запада уместается в период, равный половине тысячной доли жизни, прожитой человечеством. Это надо помнить». Сначала для примера он приводит роль в развитии технологий и производств цивилизаций индейцев Америки:

«За этот период [15-20 тыс. лет со времени перехода через Берингов пролив в Америку] эти люди продемонстрировали один из самых невысказимых случаев кумулятивной истории в мире: исследовав от северной до южной оконечности ресурсы новой природной среды, одомашнив и окультуривав целый ряд самых разнообразных видов животных и растений для своего питания, лекарств и ядов и даже — факт, который не наблюдался нигде больше, — превращая ядовитые вещества, как маниока, в основной продукт питания, а другие — в стимуляторы или средства анестезии; систематизируя яды и снотворные соединения в зависимости от видов животных, на которых они оказывают селективное действие, и, наконец, доведя некоторые технологии, как ткачество, керамика и обработка драгоценных металлов до уровня совершенства. Чтобы оценить этот колоссальный труд, достаточно определить вклад Америки в цивилизации Старого Мира.

Во-первых, картофель, каучук, табак и кокаин (основа современной анестезии), которые, хотя и в разных смыслах, составляют четыре опоры западной цивилизации; кукуруза и арахис, которые революционизировали африканскую экономику даже до того, как были широко включены в систему питания Европы; какао, ваниль, помидоры, ананас, красный перец, разные виды бобовых, овощей и хлопка. Наконец, понятие нуля, основа арифметики и, косвенно, современной математики, было известно и использовалось у майя как минимум за пятьсот лет до его открытия индийскими мудрецами, от

которых Европа научилась ему через арабов. Поэтому, видимо, календарь той эпохи у майя был точнее, чем в Старом Море.

Чтобы определить, был ли политический режим инков социалистическим или тоталитарным, было исписано море чернил. В любом случае, этот режим выражался через самые современные формулы и на несколько веков опередил европейские феномены того же типа» [88, с. 317-318].

А дальше Леви-Стросс ставит под сомнение сам критерий, по которому оценивается вклад той или иной формации или цивилизации: «Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека все более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в ее американском воплощении будет во главе...

Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получат эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай — стиль жизни, способные компенсировать психологические последствия демографического стресса. Уже три столетия назад Ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни — технической, экономической, социальной и духовной — какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии.

Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и связанной с ней области отношений между телесным и моральным Восток и Дальний Восток обогнали Запад на несколько тысячелетий — там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори...

Что касается организации семьи и гармонизации взаимоотношений семьи и социальной группы, то австралийцы, отставшие в экономическом плане, настолько обогнали остальное

человечество, что для понимания сознательно и продуманно выработанной ими системы правил приходится прибегать к методам современной математики... Австралийцы разработали, нередко в блестящей манере, теорию этого механизма и описали основные методы, позволяющие его реализовать с указанием достоинств и недостатков каждого метода. Они ушли далеко вперед от эмпирического наблюдения и поднялись до уровня познания некоторых законов, которым подчиняется система. Не будет преувеличением приветствовать их не только как родоначальников всей социологии семьи, но и как истинных основоположников, придавших строгость абстрактного мышления изучению социальных явлений» [88, с. 321-322].

Здесь говорится о структурах культуры этих цивилизаций, но ведь и их социально-экономические уклады вовсе не сливались и не сливаются в одну формацию — ни в период древности, ни при феодализме и капитализме, если вообще можно их системы так назвать. В общественном сознании интеллигенции доминировал истмат в его *евроцентристской* версии с убеждением во всеобщности закона смены формаций («пятичленка»). Но даже Запад трудно было втиснуть в «пятичленку» формаций.

Так, очевидной абстракцией формационного подхода было представление феодализма как формации, якобы «выраставшей» из рабовладельческого строя. На деле обе формации вырастали параллельно в лоне двух разных цивилизаций — античной общины-полиса и германской общины («варваров»). А у восточных славян и «азиатов» ни рабства, ни феодализма в западном смысле слова вообще не возникло.

Да и структуры капитализмов у разных цивилизаций так различались и различаются, что уже в конце XIX в. модель «всеобщего» капитализма по стандарту Маркса была явно устаревшей. Например, говорили, что в Японии развитой капитализм, но под этой вывеской совсем другая, самобытная формация. Что значат, например, такие выражения, как «конфуцианский капитализм» при описании производственных отношений в Японии или «буддистский капитализм» в приложении к Таиланду? А дальше надо разбираться с капитализмом фашистской Германии, Тайваня, Швеции и т. д. А сейчас еще бесполезно давать ярлык капитализма Китаю, Ирану или

арабским странам. Да и что за капитализм устроился на постсоветском пространстве?

Многие описания и исследования конкретных социокультурных и производственных систем, проводимые в рамках формационного подхода, не могли обойтись без включения в модель цивилизационных категорий. На деле марксизм XX в. стал пользоваться понятиями цивилизационного подхода.

Можно предположить, что, разрабатывая материалистическое понимание истории и формационный подход, Маркс и Энгельс придавали понятие цивилизации только западным обществам, которые якобы прошли в истории по «столбовой дорожке» и дошли до станции «капитализм». Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пишет: «Цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин...

Ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизация соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной и отдельная семья как хозяйственная единица общества» [191].

Можно сказать, что такое представление о цивилизации просто сужено в концепции формаций, и российские революционеры могли бы рассуждать о России как цивилизации в обычном смысле этого термина. Но такого соглашения никто не предложил, и цивилизационные проблемы России замалчивали или маскировали. Вероятно, над русской революцией витало представление Маркса о

России как цивилизации и, особенно, революцией союза рабочих и крестьян. Ведь в действительности модель «смены формаций» развивалась Марксом на основе широкой картины разных *цивилизаций*, хотя эта категория не использовалась, т. к. капитализм должен был стереть предшествовавшие структуры.

Но те, кто видел общественные процессы через призму истмата, открыли лишь «верхний» слой представлений марксизма. Понятия классовой борьбы в нем являлись лишь надстройкой процесса *войны народов и цивилизаций*. Формационный подход возник для описания истории Запада как «столбовой дороги цивилизации» и стал господствующим у многих вследствие идеологического давления. Здесь корень многих расколов российской интеллигенции, особенно революционной.

Уже «Коммунистический Манифест» вызвал важные противоречия. Ведь он предлагал такой образ прогрессивного общественного развития, проходя формацию капитализма: «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада» [3, с. 428].

Здесь крестьянство, крестьянские народы и Восток представлены как собирательный образ врага, который должен быть побежден и подчинен буржуазным Западом. Это формула мироустройства — *война цивилизаций*, оправданная теорией формаций.⁴⁰ А в России «рабоче-крестьянский народ», судя по совокупности наказов и приговоров, желал жить в России и «жить по-своему, а не по европейски», поэтому не прошел социалистический проект меньшевиков. В тот исторический момент возможность «жить по-своему» давал именно советский проект.

Буржуазное общество Запада видело в крестьянстве главного своего врага. Казалось, что уже в XX в. это представление было преодолено даже в среде буржуазии. А в России именно по вопросу о крестьянстве стала все более и более жестко проходить линия, разделяющая большевиков от меньшевиков, которые все сильнее

тяготели к блоку с западниками-кадетами. И вопрос, по сути, стоял так же, как был поставлен в двух Нобелевских комитетах (по литературе и по премиям мира), которые отказали в присуждении премий Льву Толстому — самому крупному мировому писателю того времени и первому всемирно известному философу ненасилия. Запад не мог дать Толстому премию, ибо он «отстаивал ценности крестьянской цивилизации» в ее борьбе с наступлением капитализма. Казалось бы, русская интеллигенция могла бы разобраться...

Важная установка классического марксизма, которая довлела над мировоззрением русской революционной интеллигенции, состояла в концепции разделения народов на *революционных* и *реакционных*. Народ, представляющий Запад, являлся по определению прогрессивным, даже если он выступал как *угнетатель*. Народ-«варвар», который пытался бороться против угнетения со стороны Запада, являлся для классиков марксизма *врагом* и подлежал усмирению вплоть до уничтожения.

Энгельс так трактовал революционные события 1848 г. в Австро-Венгрии: «Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это — *немцы, поляки и мадьяры*. Поэтому они теперь революционны.

Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны» [192].

Русские считались реакционным народом, угрожающим Европе. С XVI в. в элите Запада к образу России как «варвара на пороге» добавлялся «географический» мотив представления русских как азиатского народа. Утверждали даже, что для Европы «русские хуже турок». Маркс писал: «Мы самым решительным образом становимся на сторону турок... Турция была плотиной Австрии против России и ее славянской свиты» [193].

Почти целый век эксплуатировался и миф об угрозе для Европы *панславизма*, за которым якобы стояла Россия. Энгельс развивал эту тему в связи с революцией 1848 г.: «Европа [стоит] перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России».

В большой статье «Демократический панславизм» Энгельс пишет, обращаясь к русским демократам: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [194].

Прошло десять лет, но этот антироссийский штамп применился Марксом без изменения. На митинге в Лондоне он произнес патетическую речь: «Снова польский народ, этот бессмертный рыцарь Европы, заставил монгола отступить... Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Путеводная звезда этой политики — мировое господство, остается неизменным. Только изворотливое правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время замысливать подобные планы... Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитями азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев» [195].

Изложенные Марксом и Энгельсом после 1848 г. представления о прогрессивных и реакционных народах, о реакционной буржуазной сущности крестьянства и столь же реакционной сущности славян (особенно русских) были суждениями не об экономических формациях России, а именно об отношениях к ней как цивилизации.⁴¹ Эти суждения резко осложнили развитие движения революционных демократов в России. Эти представления позже вызвали в русском марксизме раскол, который затем перерос в конфликт марксистов с русскими народниками, а затем и в конфликт меньшевиков и эсеров с большевиками.

Россия (Евразия) сама была большой и сложной цивилизацией, и созревшая в ней революция подчинялась не схеме евроцентризма, а закономерностям развития именно этой цивилизации — сочетанию славянских и восточных ветвей. Это понял Ленин в ходе революции 1905-1907 гг. Революция в России была отрицанием капитализма, отрицанием политэкономии в совершенно конкретных исторических условиях. Когда читаешь документы тех лет, странно видеть, что с особой страстью отвергли Октябрьскую революцию именно левые, марксистские партии (социал-демократы Интернационала, меньшевики и Бунд). Представления Ленина и большевиков были для них не социальной угрозой, а ересью, нарушением их квазирелигиозных догм.

Надо отметить, что в конце 1980-х гг. антисоветский дискурс «новых либералов» опирался на антироссийские и антигосударственные концепции марксизма, которыми были индоктринированы меньшевики и кадеты. В изданной в 1998 г. по материалам прошедшей в МГУ конференции книге «Постижение Маркса» В.А. Бирюков верно констатировал: «Очередным парадоксом в судьбе марксизма стало широкое использование многих его положений для идеологического обоснования отказа от того социализма, который был создан в десятках стран, для перехода от социализма к капитализму в конце XX в. Закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, экономический детерминизм, закономерный характер развития общества в форме прохождения определенных социально-экономических формаций, марксистская трактовка материальных интересов как движущей силы социальных процессов и многое другое из арсенала марксизма было использовано для идеологической подготовки смены одного строя другим» [196].

А в предыстории революции, во второй половине XIX в., начал вызревать очередной цивилизационный кризис России. В Европе после 1848 г. поднялась волна русофобии: крымская война, потоки эмиграции диссидентов, внутри — сословное общество и бюрократия тормозили модернизацию, а западный капитал начал интенсивную экспансию. Россия оказалась в сфере *периферийного* капитализма и не могла повторить путь Запада. Ее промышленность стала анклавом

западного капитализма, а крестьянство — его «внутренней колонией». Приходилось «догонять капитализм и убегать от него».

Ленин интегрировал в картину мира большевиков представления противоречий цивилизаций, прикрытых языком марксизма (эти противоречия были латентными).

Февральская и Октябрьская революции — две разные культуры и две парадигмы мышления, они отстаивали разные цивилизационные проекты. Россия была на распутье, и Гражданская война определила: трансформация цивилизации пошла по пути Советов, и доминирующим *культурно-историческим типом* до 1980-х гг. был *советский человек*.

В Апрельских тезисах содержался цивилизационный выбор, прикрытый срочной политической задачей, но опирающийся на мироощущение и культуру подавляющего большинства населения. Главная его мысль была в том, что путь к социализму в России лежит не через полное развитие и исчерпание возможностей капитализма, а прямо из состояния того времени с опорой не на буржуазную демократию, а на новый тип государства — Советы.

Меньшевики были настолько непримиримы к проекту Ленина, что их лидеры после поражения интервентов и белых призывали социалистов Запада к крестовому походу против советской власти. Вот выдержки из документа, который называют «Политическим завещанием» лидера меньшевиков Аксельрода (письмо Ю.О. Мартову, сентябрь 1920 г.). Он пишет, обращаясь к социал-демократам Европы, о большевиках:

«С первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупримитивного капитализма прямо в царство социализма. И в этой борьбе Ленин и его литературные сподвижники активно участвовали...

Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии... А мы противники большевиков именно потому, что всецело преданы интересам пролетариата, отстаиваем его и честь его международного знамени против азиатчины, прикрывающейся этим знаменем...

Необходимость войны против него не на жизнь, а на смерть — ради жизненных интересов не только русского народа, но международного социализма и международного пролетариата, а быть может, даже всемирной цивилизации... Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции» [197].

На Западе оценки были еще жестче. П. Шиман, развивая мысль К. Каутского, писал: «Духовная смерть, внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы» (цит. в [199, с. 288]).

Наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за *независимость* России — войной против интервенции Запада. Роль Запада в порождении Гражданской войны у нынешних поколений как-то недооценивается, а это — важнейший фактор на первом этапе советской истории. В то время роль Запада была всем очевидна. Ленин сказал 2 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б) как о вещи общеизвестной: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну, и виновен в ее затягивании... Именно те страны, которые больше всего считались и считаются демократическими, цивилизованными и культурными, именно они вели войну против России самыми зверскими средствами, без малейшей законности... Ни одно из этих демократических государств не решилось и не посмеет по законам своей собственной страны объявить войну Советской России» [200].

Цивилизационный смысл большевизма тогда прекрасно понимали и на Западе. В. Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Дело идет о **мировом историческом**

столкновении между континентом Европы и континентом России...

То, чего Запад боится, — это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу» [202].

Это — взгляд из Европы. А советский и израильский историк М. Агурский пишет в книге «Идеология национал-большевизма»: «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад...

Капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации» [201].

В 1918-1921 гг. Запад вел свою «горячую» цивилизационную войну с Россией в основном руками российских «белых», а потом — руками поляков и этнонационалистов.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил

ими талантливый марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Само собой, турки пошли в наступление, легко разбили грузин, и тем пришлось призвать на помощь немецкую армию, а потом и британскую. Какова же была внутренняя политика правительства Жордания? Типично *социалистическая*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа — земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19 % занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!» [22, с. 533].

Жордания, следуя ортодоксальному марксизму, считал крестьянство частью буржуазии, и их аграрная реформа свелась к приватизации земли на началах чистого индивидуализма и с сознательным подрывом всяких общинных отношений в деревне.⁴²

Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*. Конечно, делая в этой главе упор на *цивилизационном* характере революции и Гражданской войны в России, мы ни в коем случае не должны забывать назревшего в

обществе социального («классового») конфликта — конфликта, связанного с происходившей в России борьбой экономических *формаций*. Временное правительство и Советы означали два разных пути, разных жизнеустройства. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Но они находились и на двух разных и *расходящихся* ветвях цивилизации. То есть их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны.

Перед двумя революциями, которым пришлось вести цивилизационную войну в форме интервенции Запада и внутренней Гражданской войны, Ленин написал фундаментальный труд «Империализм как высшая стадия капитализма». Он представил картину, как новый тип мирового капитализма (*империализма*) создает глобальную систему «*метрополия — периферия*» — посредством войн, колонизации, аннексий и геноцида. Те культуры и цивилизации, которые в ходе экономических и «горячих» войн, идеологических и культурных агрессий были втянуты в периферию мирового капитализма, надолго погрузились в *слаборазвитость*.

Вырваться из этой системы могли только крупные цивилизации только посредством революционной национально-освободительной борьбы. Уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма нет смысла, потому что, как сказал Энгельс, в метрополии «буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». Ленин убедительно показал, что войны с «отсталыми странами» *капитализма как формации* лежат в той же плоскости, что и войны Запада как цивилизации с «варварами».

Вспомним суждение Маркса о том, что капитализм ликвидирует общинное производство. В действительности, зрелый капитализм (империализм) сам создавал структуры типа общины, чтобы сократить потребление и развитие населения в зависимых странах и целых цивилизациях. О периферийном капитализме пишет В.В. Крылов: «Даже там, где капитализм разрушал эти [общинные] порядки, в “освободившемся” социально-экономическом пространстве развивались не столько собственно капиталистические порядки, сколько такие докапиталистические укладные формы, с которыми в доколониальный период периферийные страны знакомы не были... И

это суть регрессивные формы самого капитала, такие докапиталистические уклады, которые исторически не предшествуют капитализму, но следуют после него, им же самим порождаются. Эти “псевдотрадиционные” или “неотрадиционные” укладные формы необходимо отличать от предшествующих капитализму действительно доколониальных местных укладов» [20, с. 171].

Эта угроза и нависла в начале XX в., ликвидировать ее реформа Столыпина не смогла, попытка Февральской революции принять в России периферийный капитализм была отвергнута, а после Гражданской войны все в России поняли, что никакой конвергенции с метрополией мирового капитализма уже быть не может. Те, кто остался в СССР, начали достраивать цивилизацию на новом витке, а те, кто остался в эмиграции, или стали так или иначе воевать с Россией-СССР, или приспособились на чужбине и нередко помогали родине. Мировоззренческий провал произошел в советском обществе, особенно в интеллектуальной элите, уже в 1970-1980-х гг. Часть их искренне поверили в конвергенцию с Западом, другие надеялись наняться пропагандистами и поводырями в «наш общий европейский дом».⁴³

4 мая 1992 г. Координационный совет по гуманитарным и общественным наукам при вице-президенте РАН провел заседание «круглого стола», посвященное оценке нынешнего и прогноза будущего общественного устройства России. В дискуссии приняли участие ведущие философы, экономисты, социологи и историки. В обзоре сказано: «Участники “круглого стола” исходили из неизбежности перехода России к рыночной экономике... Под “особым путем России” понималась необходимость сочетать достоинства и исключать недостатки капитализма и социализма... Нужно поработать над тем, как идею конвергенции облечь в приемлемые для всех народов и наций страны одежды. Переходная, опирающаяся на смешанную социально ориентированную экономику модель была поддержана участниками обсуждения» [204].

Верить в эту утопию поразительно, основания для этого были иррациональны. Было известно, что правящая верхушка США воспринимала и постсоветскую Россию как источник опасности — как *иную*, который пытается вторгнуться в «европейский дом» Запада. СССР на это не претендовал и такую угрозу для Запада не создавал.

Поэтому вражда к постсоветской России, государству совсем нового типа, выплеснулась сразу, как только с СССР было покончено. Попытка российских реформаторов «построить капитализм в России», а затем войти в систему «западного капитализма» выглядит странной утопией из XIX в.

При той социально-экономической и культурной системе, которую выстраивали по шаблонам «чикагских мальчиков», Россия могла бы существовать в *слаборазвитом* состоянии — но только в фарватере Запада и при его благоволении. Нелепо строить капитализм западного типа, бросив вызов западному капитализму. Можно строить социализм в одной стране (масштаба России), но невозможно строить капитализм в одной стране, будучи изгоем мировой системы капитализма. Ведь сегодня всем очевидно, что проблема не в *формации*, а в противоречиях *цивилизаций*.

Статьи, выступления и короткие суждения Ленина в совокупности раскрывают его представление о развитии России как цивилизации, и это представление — часть новой картины мира, которая формировалась в начале XX в.

Принципиальным и новаторским шагом было изменить вектор движения к будущему: от *социал-демократии* к *коммунизму*. Дебаты по главным проблемам II Интернационала показали, что социал-демократические партии Западной Европы кардинально расходились с большевиками — в системах ценностей, в образе будущего и даже в антропологии и человеческих отношениях. Соответственно, кардинально разошлись две части РСДРП — большевики и меньшевики. Поэтому на VII Экстренном съезде (6-8 марта 1918 г.) было изменено название партии РСДРП(б) на РКП(б) — Российская коммунистическая партия большевиков. Ленин в докладе даже сказал, что если в Западной Европе будут строить социализм, у них будет иначе.

Какие признаки выявляются при сравнении движения в будущее социал-демократов и коммунистов? Из обыденных рассуждений можно сказать так.

Вступление в коммунизм — завершение огромного цикла человеческой цивилизации, в известном смысле конец «этого» света, «возврат» человечества к *коммуне*. Это значит, к жизни в общине, в семье людей, где преодолено отчуждение, порожденное

собственностью. Социализм же — всего лишь экономическая формация, где разумно, с возможной долей солидарности устроена совместная жизнь людей, во многом как в семье. «Каждому по труду» — принцип не семьи, а весьма справедливого общества (кстати, главная его справедливость в том, что «от каждого по способностям», что значит каждый получит рабочее место).

Время социал-демократов — *линейное*, цель — ничто. Здесь — мир Ньютона, бесконечный и холодный. Можно сказать, что социал-демократов толкает в спину *прошлое*, а коммунистов притягивает *будущее*. История для социал-демократии — не движение к идеалу, а уход от дикости, от жестокости родовых травм цивилизации капитализма — но без отрицания самой этой цивилизации. Это — постепенная гуманизация, окультуривание капитализма без его отказа от самого себя. Социал-демократия выросла там, где человек прошел через горнило Реформации. Постепенно индивид дорос до рационального построения более справедливого общества — добился *социальных* благ и прав. А *индивидуальные* права и свободы рождались вместе с ним, как «естественные».

Социал-демократия произвела огромную работу, изживая раскол между обществом и «расой отверженных», превращая подачки в социальные права. Только поняв, от чего она шла, можно в полной мере оценить гуманистический подвиг социал-демократов. Но в России начинали совершенно с иной базы — с человека, который был проникнут солидарным чувством.

В исторической России не было рабства, да и крепостное право захватило небольшую часть России и на недолгое время, а капитализм вообще быстро сник. Русский коммунизм исходит из другого представления о человеке, поэтому между ним и западной социал-демократией — антропологическая пропасть. Россия не имела колоний, в России не было «расы» рабочих, в русской культуре не было места Мальтусу — иным был и смысл большевиков. Поэтому социал-демократы и еврокоммунисты пришли к разумному выводу, что советский строй им не годится, но с СССР они сотрудничали с обоюдными выгодами.

Ленин не раз отмечал, что основа развития России — созданная ею цивилизация, а социалистическая революция является необходимым следующим шагом. Как можно было понять выше,

Ленин в дебатах о НЭПе разделил эти сущности, сказав: «Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли».

В одной из последних статей Ленин резко подчеркнул, что судьба русской революции во многом определяется резкой активизацией мировых цивилизационных процессов, особенно на периферии западного капитализма. Руководитель АН СССР С.Ф. Ольденбург, востоковед, писал о Ленине: «Как политик, особенно политик с широкими взглядами на значение Востока в мировой, интернациональной жизни, он интересовался и этнографией и лингвистикой, хорошо сознавая значение языка в интернациональных отношениях» [214].

Ленин считал большим изъяном картины мира социал-демократов и меньшевиков недооценку сдвигов в системах цивилизаций: «Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным...

Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» [145, с. 379, 381].

Ленин видел цивилизацию как большую систему, которая или развивается, или, в застое, деградирует. Ее надо непрерывно *воспроизводить* и *обновлять*. Можно выделить устойчивое ядро этой системы, хотя подвижная и противоречивая «периферия» в конкретных ситуациях может маскировать это ядро. В ядре можно выделить структуры *sine qua non* — те, без воспроизводства которых в следующем поколении резко меняется вся система цивилизации. Воспроизводство цивилизации есть процесс *динамичный* — нелинейный, с кризисами и конфликтами. Это не сохранение чего-то

данного и статичного, это развитие всех подсистем цивилизации в меняющихся условиях, но при сохранении ее культурного «генотипа», *центральной цивилизационной матрицы*.

Для России, чтобы вырваться из «исторической ловушки» и сохранить статус цивилизации, требовалась глубокая трансформация — сложное общенародное преобразование. Это чувствовали практически все. Маяковский писал (1921):

Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.

.....

Пока канителю, спорим,
смысл сокровенный ища:
«Дайте нам новые формы!» —
несется вопль по вещам.

Крупные системные разработки новых государственных общественных и культурных форм были начаты в XX в. в Академии наук (см. гл. 9. **Мировоззрение: отношения экономики и природы**). Форсированное развитие общей культуры, массовой грамотности и науки Ленин считал ключевым условием не утратить устои цивилизации и обеспечить ее гармонизацию с советским строем. Для него эта функция государства была не менее важна, чем строительство системы власти, армии и коммуникации партии с массой.

Советское государство сразу начало большую школьную программу и культурную революцию. В ней соединились: волна потребности грамоты и современного рационального знания масс традиционного общества перед вызовом преобразований — с изменением картины мира и освоения новой парадигмы. Этот проект был в главных своих чертах реализован — в виде индустриализации, модернизации деревни, культурной революции, создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. В этом проекте возник кооперативный эффект взаимодействия разных типов знания — *науки и знания доиндустриальной эпохи*, которым владели средневековые мастера с их

особым отношением «мастер — материал». Пафос модернизации замаскировал этот синтез, но работники и специалисты многое почерпнули из традиционного ремесленного знания.⁴⁴

Важная инновация — создание *единой трудовой общеобразовательной школы*. Как известно, в ходе буржуазных революций на Западе была сконструирована школа «двух коридоров». Один коридор — для элиты (с «университетской» культурой), другой — для массы (с «мозаичной» культурой). У этих школ разные учебные программы и социальные уклады. В России дискуссии в выборе модели школы начались в конце XIX в. Сразу после Октябрьской революции была поставлена эта проблема.

29 октября 1917 г. была поставлена задача в кратчайший срок добиться массовой грамотности путем введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения. В июле 1918 г. был созван I Всероссийский учительский съезд, объединивший основную массу учительства. В августе было принято «Положение о единой трудовой школе РСФСР». В 1919 г. был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», который обязывал все население от 8 до 50 лет обучаться грамоте на родном или русском языке. Эта массовая кампания, в которую было вовлечено не только учительство, но и грамотная молодежь из разных социальных групп, сыграла важную роль в консолидации общества вокруг программы строительства общероссийской школьной системы, которая воспринималась как большой национальный проект. После экспериментов утвердилась модель единой школы на основе «университетской» культуры *для всех*.

Форсированная и поддержанная обществом программа становления *единой трудовой общеобразовательной школы* выдержала экзамен Великой Отечественной войны. Дух новаторства был общим, культура России была на взлете.

Ленин очень много сделал, чтобы государство и общество не допустили *разрыва непрерывности* культурного развития России. В условиях той катастрофы, какой была революция в целом, это было почти невероятным достижением. Достаточная для обеспечения преемственности часть ученых, инженеров, управленцев, военных и гуманитарной интеллигенции включилась в советское строительство и не была отторгнута революционной массой. Культура как

национальное достояние была перенесена в советское общество и государство и стала базой для модернизации и развития.

Успех советской индустриализации и научно-технического строительства, победа в Великой Отечественной войне во многом были обязаны преодолению цивилизационного раскола. Это позволило на время нейтрализовать русофобию Запада. Россия (СССР) была признана как полноправная цивилизация массовым сознанием Запада или, по крайней мере, перестала балансировать на грани «страны-изгоя».

Особенно надо рассмотреть советскую программу строительства научно-технической системы. Эта программа — ключ к изучению всего советского цивилизационного проекта.

После Октября, в конце 1917 г. и начале 1918 г., были подняты и пересмотрены наброски больших проектов, созданных в Академии наук. Была начата разработка научной политики и строительство большой системы (включая атомную программу — в 1918 г.). Только в 1918-1919 гг. было создано 33 ключевых НИИ (структуры, рожденные в российской науке), в 1923 г. их число достигло 56 и в 1929 г. 406.

К середине 1920-х гг. резко снизилась младенческая смертность в России, в результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила *на 12 лет*. Это было достигнуто интенсивной и массовой научной и *культурно-просветительной* работой. Проведенные в 1920-е гг. большие санитарные и противоэпидемические программы предотвратили эпидемии и резко снизили заболеваемость инфекционными болезнями, ликвидировали особо опасные инфекции.

Ленин призывал своих соратников, в разных контекстах, что социалистическая Россия, будучи цивилизацией, должна налаживать многосторонние отношения с другими цивилизациями, даже если имеются противоречия с ними формационного и идеологического характера. Эта культура была свойственна и в прошлом России — в ней не было *буржуазного национализма* и *шовинизма*, русская культура их отвергала. Не разжигали *национальной ненависти* к французам в 1805-1812 гг., не разжигал Лев Толстой национальной ненависти к англичанам в «Севастопольских рассказах», не разжигали в России национальной ненависти к туркам в 1877 г. — и даже к немцам в 1914 г.^{[45](#)}

Сам Ленин принимал меры к тому, чтобы в советско-польской войне не возникало национальной ненависти. В мае 1920 г. он написал в Секретариат ЦК РКП(б): «Предлагаю директиву: все статьи о Польше и польской войне просматривать ответственным редакторам под их личной ответственностью. Не пересаливать, т. е. не впадать в шовинизм, всегда выделять панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши» [212].

Красноречиво участие Ленина в организации срочного создания национальной метрологии и стандартизации промышленности — важного института промышленных стран. В Российской империи в 1890 г. законом была введена метрическая система мер, но ввести ее не удалось ни царскому, ни Временному правительствам. Поэтому сразу после совершения Октябрьской революции руководство Главной Палаты мер и весов (в прошлом директором ее был Д.И. Менделеев) обратилось в Совнарком, и в 1918 г. был издан декрет и стала вводиться метрическая система. Даже во время Гражданской войны для отливки метрических гирь был выделен драгоценный чугун, и торговцы в короткие сроки были снабжены этими гирями. Первая глава книги о ГОЭЛРО была посвящена объяснению смысла и значения реформы мер и весов, а предисловие к книге написал Ленин.

До 1917 г. в России, где множество предприятий принадлежало иностранным фирмам, применялись три системы мер: старая русская — с пудами и фунтами, британская (с дюймами) и метрическая. Государственным актом, положившим начало стандартизации в СССР, был подписанный Лениным декрет «О введении международной метрической системы мер и весов». В 1923 г. был создан Комитет эталонов и стандартов, который разрабатывал стандарты на меры длины, резьбы, калибры. В 1924 г. было организовано Бюро промышленной стандартизации, оно руководило деятельностью 120 рабочих комиссий, которые разрабатывали общепромышленные стандарты. В 1925 г. Совнарком СССР организовал Комитет по стандартизации при Совете Труда и Обороне. В работе Комитета участвовали известные ученые. Комитет стал вводить первые обязательные общесоюзные стандарты, получившие силу государственного закона [208].

Промышленность получила метрологию и стандартизацию, СССР становился цивилизацией с промышленностью высшего класса. Не

менее красноречива ликвидация в РФ в 2003 г. Госстандарта, а начиная с 2010 г. ГОСТы перестали быть обязательными для исполнения.

В нашей исторической литературе было мало текстов о той стороне деятельности Ленина, которую можно назвать проектирование и воспроизводство цивилизации. Все проекты, представления и объяснения процессов становления новых институтов — это производные от изучения и воспроизводства больших систем, разных ипостасей целостной сущности — например, России. Народ, общество, государство, хозяйство и цивилизация с ее взаимодействием с человечеством — это срезы целого, которые упрощают в сознании действовать с отдельными образами и их блоками.

Ленин сумел показать и объяснить какое-то частное явление, во времени, и парой фраз соединил это явление с сущностями высшего уровня. Например, он в множестве простых реплик объяснил, почему России нельзя закрываться в патриархальной общине, а надо взаимодействовать с другими цивилизациями, даже идеологически чуждыми. Он говорил, что необходимо освоить самую современную промышленность, науку и технику, но не став объектом эксплуатации мирового капитала. Это поняли почти все, и почти на целый век мы были народом с «антропологическим оптимизмом», важным ресурсом СССР, — и его уважали. Поэтому мышление и методологию объяснения Ленина ценили его современники широкого диапазона во всем мире — Рассел и Эйнштейн, Грамши и Кейнс, Сунь Ятсен и Махатма Ганди.

Жаль, что в советском образовании Ленин был канонизирован, а структуры его мышления и рассуждений нам не представили.

Послесловие автора

С волнением работал я над этой небольшой книгой. Неожиданно образы, которые ушли в историю и закристаллизовались в нашей памяти, как будто ожили и заговорили — и не так, как их представляли в школе, в университете, в литературе и в спорах. Во время катастрофы «перестройки», краха СССР, расстрела Верховного Совета РФ, а сейчас вдыхая гарь от пожара Украины, пришлось все чаще обращаться к образам, мыслям и действиям наших дедов и прадедов. Их мысли и действия — террор народников и эсеров, воображение и практика революций, которые переросли в Гражданскую войну революционеров, желавших России социализма, а потом невероятные, форсированные и трагические программы 1930-х гг., небывалый рывок Великой Отечественной войны и труд возрождения России-СССР. Мое поколение еще лично общалось с этими людьми, и молодежь в 1950-1960-е гг. могла совмещать их рассуждения и оценки с послевоенной реальностью советского строя.

К этим образам ушедших поколений пришлось обращаться потому, что очень много похожего и общего оказалось в мыслях и действиях людей нашей противоречивой культуры во время той катастрофы 1917 г. — и новой, нашей, современной. Попытки выхода из новой катастрофы буксуют, и, главное, нет у нас карты нашей преобразованной местности, она покрыта туманом, пылью и дымом. Трудно нам всем определить ориентиры наших целей и маршруты путей. Наше население в целом еще имеет высокий уровень образования и в массе своей сохраняет важные элементы совести и солидарности. Но почему даже близкие друзья не могут согласовать образ нашей актуальной постсоветской реальности и определить приблизительно вектор спасительного движения?

Конечно, это состояние общества объясняется многими причинами. Всегда во время кризиса, при котором распадается мировоззренческая основа и люди сомневаются в прежних ценностях, происходят дезинтеграция общества, деградация мышления и коммуникации — наступает *нигилизм* (см. [215]).

В. Гейзенберг, физик и философ, писал: «Характерной чертой любого нигилистического направления является отсутствие твердой общей основы, которая направляла бы деятельность личности.

В жизни отдельного человека это проявляется в том, что человек теряет инстинктивное чувство правильного и ложного, иллюзорного и реального. В жизни народов это приводит к странным явлениям, когда огромные силы, собранные для достижения определенной цели, неожиданно изменяют свое направление и в своем разрушительном действии приводят к результатам, совершенно противоположным поставленной цели. При этом люди бывают настолько ослеплены ненавистью, что они с цинизмом наблюдают за всем этим, равнодушно пожимая плечами» [216].

Мы с товарищами в 1990-е гг. считали, что «перестройка», крах СССР и разрушительные «реформы» нанесли всему нашему населению слишком тяжелую культурную травму, но со временем она залечится (на основе наших рассуждений и изучения признаков повреждения массового сознания была издана книга «Потерянный разум» [217]). Но удивляло, что восстановление здравого смысла и логики проходило очень медленно. Поскольку все мы знали, что российское общество за 1905-1925 гг. пережило длительный и глубокий катастрофический кризис, и теперь многие стали искать и читать исторические тексты и воспоминания очевидцев. Надо было что-то почерпнуть из опыта дедов и прадедов. При этом обнаружилось странное явление, мимо которого прошло наше образование, а сейчас, на фоне нынешнего состояния, оно представляется удивительным и угрожающим.

Это явление состоит вот в чем.

В 1902 г. в России поднялась волна массовых восстаний крестьян, организованных общинами. Организовалась деревня! Масса крестьян имели стратегические цели и выработали технологию борьбы — со строгими нормами. Историк крестьянства В.П. Данилов пишет: «В России начиналась крестьянская революция, на основе которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г... В 1902 г. на историческую сцену выступил новый крестьянин — крестьянин эпохи революции» [218].

Т. Шанин пишет: «Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались “разобрать” поместье... Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...

Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития... Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи» [24, с. 156, 169].

Осенью 1905 г. крестьянская война охватила практически все регионы помещичьего землевладения. В ходе революции возник целый ряд «крестьянских республик», некоторые просуществовали целый год. Но для нашего вопроса в 1905-1907 гг. еще важнее волна составлений сельскими сходами приговоров и наказов, которых посылали в учрежденную Государственную Думу, вопреки запретам подавать петиции и прошения.

Фундаментальная однородность требований в наказах, полученных из самых разных мест России, говорила о зрелости установок огромной общности крестьян (см. [219]). Так, требование отмены частной собственности на землю содержалось в 100 % документов, причем в 78 % наказов просили, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой, а не правительством. Реформу Столыпина крестьяне отвергали принципиально и непримиримо, а вот положительные требования: 84 % наказов требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога, среди неэкономических

форм жизнеустройства выделялись всеобщее бесплатное образование (100 % документов), свободные и равные выборы (84 %).

Как объяснить, что крестьяне, которые составляли 85 % населения России, в большей части неграмотные, не имевшие своей прессы и политических партий, создали целеустремленное и убедительное революционное движение с программой, выраженной ясным и эпическим языком с понятными и художественными образами. Как мы все, наша советская интеллигенция, этого не увидела, не услышала и не поняла! Как мы просмотрели тексты ведущего социолога того времени М. Вебера («Русские штудии»), который выучил русский язык, чтобы следить за революцией 1905-1907 гг., и который пришел к выводу, что мировоззренческая основа русской революции — крестьянский общинный коммунизм?

Русские рабочие тогда в подавляющем большинстве были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления во многом оставались крестьянами. В 1905 г. половина рабочих-мужчин еще имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках». Между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне.

Понятно, что рабочие в промышленных коллективах и в городе освоили иные знания, язык и навыки рационального мышления, чем крестьяне. Русские рабочие много читали, познакомились в кружках, на митингах и через литературу с социал-демократией, с представлениями марксизма.⁴⁶ Но они, как и крестьяне, обдумывали и обсуждали перспективы будущего, вырабатывали устойчивые системы ценностей. Но только теперь, в последние тридцать лет, перед нами возникла проблема: почему тогда у российской интеллигенции сложилась внутренне противоречивая и неустойчивая мировоззренческая платформа. Это сложная проблема, и ее надо и сегодня учитывать.

М.М. Пришвин писал после Февральской революции о состоянии умов тех, кто был элитой интеллигенции и ядром социальной базы либерального проекта: «Господствующее мирозерцание широких

масс рабочих, учителей и т. д. — материалистическое, марксистское. А мы — кто против этого — высшая интеллигенция, напитались мистицизмом, прагматизмом, анархизмом, религиозным исканием, тут Бергсон, Ницше, Джемс, Меттерлинк, оккультисты, хлысты, декаденты, романтики. Марксизм, а как *это* назвать одним словом и что это?».

Надвигающийся крах государственности и предчувствие еще более тяжелых катастроф произвел в умонастроении интеллигенции шок, который на время деморализовал ее как активную общественную силу. Возникла необычная социальная фигура «и.и.» — *испуганный интеллигент*. Его девизом было: «Уехать, пока трамваи ходят».

Перед революцией интеллигенты собирались у друзей, обсуждали ситуацию, спорили. Многие переписывали или перепечатывали речи депутатов Думы (речь Милюкова 1 ноября 1916 г. разошлась по всем губерниям). Власти ужесточили надзор, запретили собрания. Интеллигенты собирались на квартирах, возникло что-то вроде «клубов». Горький так выразил установку интеллигенции: «Главное — ничего не делать, чтобы не ошибиться, ибо всего больше и лучше на Руси делают ошибки».

Революция так дезориентировала интеллигенцию, что многие современники с удивлением говорили о ее политической незрелости и даже *невежестве*. Так, философ и экономист (тогда меньшевик) В. Базаров заметил в те дни: «Словосочетание “несознательный интеллигент” звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину» (см. [220]).

Но все-таки за период 1917-1920 гг. подавляющее большинство населения, включая интеллигенцию и большинство активных противников советской власти, исходя из опыта и реальности сделали рациональные выводы: 99 % примирились и включились в строительство и жизнь СССР, а 1% эмигрировали. Урон в образованном слое был велик, но вскоре и значительная часть эмигрантов стала помогать СССР и морально, и делом. А что же теперь? Уже тридцать лет продолжается, хотя вяло, дезинтеграция и общества, и нации (бывшего советского народа). Ни у какой социокультурной общности не сложилось стремления к какой-то цели и миссии.

Вот важное исследование (2012 г.) уровня *эмпатии*, которую считают главным психологическим условием успеха проекта, института, типа отношений и др. Из большого списка позиций приведем две: «Был задан вопрос: “Какие отношения между людьми в обществе являются, с Вашей точки зрения, *нормальными*?”. Для их характеристики предлагалась пара: “взаимопомощь / каждый сам за себя”. Выяснилось, что для подавляющего большинства респондентов (86 %) *нормальным* в отношениях является готовность к взаимной помощи... После выяснения доминантной нормы, был задан вопрос: “С учетом данного Вами ответа, являются ли отношения между людьми в сегодняшнем российском обществе *нормальными*?”. Из числа респондентов, определивших в качестве нормы “взаимопомощь”, считают отношения между людьми в сегодняшней России *нормальными* только 14 %. Соответственно, 86 % сограждан из данной — доминирующей — группы респондентов определили сложившиеся отношения в качестве не соответствующих норме...

Очевидно, что взаимопомощь все еще является нормой отношений между людьми для большинства наших сограждан. Соответственно, текущее положение дел в данной системе общественных отношений воспринимается в качестве не нормального, то есть, люди признают, что в реальных отношениях доминирует антитеза — принцип “каждый сам за себя”. Налицо явное рассогласование между нормой в коллективных представлениях и социальной фактичностью...

При исследовании отношений между государством и гражданами было предложено выбрать из пары: “граждане должны обладать возможностью влиять на государственную политику / влияние граждан на государственное управление — необязательно”. Выяснилось, что 88% соотечественников разделяют первое мнение...

После фиксации доминантной нормы, был задан вопрос: “С учетом данного Вами ответа, являются ли отношения между государством и гражданами в сегодняшнем российском обществе *нормальными*?”. 93 %, считающих нормой возможность граждан влиять на государственное управление, ответили на этот вопрос отрицательно» [221].

В России, которая остается великой державой, ответственной перед своим населением и всем человечеством, общество и

государство сохраняют главные системы, связанные с угрозами и рисками. Хаос в России — угроза глобальная. Но в ряде постсоветских республик деградация прогрессирует, присмотритесь к Украине или Грузии, вспомните эти республики хотя бы в конце 1970-х гг., их науку и культуру, образ жизни. Но картина мира их граждан, их нормы и ценности, рациональность и коммуникации были недееспособны, произошли социальные и культурные катастрофы — и граждане как будто с радостью нырнули в омут.

Чем же отличались граждане СССР, которые доминировали с 1920 до 1960 гг.? Какой инструмент работал в их сознании и постепенно, с каждым поколением, терял свою работоспособность?

Выскажу свое субъективное мнение.

Во-первых, будем говорить о *внутренних* факторах, которые помогли привести СССР до кризиса 1980-х гг., с которым советский строй не справился. Это не значит, что внешние факторы были несущественны для судьбы СССР. Напротив, советский строй не устоял против разрушительного воздействия *союза внутренних и внешних* антисоветских сил, который и сложился в 1970-1980-е гг. Скорее всего, без этого обе группы сил порознь справиться с советской системой не смогли бы. Но для нас факторы внешней среды были данностью, устранить которую было невозможно — холодную войну отменить было нельзя. Для нас надо обдумать те *переменные*, на которые общество и государство были обязаны влиять. Но не влияли — не умели и не видели.

Во-вторых, надо учесть, что официальная советская история была мифологизирована, и нам до сих пор требуются большие усилия, чтобы уйти от ее стереотипов. Многие в моем суждении покажутся непривычным, многое трудно будет встроить в устоявшиеся современные взгляды. Советское образование и история «берегли» нас от тяжелых размышлений и кормили упрощенными, успокаивающими штампами. И мы не вынесли из истории уроков, даже из Гражданской войны.

Мы, например, не задумывались над тем, почему две марксистские революционные социалистические партии, даже, точнее, фракции одной партии (большевики и меньшевики) оказались в той войне по разные стороны фронта. Советские экономисты обучались в Академии народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а Плеханов считал

Октябрьскую революцию реакционной. Причины этого надо было понять всем! Но эту проблему замели под ковер, и это было наше слабое место.

Рубежом в развитии советского общества была Великая Отечественная война. Накопленная в войне энергия резко интенсифицировала процессы строительства и развития, рост экономики стал экспоненциальным. Происходила ускоренная форсированная урбанизация. В 1950 г. в СССР в городах жили 71 млн человек, а в 1990 г. — 190 млн. В 1990 г. 40,3% всех городов СССР были созданы после 1945 г. (и 69,3 % — созданные после 1917 г.). Новые города населялись молодежью послевоенного поколения. Общество быстро менялось — и демографически, и в своей социальной структуре, и по образу жизни. Резко увеличилась мобильность населения — за период 1950-1990 гг. пассажирооборот общественного транспорта вырос в 12 раз. В 1959 г. в народном хозяйстве высшее законченное образование имели 3,3 млн человек, в 1970 г. — 7, 5 млн и в 1989 г. — 20,2 млн человек (14,5 %).

Перемены происходили очень быстро, и общество находилось в состоянии трансформационного стресса. Города были построены, но становления городского образа жизни, отвечающего явным и неявным потребностям людей, произойти еще не могло. Откуда вырос советский проект и какие потребности его создатели считали фундаментальными? Он вырос прежде всего из *крестьянского* мироощущения. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что — лишнее, суета сует. Новым важным измерением в этой структурной трансформации стала смена поколений. Подростки и молодежь 70-80-х гг. XX в. были поколением, не знавшим ни войны, ни массовых социальных бедствий, а советская власть говорила с ними на языке «крестьянского коммунизма», которого они не понимали, а потом стали над ним посмеиваться.

Тот социализм, что строили большевики и весь народ, был эффективен как проект людей, *испытавших беду*. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но тот проект не отвечал запросам общества благополучного — общества, уже пережившего и *забывшего* беду как тип бытия.

Переход к новому этапу общественного развития происходил при остром дефиците знания о советской системе в новых условиях. Это особенно проявилось у молодежи. В 1956 г. в МГУ уже ощущалось то, чего пока что не замечалось в населении в среднем — *неблагожелательное инакомыслие* в отношении советской системы. В массе все бывают чем-то недовольны, кричат и ругаются, но не подводят под это теоретическую базу, это было «бытовое» недовольство. А в элитарной среде студентов гуманитарных факультетов это инакомыслие было другого типа — «концептуальное». Они читали философов, Маркса, Троцкого, от них волны докатывались и до всех факультетов.

Кризис легитимности вызревал 30 лет с 1960 г. Под новыми объективными характеристиками советского общества 1970-х гг. скрывалась *невидимая* опасность для общественного строя — быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение, его прежней *мировоззренческой основы*. В то время официальное советское обществоведение утверждало (и большинство населения искренне так и считало), что мировоззренческой основой является *марксизм*, оформивший в рациональных понятиях стихийные представления трудящихся о равенстве и справедливости. Эта установка была ошибочной.

Мировоззренческой основой советского строя был *общинный крестьянский коммунизм*. Западные философы иногда добавляли, что он был лишь «прикрыт тонкой пленкой европейских идей». В 1960-е гг. вышло на арену новое поколение интеллигенции из городского «среднего класса». В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений философия крестьянского коммунизма теряла силу и к 1960-м гг. исчерпала свой потенциал, хотя важнейшие ее положения сохраняются и поныне, в коллективном бессознательном — уже недееспособным в политике.

Глубокие изменения в образе жизни, структуре общества и в культуре требовали перехода от *механической* солидарности к *органической*. В период «сталинизма» советское общество было консолидировано *механической* солидарностью — все были трудящимися, выполнявшими великую миссию. Все были «одинаковыми» по главным установкам, это общество было похоже на религиозное братство. С 1960 г. изменялась структура занятости, от

традиционных профессий очень быстро стали отпочковываться новые специальности — во всех отраслях.

Так, в 1950 г. в СССР было 162 тыс. научных работников, а в 1975 г. — 1223 тыс. Каждая группа ученых становилась специфическим сообществом — со своим профессиональным языком, теориями и методами, с информационной системой и школой. Каждое такое сообщество формировалось как сгусток *субкультуры*. И этот процесс происходил во всей деятельности общества. Связи механической солидарности не распались, но ослабли, многих стало тяготить само требование «единства». Требовалось плавное формирование *органической* солидарности, не допуская разрыва и вакуума в сфере солидарности — к более сложной системе отношений. К несчастью, общественные и гуманитарные науки СССР с этой задачей не справились (и сегодня не справляются).

Но обществоведение не отреагировало, оно сохраняло иллюзию стабильности системы ценностей и установок людей, а значит, и иллюзию стабильности общественного строя. Такую ошибку сделала монархия, но советское обществоведение из этого не извлекло урока и продолжало поддерживать веру в магическую силу Октябрьской революции и Победы (см. [222]).

Для консолидации советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект и на первом, и на новом этапе был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству революции. Взрывное возникновение множества групп с разными когнитивными структурами и ценностями создало для политической системы ситуацию реальной невозможности пересобрать новое население в общество и нацию на старой платформе, но старая партийно-государственная машина не могла ни понять, ни предвидеть, ни выработать новые технологии. Уважаемые руководители-старики (как Брежнев или Суслов) этой проблемы не видели, т. к. в них бессознательный большевизм и его стереотипы были еще живы, а новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему (осознаваемую лишь интуитивно) в марксизме (или в образе Запада), где найти ответа не могло. Это вызвало идейный кризис в среде партийной интеллигенции.^{[47](#)}

Мировоззренческий кризис порождает кризис легитимности политической системы, а затем и кризис государства. Ю. В. Андропов в 1983 г. так определил состояние общественного сознания: «Мы не знаем общества, в котором живем». Это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до степени паранойи. Незнанием была вызвана и неспособность руководства выявить и предупредить назревающие в обществе противоречия, найти эффективные способы разрешить уже созревшие проблемы. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий по изменению общественного строя.

Почему эрозия мировоззренческой матрицы советского строя не вызвала действий руководителей государства и КПСС и их помощников — профессоров и академиков, пока к власти не пришло «поколение Горбачева»? Можно предположить, что они с их типом знания и методологии были не на высоте этой задачи. Их образование базировалось на историческом материализме, проникнутым *механистическим детерминизмом*. Они, сами не заметив, вернулись в ту парадигму, в которой проектировалась Февральская революция и отвергалась Октябрьская революция. Интеллектуальная элита КПСС методологически вернулась к «антисоветскому марксизму» — *не видя этого*. Поэтому большая часть этой элиты легко перешла в колею Горбачева, Яковлева, Чубайса и т. д. Этот процесс кончился интеллектуальной катастрофой (см. [223]).

Почему советская интеллигенция и масса образованных граждан постепенно утратили навыки рефлексии о прошлом и предвидении рисков впереди? Работая над этой книжкой, я читал много текстов Ленина, в том числе, непосредственно не связанных с темой книги, и пришел к выводу, что в 1950-1960-х гг. сошли с общественной сцены поколения, натренированные анализировать реальность и предвидеть угрозы. Тренером в этом деле для советского общества был Ленин. Много его соратников хорошо усвоили важные приемы мышления и воображения, они передавали эти навыки и сотрудникам, и всем гражданам, но другого такого тренера больше не нашлось. А писать учебники и методологические трактаты Ленину время не дало.

Почему же соратники Ленина не собрали его суждения и объяснения и не превратили их в учебные пособия? Я считаю, что

соратники, рабочие и крестьяне, подумав, с его суждениями соглашались и считали, что это все понятно — это же не высокая наука и не философия. Считалось, что ученые и философы — это Гегель и Маркс, а позже — Ильенков и Мамардашвили. Так, видимо, считали наши идеологи и академики-обществоведы. Это общая ошибка, и задумались об этом совсем недавно, когда обнаружилась наша беспомощность.

Другой вывод, к которому я пришел, такой. Советские граждане первого периода (1917-1950 гг.) обдумывали сложные проблемы, объяснения Ленина и последующих руководителей. Они мыслили в «методологической системе Ленина», сложившейся к 1917 г. Можно сказать, эта система была принята большинством уже к Октябрьской революции (важно, что на нее перешли не только те, кто *признали* советскую власть, но и их *оппоненты* — они мысленно вели спор или диалог в этой системе).

Но Ленин говорил и писал по каждой конкретной проблеме на естественном языке, почти обыденном, и опирался на здравый смысл для объяснений. Люди понимали проблему и доводы для решения — большинство соглашалось, другие сомневались или отрицали. Они осваивали реальность и будущее в каждом конкретном явлении, почти из эмпирического опыта, потому что они получали объяснения, которые создавали *образы*. Но, похоже, никто не думал, что познавательная «обработка» всех этих явлений опиралась на новую и сложную методологическую систему.

В этой форме мышление и Ленина, и его аудитории, опиралось на знание и на понимание особого типа, которое называется *неявное знание*.⁴⁸ Эта форма познания и визуализация образов явлений в 1960-1970-х гг. интенсивно изучались в гносеологии и науковедении. А с середины 1980-х гг. в СССР было не до науковедения, и сейчас стоит о нем вспомнить. Вот некоторые стороны этого интеллектуального инструмента.

Хотя наука с самого начала декларировала свой рациональный характер и полную формализуемость всех своих утверждений (то есть возможность однозначно и ясно их выразить понятиями), любой человек, мало-мальски знакомый с научной практикой, знает, что это миф. Рациональное и формализуемое знание составляет лишь видимую часть айсберга тех «культурных ресурсов», которыми

пользуется ученый. Интуиция, воображение, метафоры и образы играют в его работе огромную роль, одинаково важную как в мыслительном процессе, так и в представлении выводов.

Важным источником неявного и даже *неформализуемого* знания в науке является чувственное, т. н. «мышечное мышление». У многих ученых развита способность *ощущать* себя объектом исследования. Так, Эйнштейн говорил, что старается «почувствовать», как ощущает себя луч света, пронизывающий пространство. Уже затем, на основании этих ощущений он искал способ формализовать систему в физических понятиях. Этот тип знания, не поддающийся формализации, плохо изучен, однако очень многие ученые подчеркивают его большое значение (я думаю, что в химии без этого нельзя, только мало кто сознается). Для обозначения и осмысления явлений ученые пользуются *нестрогой* терминологией из вненаучной практики — понятиями, основанными на здравом смысле.

Писатель, фантаст и бихевиорист А. Кёстлер в большой книге «Дух в машине»⁴⁹ пишет: «Есть популярное представление, согласно которому ученые приходят к открытию, размышляя в строгих, рациональных, точных терминах. Многочисленные свидетельства указывают, что ничего подобного не происходит. Приведу один пример: В 1945 г. в Америке Жак Адамар организовал в национальном масштабе спрос выдающихся математиков по поводу их методов работы. Результаты показали, что все они, за исключением двух, не мыслят ни в словесных выражениях, ни в алгебраических символах, но ссылаются на визуальный, смутный, расплывчатый образ. Эйнштейн был среди тех, кто ответил на анкету так: “Слова языка, написанные или произнесенные, кажется, не играют никакой роли в механизме мышления, который полагается на более или менее ясные визуальные образы и некоторые образы мускульного типа. Мне кажется, то, что вы называете полным сознанием, есть ограниченный в пределах случай, который никогда не может быть законченным до конца, что сознание — это узкое явление”.

Утверждение Эйнштейна типично. По свидетельству тех оригинальных мыслителей, которые взяли на себя заботы проследить за своими методами работы, *вербализованное мышление и сознание в целом играют только подчиненную роль в короткой, решающей фазе творческого акта как такового. Их фактически единодушное*

подчеркивание спонтанности интуиции и предчувствий бессознательного происхождения, которые они затрудняются объяснить, показывают нам, что роль строго рациональных и словесных процессов в научном открытии была широко переоценена, начиная с эпохи Просвещения. В творческом процессе всегда существует довольно значительный элемент иррационального, не только в искусстве (где мы готовы признать его), но и в точных науках тоже. Ученый, который, столкнувшись с трудной проблемой, отступает от точного вербализованного мышления к смутному образу» [224].

Надо подчеркнуть, что *ученые*, которые используют «интуиции и предчувствия бессознательного происхождения» и смутные образы, вовсе не сдвигаются к мистике и бессознательному, это удел визионеров, гадалок и юродивых. Ученые, после фазы осмысления свой запас «неявного знания», включает вербализованное мышление, так что доводы и выводы передаются получателям в рациональных знаках. Не зря Эйнштейн предупредил: «Сначала я нахожу, потом ищу». Ленин как раз выделялся из массы ученых тем, что он скрупулезно проверял и контролировал результаты своего «неявного знания».

То, что он высказывает как предположения, проверялось им анализом *реальности*. Поэтому очень часто его решения вдруг изменяются к удивлению и даже протесту его сотрудников. Это бывало, если разумное предположение оказывалось неприемлемым для рабочих (как проект государственного капитализма) или становилось неприемлемым для крестьян (как институт военного коммунизма после завершения Гражданской войны). Ленин убедительно объяснял, представляя состояние всей системы кризисного общества.

При этом Ленин в своих объяснениях не допускал давления на эмоции, его выступления были совершенно рациональными. Из текстов Ленина тщательно изгонялись все «идолы Бэкона». Философ науки П. Фейерабенд считал работу Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме» классическим текстом, отвечающим нормам рациональности модерна, и предлагал использовать его как учебный материал по методологии науки.

Между тем в методологии науки с предположениями и образами возникают сложные проблемы. Ученому приходится заменять

реальный объект его *моделью*. Иными словами, необходимо превратить реальный объект в его упрощенное описание, это превращение — важный этап исследования. Отсекая все лишнее, исследователь вносит неопределенность. Для решения многих вопросов нет надежных, неоспоримых оснований, и ученый вынужден делать предположения.

Но в дебатах по конкретной проблеме часто нет возможности *проверить* предположения, более того, обычно дело не доходит даже до их явной формулировки. Первоначальные предположения, часто не вспоминаются, а для политических решений именно они бывают очень важны (особенно выпукло это представлено в доктрине Февральской революции, не будем уж касаться реформы 1990-х гг.). Дело бывает еще хуже. Не только сомнительные предположения не формулируются, но и определения понятий не дается, и дебаты часто становятся не просто спектаклем, а театром абсурда — никто друг друга не понимает, каждый говорит со своим никому неизвестным смыслом.

П. Фейерабенд в своем труде «Диалог о методе» писал: «Вообразите ученых в любой области исследований. Эти ученые исходят из фундаментальных предположений, которые вряд ли когда-нибудь ставятся под вопрос. Имеются методы изучения реальности, которые считаются единственными естественными процедурами, и исследование заключается в том, чтобы применять эти методы и эти фундаментальные предположения, а не в том, чтобы их проверять. Вероятно, что предположения были введены в свое время, чтобы разрешить конкретные проблемы или устранить конкретные трудности и что в тот момент не забывали об их характере. Но это время давно прошло. Сейчас и не вспоминают о предположениях, в терминах которых определяется исследование» [225].

Ленин не забывал свои предположения и не держался за них, он регулярно разбирал их состоятельность. Он был политиком и революционером, но в основе — именно *ученым*. Сочетание этих типов мышления было редкостным качеством.

Непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург писал (1927 г.): «Несомненно, что наука близка Ленину, что в его жизни она занимала большое место и что понять Ленина вполне мы сможем, только если выясним для себя его отношение к науке. Мы все знаем, что он автор научных трудов, но не это, по-моему, является в какой-

нибудь мере решающим в вопросе о Ленине и науке, и если бы он и не написал этих трудов, то место, которое занимала в его жизни наука, осталось бы, несомненно, тем же...

Когда мы всматриваемся в мирозерцание Ленина, этого великого практика и борца, то мы видим, что он прежде всего вырабатывает теорию, т. е. то, что он считает научною базой для своих практических выводов...

В край угла построения собственного мировоззрения и всего строительства новой жизни Ленин ставит науку. Мне приходилось слышать,... что на протяжении тысяч страниц его сочинений и речей о науке почти не говорится. Возражение это, по-моему, свидетельствует лишь об одном: делающие его, очевидно, невнимательно вчитались и вдумались в эти тысячи страниц. Неужели же они ожидали найти в них трактаты о науке?.. Неужели же так непонятно, что Ленин разумел под электрификацией России, о которой он говорил на каждом шагу? Кажущаяся узко-специальнотехнической и действительно узкотехническая электрификация есть вместе с тем символ, символ полного переустройства всей жизни» [93].

С.Ф. Ольденбург понял, что Ленин — ученый редкостного типа, что он был бы великим, даже «если бы он и не написал этих трудов». То, что Ленин написал «тысячи страниц» и что некоторые «невнимательно вчитались и вдумались», С.Ф. Ольденбург объясняет тем, что Ленин «прежде всего вырабатывал теорию». Это простое предположение, но в действительности Ленин не вырабатывал теории, его выводы и доводы были понятны для большинства, как будто это откровения. В них именно вдумывались, даже и те, кто были не согласны из-за расхождений ценностей. А многие несогласные внимательно вчитались и вдумались — и соглашались. Так было почти всегда при обсуждениях сложных проблем в руководстве партии большевиков, такие ситуации отмечены почти во всех главах этой книжки.

И из науковедения (в психологии научного творчества), и из опыта в научной лаборатории известно, что среди ученых есть сотрудники, обладающие способностью быстро перебирать в уме образы возникшей проблемы и факторы, которые на нее воздействуют. И такой сотрудник думает-думает — и натывается на образ такой конфигурации, которая, вот она! Она может разрешить проблему, хотя

иногда всем кажется абсурдом (примерно так Плеханов реагировал на Апрельские тезисы). Иногда, если есть время, кто-то, исходя из этой идеи, разрабатывает теорию.

Вспомним, что Бертран Рассел написал: «Можно полагать, что наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза». Но *сложный синтез* — это и есть революция в науке.

В этом особенность мышления Ленина как ученого. Синтез разных систем обычно бывает результатом не вычислений, а «неявного знания», не перебором формул, а визуализацией образа соединения разных сущностей. Конрад Лоренц однажды использовал известный афоризм: «Творить — значит, соединять».

В философии науки в 1960-1970-х гг. было много внимания к этой миссии в процессе творчества. В науковедении США называли *генералистами* научных работников и конструкторов, обладавших такой способностью. Это те, которые в воображении «видят» образы больших систем и отдельных систем, которые могут сблизиться и под каким-то воздействием соединиться, создавая совершенно новую систему. А дальше они должны наладить коммуникации с коллегами из других дисциплин и областей науки, понять их и объяснить им свои проблемы.

Без таких генералистов современная наука и техника не смогли бы подняться на новый уровень — мультидисциплинарных и междисциплинарных программ.⁵⁰ Социологи науки считали, что научно-технические центры и университеты высшего класса всегда имеют в штатах талантливых генералистов, а те учреждения, в которых нет сотрудников с такими способностями, остаются посредственными.

Особенно ценились такие специалисты, которые умели соединять знания и сотрудников в *вертикальных* междисциплинарных программах — соединяя фундаментальные открытия, проектирования новую сущность, изобретая новый артефакт, создавая технологии для производства, внедряя инновацию в практику производства и использования новый продукт.

Это мы знали из литературы и исследований, но я лично, только изучая теперь методологию Ленина, понял, что он — мастер синтеза, соединения структур и общностей. По аналогии можно сказать, что в

ходе революции и становления нового жизнеустройства Ленин соединял все конструктивные системы и социокультурные группы — и в горизонтальных, и вертикальных программах.

Думаю, что это было важным фактором успеха Октябрьской революции и создания СССР. Мне кажется, что поэтому, когда умер Ленин, Сергей Есенин написал: «Того, кто спас нас, больше нет». Без соединения множества общностей, взорванных революциями и Гражданской войны, насилие и вражда продолжились бы очень долго.

Вот близкий ученым факт. Большинство ученых Академии наук были враждебны большевиками, больше всех из партийных было кадетов. И прежде всего благодаря отношениям Ленина к Академии она продолжала работать и не заняла враждебную позицию к Советской власти. Личные контакты были установлены сразу же. 12 апреля 1918 г. на заседании правительства под председательством Ленина был сделан доклад «О предложении Академии наук ученых услуг Советской власти по использованию естественных богатств страны». Ленин попросил у Академии «выяснить те взгляды, которых придерживаются представители науки и научные общества по вопросу в ближайших задачах русской науки». Эту записку ученые писали с большим энтузиазмом (см. [227]).⁵¹

В 1919 г. Научный отдел Наркомпроса решил провести реформу организации Академии наук — слишком консервативная. Президент Академии А.П. Карпинский объяснил, что Академия «учреждение научное и потому по самому существу своему чрезвычайно сложное». Не помогло. Академик П.П. Лазарев должен был встретиться с Лениным, и С.Ф. Ольденбург попросил его информировать или через Красина, «пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии опозорит любую власть». Луначарский писал об этом: «В.И. Ленин очень беспокоился, вызвал меня и спросил: “Вы хотите реформировать Академию? У Вас там какие-то планы на этот счет пишут?.. Это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания”. Я прекрасно помню две-три беседы, в которых он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не “озорничал” вокруг Академии» [227, с. 16].

Ленин тревожился, что советские и партийные чиновники не готовы работать со специалистами. В 1921 г. он написал статью,

которая наполовину посвящена сложности этих отношений. Он писал: «Поправлять с кондачка работу сотен лучших специалистов, отделаться пошло звучащими шуточками, чваниться своим правом “не утвердить”, — разве это не позорно?

Надо же научиться ценить науку, отвергать “коммунистическое” чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематически, используя свой же опыт, свою практику!.. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден» [229].

Это понятно, научных и технических кадров было очень мало, и в управлении были малообразованные люди или бывшие чиновники, все они разумно консервативные. А ученые сразу представили много проектов и результатов, которые кляло под сукно царское правительство. В этой сфере роль Ленина как «соединяющего цели и ресурсы» была огромна. Секретарь Совнаркома Н.П. Горбунов, который взаимодействовал с Академией наук, писал: «Все крупнейшие изобретения того времени пробили себе дорогу главным образом благодаря непосредственной помощи Владимира Ильича».

Важно, что за шесть лет Ленин, как высший руководитель и одновременно новаторский ученый, многое передал и объяснил своим соратникам. Советская власть и партия понимали, что рывок в образовании, науке и технике был критическим условием выживания СССР, Уже в 1930-х гг. особым качеством советской промышленности стало привлечение для решения технических проблем *самого фундаментального научного знания*.⁵²

Напоследок приведу вывод из одной отстраненной статьи о провале профанации Ленина как советского символа: «Он [символ Ленина] регулярно использовался для переосмысления большевизма и исторического развития страны, выступая едва ли не постмодернистским способом деконструкции. Особенно наглядно это было во время перестройки, когда постепенное “разоблачение” личности Ленина, обновление обстоятельств его биографии должны были послужить одним из аргументов для отказа от революционных догматов. На смену культу пришла “деленинизация”, эффективность которой, однако, может быть подвергнута сомнению...

Культа Ленина не стало, что не привело к сокращению его символического присутствия в повседневности россиян. На место религиозному оформлению пришел “спящий миф”. Ленин ни как идеолог, ни как политик не востребован государством или обществом, однако продолжает зримо присутствовать в них. Множатся и артефакты, отсылающие к образу Ленина. В итоге форма окончательно превалирует над содержанием: лениниана, выступавшая некогда оформлением культа, превратилась в самостоятельное явление, пережившее в итоге сам культ и продолжающая свою долгую историю в настоящее время... Как ни удивительно, но коды, заложенные в лениниану на начальных этапах, действенны до сих пор... Ленин по-прежнему остается героем текста — художественного, документального, вербального и визуального» [231].

Сейчас нам не нужен культ Ленина. На нас давит огромный слой проблем, и мы не сможем их разрешить, если не взглянем трезво и беспристрастно в структуру этого слоя и не начнем восстанавливать связи нашего дезинтегрированного общества. Нам предстоит произвести сложный синтез ценностей и отношений, диалогов и компромиссов. Для этой работы сегодня требуется усвоить уроки методологии и «неявного знания», которые давал Ленин. Эти уроки осваивали массы трудящихся, и экзаменом была Великая Отечественная война. Новой цикл такого ликбеза сейчас для нас очень актуален.

Библиография

1. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). СПб., 1903 // Цит. в: А.А. Соболевская. Уроки о. Сергия Булгакова: поиски путей социально-экономического устройства России. «Преодоление времени». М.: МГУ, 1998. С. 373.
2. *Поспеловский Д.* Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
4. *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 175-186.
5. *Маркс К.* Маркс — Вильгельму Либкнехту // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 247.
6. *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 306.
7. *Бакунин М.А.* Кнуто-германская империя и социальная революция // Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М.: Правда, 1989. С. 188-290.
8. *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 537-548.
9. *Бердяев И. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 59-60.
10. *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 526.
11. *Энгельс Ф.* Письмо В.И. Засулич 3 апреля 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 316.
12. *Предисловие.* Соч. Т. 18. С. XXIX.
13. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // С.Н. Булгаков. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 55.
14. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Соч. Т. 3.
15. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. XIX-XX вв. СПб.: Наука, 1998.
16. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

17. *Lorenz K.* La accion de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza, 1988.
18. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
19. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.
20. *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: Восточная литература РАН, 1997.
21. Экономическое развитие России. Эпоха финансового капитализма / Сост. Н. Ванаг, С. Томсинский. М.: Государственное издательство, 1928. С. 122-125.
22. *Шанин Т.* Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997.
23. *Бродель Ф.* Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. М.: Прогресс, 1988.
24. *Милов А.В.* Особенности исторического процесса в России. (Доклад в Президиуме РАН). См.: *Милов А. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5.
25. *Бродель Ф.* Структуры повседневности. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
26. *Милов А.* Земельный тупик: Из истории формирования аграрно-товарного рынка в России // Независимая газета. 2001. № 31.
27. *Ленин В.И.* Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов. Соч. Т. 16.
28. *Маркс К., Энгельс Ф.* Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 304-305.
29. *Энгельс Ф.* Письмо Н.Ф. Даниельсону. 15 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 38. С. 265.
30. *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 445, 446, 449, 450.
31. *Давыдов А.Ю.* Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) // Вопросы истории. 1996. № 1.
32. *Уваров П.Б.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИ-РО-XX, 2005. С. 138.
33. *Бердяев Н.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1.
34. *Каттон У.Р., мл.* Конец техноутопии. Киев: ЭкоПраво, 2006.

35. Горбунов В.В. Идея соборности в русской религиозной философии. М.: Феникс, 1994. С. 167.
36. Ленин В.И. Аграрный вопрос и силы революции. Соч. Т. 15. С. 204.
37. Четвертый объединительный съезд РСДРП. М.: Госполитиздат, 1959. С. 211-212.
38. Ленин В.И. Заключительное слово по аграрному вопросу. Соч. Т. 12. С. 361.
39. Ленин В.И. Письмо И.И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г. Соч. Т. 47. С. 229.
40. Ленин В.И. Политический отчет Центрального комитета. 7 марта 1918 г. Соч. Т. 36. С. 7.
41. Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во II Государственной думе. Соч. Т. 15. С. 134.
42. Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции. Соч. Т. 17. С. 210.
43. Ленин В.И. Л.Н. Толстой. Соч. Т. 20. С. 21.
44. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М.: РОССПЭН. 1996. <http://scicenter.online/filosofi/marksizm-narodnichestvo-57106.html>.
45. Ленин В.И. Философские тетради. М.: Политиздат, 1973.
46. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действительности // Логос. 2003. № 4-5 (39).
47. Бурдые П. Социология социального пространства: Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
48. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 2.
49. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. С. 133.
50. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 309.
51. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. М., 1990. С. 405.
52. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2.
53. Ленин В.И. Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. Доклад Совета народных комиссаров (13 января 1918 г.). Соч. Т.

35. С. 303.

54. *Арзуманян Р.* Парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. М.: Издательский Дом РЕГНУМ, 2012.

55. *Gramsci A.* La revolucion contra «El Capital» // *A. Gramsci. Antologia.* Мёхко: Siglo XXI Eds, 1984. P. 34-37.

56. *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Общественная наука и практика // *Вопросы философии.* 1990. № 12.

57. *Бергсон А.* Здравый смысл и классическое образование // *Вопросы философии.* 1990. № 1.

58. *Троцкий Л.* Литературные попутчики революции // *Литература и революция.* М.: Изд-во политической литературы, 1991.

59. *Ленин В.И.* Доклад об очередных задачах Советской власти. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Соч. Т. 36.

60. *Пайнс Р.* Русская революция. М.: Захаров, 2005. Ч. 2. Гл. 4. http://krotov.info/libr_min/16_p/ay/ps_13.htm.

61. *Ленин В.И.* Русская революция и гражданская война. Соч. Т. 34.

62. *Булгаков С. А.* На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // *Из глубины.* М.: Изд-во Московского университета, 1990. С. 270.

63. *Карр Э.* История Советской России. Т. 2. М.: Прогресс, 1990.

64. *Ленин и Толстой.* М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. С. 96.

65. *Булгаков С.Н.* Апокалиптика и социализм. Соч. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 388, 389.

66. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Соч. Т. 3. С. 33-34.

67. *Ленин В.И.* О лозунге Соединенных штатов Европы. Соч. Т. 26. С. 354.

68. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. Соч. 5-е изд. Т. 27.

69. *Пришвин М.М.* Дневники. 1918-1919. М.: Московский рабочий, 1994.

70. *Ленин В.И.* О кооперации. Соч. Т. 45. С. 376-377.

71. *Бухарин Н.И.* О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства СССР. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 25.

72. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 114-115.*
73. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М.: Политиздат, 1959. С. 37.
74. *Макашева Н.* Этические принципы экономической теории. М.: ИНИОН РАН, 1993.
75. *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 128.*
76. *Валовой Д.В.* Экономика: взгляды разных лет. М.: Наука, 1989.
77. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861-1863 годов. Соч. Т. 47.
78. *Ленин В.И.* Одна из великих побед техники. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 93-95.
79. *Ленин В.И.* От первого субботника на московско-казанской железной дороге ко всероссийскому субботнику-маевке. Соч. Т. 41, С. 108.
80. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.*
81. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 136, 571-572.
82. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 457.
83. *Асланов Л. А.* Культура и власть. М.: Изд-во МГУ, 2001.
84. *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. Соч. Т. 19.
85. *Бауман З.* Возвышение и упадок труда // *Социологические исследования. 2004. № 5.*
86. *Sahlins M.* Uso y abuso de la biologia. Madrid: Siglo XXI Ed., 1990.
87. *Энгельс Ф.* Положение Англии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 580.*
88. *Levi-Strauss C.* Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico: Siglo XXI Eds, 1990. С. 296.
89. Historia de la ideologia (Eds. F. Chatelet, G. Mairer). 3 Vol. Madrid: Acal, 1989.
90. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003.
91. *Донде А.* Комментарий Макса Вебера к русской революции // *Русский исторический журнал. 1998. № 1.*

92. *Кустарев А.* Тема России в работах Макса Вебера // <http://www.univer.omsk.su/omsk/socstuds/maksveb/index5.html>.

93. *Степанов А., Уткин А.* Геоисторические особенности формирования российского военно-государственного общества // *Россия-XXI*. 1996. № 9-10.

94. *Волков С.В.* Исторический опыт Российской империи // *Русский исторический журнал*. 1999. № 2.

95. *Дроздова Н.П.* Неоинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // *Экономическая теория на пороге XXI века*. 2. М.: Юрист, 1998. С. 702-703.

96. *Россия, 1917 год: выбор исторического пути. Круглый стол историков Октября. 22-23 октября 1988.* М.: Наука, 1989.

97. *Беляков А. А.* План ГОЭЛРО в технико-экономическом контексте эпохи // *Альманах Центра общественных наук (МГУ)*. 1998. № 7. С. 67-89.

98. *Кейнс Дж.* Беглый взгляд на Россию // *Социологические исследования*. 1991. № 7.

99. *Бутинов Н.А.* Американская экономическая антропология // *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука*. М.: Наука, 1979.

100. *Шлыков Б. В.* Американская разведка о советских военных расходах // *Военный вестник МФИТ*. 2001. № 8. <http://litbook.net/book/l5212/amerikanskaya-razvedka-o-sovetskih-voennyh-rashodah/>.

101. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

102. *Сычева В. С.* Измерение уровня бедности: история вопроса // *Социологические исследования*. 1996. № 3.

103. *Alcock P.* Understanding Poverty. MacMillan Press: London, 1993 / Пер. с англ. М. Добряковой.

104. *Розанов В.В.* Уединенное. М.: Политиздат, 1990. С. 49.

105. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917.

106. *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. С. 267.

107. *Энгельгардт А.И.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999.

108. *Кондрашин Н.Н.* Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1995. № 4.

109. *Булгаков С.Н.* Христианство и социализм // Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. С. 225.

110. *Булгаков С.Н.* Неотложная задача (о Союзе христианской политики) // Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991. С. 33.

111. *Алексеев Н.* Советский федерализм // Общественные науки и современность. 1992. № 1.

112. *Ленин В.И.* Государство и революция. Соч. Т. 33. С. 72.

113. *Ленин В.И.* Заключительное слово перед закрытием Третьего Всероссийского съезда Советов. Соч. Т. 35. С. 287-288.

114. *Ленин В.И.* Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Соч. Т. 41. С. 164.

115. *Фадеичева М. А.* «О пользе и вреде истории для жизни». Этнополитика глазами историка, или История глазами этнополитолога // ПОЛИС. 2004. № 3.

116. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 3 // Вопросы истории. 1993. № 5.

117. *Кириенко Ю.К.* Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921-1945 гг.) // Вопросы истории. 1996. № 10.

118. *Константинов С., Ушаков А.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М.: АИГО-XX, 2001.

119. *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М.: Наука, 1996. С. 75, 93.

120. *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994. С. 95-96.

121. *Панарин А. С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО, 2006.

122. *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962.

123. *Соболев В.Е.* Сталин построил третью Россию // Российский «Кто есть Кто». 2004. № 6.

124. *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Аиро-XX, 1998.

125. *Кожин В.В.* Победы и беды России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 418.

126. *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. С. 75.

127. *Чураков Д.О.* Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917-1930-е гг.). М.: Вече, 2007.

128. *Ленин В.И.* Очередные задачи советской власти. Соч. Т. 36. С. 173,174, 199-201.

129. *Ленин В.И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч. Т. 36. С. 295.

130. *Ленин В.И.* Доклад о замене разверстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. Соч. Т. 43.

131. *Ленин В.И.* Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Соч. Т. 45.

132. *Земцов Б. Н.* Дискуссия о сущности пролетарского государства в 1919-1923 гг. // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2.

133. *Ленин В.И.* О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого. Собр. соч. Т. 42. С. 204.

134. *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 27.

135. *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение, 1992.

136. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн. 6. Разложение демократии. 1 сентября — 22 октября 1917 года // <http://www.rnagister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan006.htm>.

137. *Ленин В.И.* Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков. Соч. Т. 40. С. 179.

138. *Ленин В.И.* Ответ на запросы крестьян. Соч. Т. 35. С. 68-69.

139. *Бундаров И. А.* Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Беловодье, 2001. С. 156-157.

140. *Семенова С.Г.* Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель, 1989. С. 262.

141. *Энгельс Ф.* Письмо В.И. Засулич 23 апреля 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 260.

142. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 193.

143. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 264.

144. *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Сочинения. М.: ОГИЗ, 1949. С. 782.

145. *Ленин В.И.* О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова). Соч. Т. 45.

146. *Ленин В.И.* Доклад на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4(17) апреля 1917 г. Соч. Т. 31.

147. *Ленин В.И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма. Соч. Т. 44.

148. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.

149. *Amin S.* El eurocentrismo: Critica de una ideologia. Mexico: Siglo XXI Eds, 1989.

150. *Naredo J.M.* La economia en evoluciyn amp; Historia y perspectivas de las categorias basicas del pensamiento econymico. Madrid: Siglo XXI, 1996.

151. *Martinez Alierf., Schlupmann X.* La ecologia y la economia. Madrid: Fondo de Cultura Econymica, 1992.

152. Англия исчерпала ресурсы, <http://www.vz.ru/society/2006/4/16/>.

153. *Маркс К.* Капитал. Том второй // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 399.

154. *Маркс К.* Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 193.

155. *Энгельс Ф.* Письмо Марксу 21 марта 1869 г. Соч. Т. 32. С. 228.

156. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Соч. Т. 20.

157. *Подолинский С. А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. СПб.: Слово, 1880.

158. *Cheroni A.* La ciencia enmascarada. Montevideo: Universidad de la Republica, 1994. P. 85.

159. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 409-410.

160. *Пригожий И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.

161. *Пригожий И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. С. 43.
162. *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов А.К.* Академия наук СССР. Т. 2. М.: Наука, 1977. С. 29.
163. *Булгаков С.Н.* Душа социализма // Русский космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 141-142.
164. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Русский космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 291, 292.
165. *Ленин В.И.* Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. 19 июля 1920 г. Соч. Т. 41. С. 219.
166. *Ленин В.И.* О революционной фразе. Соч. Т. 35.
167. *Ленин В.И.* Тяжелый, но необходимый урок. Соч. Т. 35. С. 395-396.
168. *Ленин В.И.* Странное и чудовищное. Соч. Т. 35. С. 399-400.
169. *Ленин В.И.* Мир или война? Соч. Т. 35. С. 366-367.
170. *Ленин В.И.* Серьезный урок и серьезная ответственность. Соч. Т. 35. С. 417.
171. *Ленин В.И.* К истории вопроса о несчастном мире. Соч. Т. 35. С. 243-254.
172. Примечание 101. Т. 35. С. 478.
173. *Белоусов Р.Л.* Экономическая история России: XX век. Т. 1. М.: ИздАТ, 1999. С. 385.
174. *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996.
175. Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка / Сост. Д.С. Анин. М.: Современник, 1991.
176. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. Кн. 7. М.: Политиздат, Республика, 1992. С. 343.
177. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Гл. 2. <http://ek-lit.narod.ru/keyn002.htm>.
178. *Ленин В.И.* Письма из далека. Соч. Т. 31. С. 16.
179. *Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября 1921 г. Соч. Т. 44.
180. *Горький М.* Собр. соч. Т. 17. М.: ГИХЛ, 1952. С. 25.

181. *Ленин В.И.* III конгресс Коммунистического интернационала. Соч. Т. 44. С. 43.
182. *Андреев Л.Н.* Верните Россию. М.: Московский рабочий, 1994. С. 180.
183. *Маркс К.* Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 543-546.
184. *Энгельс Ф.* Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 305.
185. *Шереги Ф.Э.* Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986. № 2.
186. *Гриффен Л. А.* Общественный организм. Киев: Задруга, 2000. С. 284.
187. *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Курс исторического материализма. М.: Высшая школа, 1969. С. 19.
188. *Marx K. y Hobsbawm E.* Formaciones economicas precapitalistas. Barcelona: Ed. Critica, 1979. P. 12, 23.
189. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002. С. 147-148.
190. *Сорокин П.А.* Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. № 12.
191. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, 173-174, 175-176.
192. *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 175-186.
193. *Маркс К.* Письмо Вильгельму Либкнехту. 4 февраля 1878 г. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 246, 247.
194. *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 306.
195. *Маркс К.* Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 205, 206, 208.
196. *Бирюков В. А.* Драма великого учения // Постижение Маркса. М.: МГУ-ТЕИС, 1998. С. 296.
197. *Ненароков А., Павлов Д.* Политическое завещание П.Б. Аксельрода // Россия XXI. 1999. № 6.
198. *Маркс К.* Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Соч. Т. 16. С. 18.

199. *Бухарин Н.И.* Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1988.
200. *Ленин В.И.* Политический доклад Центрального комитета. 2 декабря 1919 г. // Соч. Т. 39. С. 342, 345.
201. *Агурский М.* Красный патриотизм // Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. http://propagandahistory.ru/books/Mikhail-Agurskiy_Ideologiya-natsional-bolshevizma/.
202. *Шубарт В.* Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. 1992. № 6.
203. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
204. *Старушенко Г.Б.* Общественный строй: какой он у нас может быть? // СОЦИС. 1992. № 12.
205. *Новиков Г.Н.* Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. № 1.
206. *Леонтьева О.Г.* Русские эмигранты о событиях 1945-1949 годов в Европе и России (из писем Н.А. Берберовой, Е.А. Извольской и Е.Д. Кусковой к А.Ф. Керенскому) // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 12.
207. *Ленин В.И.* К пересмотру партийной программы. Соч. Т. 34. С. 379.
208. *Соколовский Д.* «А если гайки одинаковые ввест...» // Двигатель. 2006. № 4.
209. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. Соч. Т. 46. Ч. 1.
210. *Бердяев Н.А.* Азиатская и европейская душа // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918. С. 57.
211. Основы марксизма-ленинизма. Учебное пособие. М.: Политиздат, 1960. С. 128.
212. *Ленин В.И.* В Секретариат ЦК РКП(б). Е.А. Преображенскому. 6 мая 1920 г. Соч. Т. 51. С. 193.
213. *Рассел Б.* Из письма в редакцию «Известий ЦИК СССР» // Ленин. Человек — мыслитель — революционер. Воспоминания современников. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 437. <https://leninism.su/memory/3608-chelovek-myslitel-revolucioner.htm>.
214. *Ольденбург С.Ф.* Ленин и наука // Ленин. Человек — мыслитель — революционер. Воспоминания современников. М.:

Директ-Медиа, 2014. С. 433. [https:// leninism.su/memory/3608-chelovek-myslitel-revolyuczioner.htm](https://leninism.su/memory/3608-chelovek-myslitel-revolyuczioner.htm).

notes

Энгельс иронизировал в 1875 г., когда в разгаре уже была Реставрация Мэйдзи в Японии — разновидность революции, имевшей целью форсированную модернизацию общества и хозяйства не по западному пути, а с опорой на традиционные (и даже архаичные) японские институты. Например, тогда была сознательно выработана специфическая японская модель промышленного предприятия, построенного не на принципах рынка рабочей силы, а на основе межсословного и межкланового контракта, как это практиковалось в Японии XI века в контрактах между крестьянской общиной, ремесленниками и кланами самураев.

Во втором издании 1908 г. Ленин сделал сноску, чтобы отмежеваться от реформы Столыпина, которая потребовала массовых порок и казней: «Само собой разумеется, что еще больший вред крестьянской бедноте принесет столыпинское (ноябрь 1906 г.) разрушение общины». Но между этой сноской и текстом имеется явное противоречие — трудно поддерживать разрушение общины («отмену всех стеснений») и в то же время критиковать за это Столыпина.

Официальное советское обществоведение не поднялось до того, чтобы это объяснить. Т. Шанин писал: «Плодотворная противоречивость творческого ума Ленина попросту отрицается».

Троцкий о революции 1905 г. сказал: «Наша революция убила нашу “самобытность”. Она показала, что история не создала для нас исключительных законов».

Каутский облакает свой вывод в обычную для истмата терминологию (революция не буржуазная и не социалистическая, но происходит на «границе» этих двух обществ).

Ленин говорил на 7-м съезде РКП(б), что в России «самые развитые формы капитализма, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие» [40].

Говоря об официальной советской истории, Т. Шанин замечает: «Те цитаты из Ленина, которые не подходили к антикрестьянской тенденции, были просто забыты или затерялись» [22, с. 249].

В Харьковской губернии в 1907 г. была сожжена вся деревня Дмитровка из-за того, что ее жители отказались от участия в договоренном совместном с соседними деревнями нападении на помещичью усадьбу.

Стоит прочитать «Философские тетради» Ленина, он сильно намучился, изучая Гегеля. Вот его пометки на полях: «Здесь изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное...»; «Темна вода...»; «Сие производит впечатление большой натянутости и пустоты»; «Тут вообще тьма тёмного...»; «Рассуждения о “механизме” сугубо тёмные и едва ли не сплошная чушь». Результатом этого штудирования Лениным было такое суждение: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!!» [45].

С соответствующими изменениями (лат.). — *Прим. ред.*

Эта статья также вызвала когнитивные противоречия в руководстве большевиков: статья была написана 17 января 1923 г., напечатана 30 мая 1923 г.

Советы рабочих депутатов — *Прим. автора.*

А. Андреев писал: «Двадцать пятого октября 1917 г. русский стихийный и жестокий Бунт приобрел голову и подобие организации. Эта голова — Ульянов-Ленин. Это подобие организации — большевистская Советская власть» [182].

Этот дуализм политэкономии в принципе отрицался русскими социальными философами и экономистами. В попытке разделить этику и знание в экономике Вл. Соловьев видел даже трагедию политэкономии. По сути, русские философы отрицали статус политэкономии как науки.

В наше время термин «рыночная экономика» стал ширмой, за которой скрывается одиозное название *западный капитализм*. Американский экономист Р.Л. Хайлбронер пишет: «Несомненная важность рыночного механизма заслоняет собой тот факт, что социальным укладом является именно капитализм, а не сам по себе рыночный механизм» (см. 15, с. 310)].

Хрематистика (особенно в торговле) и в древности считалась вещью необъяснимой и ненормальной.

Академик С.Ф. Ольденбург — с 1904 до 1929 г. неперенный секретарь Императорской Академии наук, после Октября Российской Академии наук (с 1925 г. АН СССР). Один из лидеров партии кадетов, в 1912-1917 гг. член Государственного совета, министр народного просвещения Временного правительства.

Отсюда — понятие «градообразующее предприятие», которое было понятно каждому советскому человеку и которое очень трудно было объяснить эксперту из МВФ в 1994 г.

Такая атомизация людей и превращение каждого человека в *homo economicus* вовсе не является обязательным условием эффективного капитализма. Это — специфическая культурная особенность Запада. М. Моришима в книге, посвященной культурным основаниям капитализма в Японии («Капитализм и конфуцианство». 1987), сказал, что в японском обществе «капиталистический рынок труда — лишь современная форма выражения “рынка верности”». Экономические отношения видятся там в категориях традиционного общества, а в мировой торговле — в терминах политэкономии Запада.

Представления антропологии очень устойчивы, они и сейчас доминируют в России в самых разных идеологических воплощениях. В томе «Россия» фундаментальной «Всемирной истории» (эти тома стоят почти во всех библиотеках западных школ) читаем: «В идеологии Восточной церкви община верующих сыграла гораздо большую роль, чем роль индивидуума, ответственного только перед Богом, и с этой традицией связаны не только славянофилы XIX века, но также, косвенно, русские социалисты и марксисты, заявившие о важности коллективизма».

Добавлено, что, однако, в мае 1914 г. в «Уставе о Промышленности...» деление предприятий на казенные и частные исчезло, как и вопрос собственности как характеристике предприятия.

Приравнивание добычи к производству уже глубоко вошло в массовое сознание России. Экономисты говорят о том, как использовать «природную ренту», имея в виду нефть. Но прибыль от месторождений нефти нельзя считать рентой, ибо рента — это регулярный доход от *возобновляемого* источника. Доход от добычи нефти — не рента, ибо нефть добывают из невозобновляемого запаса. Английский экономист А. Маршалл в начале XX в. писал, что рента — доход от *потока*, который истекает из *неисчерпаемого источника*. А нефтяная скважина — вход в *склад Природы*. Доход от нее подобен плате, которую берет страж сокровищницы за то, что впускает туда уполномоченную персону для изъятия накопленных Природой ценностей.

Сейчас мы переживаем узаконенное новой политической системой лишение доступа к витальным ресурсам большей части и наших современников — не дотягивает их платежеспособность. Наличие в мировой социальной системе огромных масс людей, лишенных жизненно необходимых ресурсов, не мешает утверждать, что экономическая система находится в равновесии. Для снятия такого противоречия привлекается философия *социал-дарвинизма*. «Отверженными» на мировом рынке становятся целые народы и страны.

Но Содди ошибался. Основные труды марксизма были созданы *после* утверждения термодинамики. Маркс очень быстро воспринял многие важные мысли Карно (например, методологический принцип представления идеального процесса как цикла; Маркс включил этот принцип в виде циклов воспроизводства). Иной была его реакция в отношении *второго начала термодинамики*, поскольку накладывало ограничения на саму идею прогресса.

Понимание того, что у человечества есть «долг перед будущим», который не связан с прямым обменом, есть часть традиционной этики всех крестьянских культур. Индейская поговорка гласила: «Мы не получаем блага природы в наследство, мы берем их в долг у будущего».

Вспомним краткие формулы: «Капитализм вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда» (Бродель); «Запад построил себя из материала колоний» (Леви-Стросс), и многие другие.

Инерция «линейной парадигмы» огромна. И. Пригожин сообщает о редком случае: «В 1986 г. сэр Джеймс Лайтхил (ставший позже президентом Международного союза чистой и прикладной математики) сделал удивительное заявление: он извинился от имени своих коллег за то, что “в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм является ошибочной позицией”.

Не правда ли, крайне неожиданное заявление? Мы все совершаем ошибки и каемся в них, но есть нечто экстраординарное в том, что кто-то просит извинения от имени целого научного сообщества за распространение последним ошибочных идей в течение трех веков. Хотя, конечно, нельзя не признать, что данные, пусть ошибочные, играли основополагающую роль во всех науках — чистых, социальных, экономических, и даже в философии... Более того, эти идеи задали тон практически всему западному мышлению, разрывающемуся между двумя образами: детерминистический внешний мир и индетерминистический внутренний» [160].

Пороговая точка приблизилась в XX в. Растения Земли, поглощая бесплатную энергию Солнца, за год превращают в глюкозу около 100 миллиардов тонн углерода из атмосферы. А нефти человечество добывает в сто раз меньше — и то она стала дефицитной. Теперь 9/10 энергии, используемой людьми, получается из источников, не связанных с ежегодным продуктом фотосинтеза. Это кардинальное изменение произошло всего за 100 лет.

Два глубоко родственных явления в русской истории — *революционное движение* и наука. Оба они представляли в России способ служения, и многие революционеры в ссылке или даже в одиночной камере естественным образом переходили к занятиям наукой (вспомним Н.И. Кибальчича, Н.А. Морозова, С.А. Подолинского). Н.А. Морозов писал, что для революционной интеллигенции 80-х гг. XIX в. «в туманной дали будущего светили две путеводные звезды — наука и гражданская свобода». Он говорил, что была сильна выпестованная П.Л. Лавровым идея долга интеллигенции перед народом — «преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу».

Акад. П.П. Лазарев писал: «Мы можем с полным правом утверждать, что без Ленина не было бы предпринято это грандиозное комплексное исследование, получившее в настоящее время такое большое практическое значение. Несомненно, что идейная помощь Ленина, его ясное понимание задач, которые стояли перед исследованием, сыграли колоссальную роль в тех успехах, которые были получены в этой области» [162, с. 29].

Эта аналогия замечательна тем, что ее, независимо от А. В. Чаянова, повторяет Дж.М. Кейнс, когда говорит о неадекватности классической и неоклассической экономических теорий реальному хозяйству 20-30-х гг. XX в. Он пишет в «Общей теории»: «Теоретики классической школы похожи на приверженцев эвклидовой геометрии в неэвклидовом мире, которые, убеждаясь на опыте, что прямые, по всем данным параллельные, часто пересекаются, не видят другой возможности предотвратить злосчастные столкновения, как бранить эти линии за то, что они не держатся прямо. В действительности же нет другого выхода, как отбросить вовсе аксиому параллельных линий и создать неэвклидову геометрию. Нечто подобное требуется сегодня и экономической науке» [177].

В апреле 1918 г. меньшевики в газете «Вперед» заявили о солидарности с левыми коммунистами: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Н.Н. Алексеев — видный российский ученый-правовед первой половины XX в., профессор юридического факультета Московского университета, вступил в Добровольческую армию, участвовал в боях. В эмиграции был идеологом евразийства.

Было опубликовано в «La Nation». Geneve, 1917. № 31. 30 dec.

Вот пример рассуждений крестьян. Пришвин записал в дневнике 2 июня 1918 г.: «Вчера мужики по вопросу о войне вынесли постановление: “Начинать войну только в согласии с Москвою и с высшей властью, а Елецкому уезду одному против немцев не выступать”».

Вот полный текст резолюции: «Обсудив деятельность ЦК, Московское областное бюро РСДРП выражает свое недоверие ЦК, ввиду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией». Резолюция принята единогласно.

На словах Временное правительство было даже гораздо более радикальным сторонником мер военного коммунизма, чем впоследствии большевики. Так, министр труда М.И. Скобелев при вступлении в должность заявил: «Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность» [124, с. 106].

В 1926 г. обследование 22 617 деревенских детей показало, что в возрасте семи-восьми лет потребляли спиртное 61,2% мальчиков и 40,9% девочек.

Почти очевидно, что подход к реальности требовал учитывать разные модели. Л.А. Гриффен писал: «Каждый раз становление новой общественно-экономической формации сопровождалось также образованием новой «цивилизации», т. е. “общественно-экономическая формация” Маркса и “цивилизация” Тойнби представляют собой различные стороны одного и того же социального организма, рассматриваемого преимущественно в первом случае в общественно-экономическом, а во втором в политико-культурологическом аспектах» [186].

Вот какие идеологические штампы применяет Энгельс, чтобы охарактеризовать русское крестьянство: «Масса русского народа, крестьяне, столетиями, поколение за поколением, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания» [18, с. 568].

Известно, какое резкое неприятие вызвали представления Бакунина и народников о назревании в России антикапиталистической революции у Маркса и Энгельса. Они считали эту революцию несвоевременной и даже реакционной. Напротив, гражданская война буржуазии северных штатов США против буржуазии Юга воспринималась Марксом почти как пролетарская революция. Маркс писал в поздравлении с переизбранием президенту США Линкольну (1864): «Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса. Предвестие грядущей эпохи они усматривают в том, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспрецедентные бои за освобождение поработенной расы и преобразование общественного строя» [198].

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России» именно как цивилизации. Правовым основанием для войны против РСФСР Пилсудский считал подписанный 21 апреля 1920 г. тайный договор с Петлюрой, согласно которому «Украинская Народная республика» уступала Польше Галицию и ряд других областей (до границ 1772 г.), за что Польша бралась восстановить власть Директории на Украине.

Даже Керенский в эмиграции так начинал свою рукопись «История России»: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали... Нашей музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиатских степей» (цит. в [205]). А писательница Н. Берберова пишет Керенскому: «Для меня сейчас “русский народ” это масса, которая через 10 лет будет иметь столько-то солдат, а через 20 — столько-то для борьбы с Европой и Америкой... Что такое “его достояние”? Цепь безумств, жестокостей и мерзостей... Одно утешение: что будущая война будет первая за много десятилетий необходимая и нужная» [206].

Так, многие знали имя А. Стаханова — шахтера, который в 1935 г. выполнил 14 норм по добыче угля. Это представлялось, да и сейчас, как феномен сталинской системы, как продукт энтузиазма или фанатизма, в зависимости от идеологии. Но суть была в том, что Стаханов был мастер и стихийный «философ нестабильности». Вглядываясь в пласт угля, он его *чувствовал* и находил в нем критические точки внутреннего напряжения. Он видел пласт не как однородную или ламинарную систему, а как неравновесную, с центрами напряжения. Стаханов использовал их энергию — удар в эти точки обрушивал массу угля. Таковы были средневековые мастера с «гениальным глазом».

Когда группа виднейших немецких ученых в 1914 г. издала русофобский и антифранцузский манифест, российский министр просвещения поставил вопрос об исключении из числа почетных членов Императорской Академии наук поставивших свои подписи немецких ученых (Нернста, Планка и др.). Французы их из своей Академии исключили моментально, а русские академики решили этого не делать. Зачем, мол, разжигать национальную ненависть. Немцы есть немцы, им иначе нельзя, а нам-то зачем так поступать! И царь не стал настаивать на их исключении.

А.А. Богданов в 1912 г. писал, что в те годы в России в заводских рабочих библиотеках были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Дарвина или «Астрономия» Фламариона — и они были зачитаны до дыр. В заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

Если верить откровениям А.Н. Яковлева и других идеологов перестройки, уже с 1960-х гг. влиятельная часть интеллектуальной бригады власти стала дрейфовать к антисоветскому берегу, и, контролируя дискурс, она дезинформировала и общество, и власть.

Это понятие (tacit knowledge) ввел в 1958 г. М. Полани — физик, химик и философ. Он определил понятие так: в отличие от «явного знания» его «затруднительно вербализовать и передать другому индивидууму через формализованную инструкцию». Он утверждал: «Писанные правила умелого действия могут быть полезными, но в целом они не определяют успешность деятельности».

А. Кёстлер был и коммунистом, и антикоммунистом, а под конец заинтересовался паранормальными явлениями. Название книги о неявном знании — парафраз метафоры «*Deus ex machina*» (*Бог из машины* в античном театре, т. е. нечто, что появляется неожиданно).

В США была подробно изучена история десяти главных нововведений в лечении сердечно-сосудистых и легочных заболеваний за 1945-1975 гг. Выяснилось, что для осуществления одного из этих нововведений были необходимыми 663 ключевых исследования. Отсутствие каждого из них не позволило бы достигнуть общего результата. Из числа проведенных в разных местах исследований 41,6 % в момент публикации результатов никак не были связаны с целью клинического нововведения. Как показал также большой проект «Хайндсайт» (исследование инноваций систем оружия), «радикальные улучшения являются следствием кумулятивного синергического эффекта многих нововведений; каждое же нововведение, взятое в отдельности, обычно приводит лишь к небольшому улучшению либо вообще не имеет эффекта» [226].

Вот пример. Еще в 1910 г. Вернадский подал записку «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи», в которой предсказал неизбежность использования атомной энергии. На нее не обратили никакого внимания. В 29 марта 1918 г. ВСНХ предложил Академии наук организовать исследования для производства радия. До этого вся руда урана продавалась на Запад. Сырье, предназначенное для отправки в Германию, было секвестировано и передано Академии наук с личным участием Ленина. В декабре 1921 г. были получены высокоактивные препараты радия. В начале 1922 г. заработал завод. В 1918 г. стали разрабатывать высоковольтный трансформатор на 2 млн вольт, чтобы использовать как ускоритель элементарных частиц (он был опробован в 1922 г.). Началась атомная программа [228].

Приведем суждение западных историков Р. Толивер и Т. Констебль: «Немцы, американцы и англичане, все вместе, долго разделяли роковое заблуждение относительно достижений Советов. Серия катастроф, обрушившаяся на немецкий народ начиная с 1941 г., была прямым следствием недооценки германским руководством советского колосса... Советский Союз представляет странное сочетание низкого уровня жизни с блестящими техническими достижениями, что противоречит западным понятиям и приводит к огромному количеству ошибок при оценках... Советский Союз во многих отношениях был лучше подготовлен к войне, чем Британия в 1939 г. или Соединенные Штаты в 1941 г.» (цит. в [230]).